

Л.С.Левитская

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
ЧУВАШСКОГО
ЯЗЫКА

тшшт

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Л. С. Левитская

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
ЧУВАШСКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Ответственный редактор
Б.А. Серебrennikov

Книга представляет собой первое относительно полное изложение истории словоизменительных и словообразовательных форм чувашского языка. Автор обобщает и критически пересматривает результаты предшествующих исследований и предлагает собственное объяснение некоторых грамматических формантов.

Рассчитана на тюркологов, научных работников и преподавателей вузов, на специалистов по сравнительно-историческому языкознанию, а также историков, занимающихся проблемой этногенеза народов Поволжья.

Л 70103-140 ВЗ-41-30-76
013(02)-76

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга является продолжением исследований автора в области истории чувашского языка¹. Она написана с целью обобщить результаты предшествующих изысканий, предложить свою интерпретацию ряда чувашских словоизменительных и словообразовательных форм и привлечь внимание специалистов к спорным вопросам тюркской исторической морфологии. Кроме того, она, как и "Историческая фонетика", в известной мере должна явиться основой при написании задуманной нами работы по истории болгарской лексики.

Рукопись этой книги закончена в 1970 г. Сейчас, вероятно, многое в ней было бы написано по-иному: исследования в советской и зарубежной тюркологии последних лет значительно расширили возможности историка языка. Но и содержащееся в данной работе, быть может, окажется небесполезным для тех, кто занимается или интересуется проблемами и состоянием тюркского, в первую очередь чувашского, исторического языкознания.

Хотелось бы сердечно поблагодарить всех, кто способствовал выходу книги в свет.

¹ См.: Л.С. Левитская, Историческая фонетика чувашского языка, а.к.д., М., 1966.

Первым опытом исторической морфологии чувашского языка можно считать исследование В. Шотта "De lingua Tschuwaschorum" /224/, где автор выясняет происхождение ряда чувашских суффиксов и местоименных основ путем сопоставлений и идентификации с другими тюркскими языками. Важный этап в создании чувашской исторической морфологии представляют книги Н.И. Ашмарина, в которых предлагаются этимологии многих формообразующих и словообразующих суффиксов. Исторические комментарии Н.И. Ашмарина продолжены современными исследователями. Многое, имеющее прямое отношение к истории чувашского языка, можно найти в работах по алтаистике и сравнительной тюркологии, принадлежащих перу зарубежных исследователей, особенно Г. Рамстедта, М. Рясаяна, Н. Поппе, И. Бенцинга, О. Прицака и других. Очень перспективными являются сравнительно-исторические и историко-типологические разыскания Б.А. Серебренникова, обратившего внимание на некоторые общие тенденции в развитии морфологической системы тюркских и финно-угорских языков поволжского ареала. Мы старались учесть и по возможности использовать и оценить все, сделанное предшественниками, особенно чувашскими языковедами. Ссылки на их труды приводятся по ходу изложения соответствующих проблем.

Хотя сведений по чувашской исторической морфологии накоплено довольно много, цельное изложение ее основных проблем с привлечением сравнительных данных из других тюркских языков и диалектов предлагается, кажется, впервые.

Для создания полноценной исторической морфологии чувашского языка необходимы по крайней мере две предпосылки:

1) наличие сравнительно-исторической морфологии тюркских языков, дающей картину общетюркского (точнее предтюркского) состояния, а следовательно, реконструкции морфологической системы тюркских языков до выделения тюркских предков чувашей из общетюркской общности;

2) разработанность чувашской исторической диалектологии, которая, в свою очередь, обусловлена состоянием диалектологии описательной.

Обе эти предпосылки пока отсутствуют. Поэтому многие наши предположения и выводы могут оказаться предварительными, так как основаны на ограниченных источниках.

Данные чувашской диалектологии

Общеизвестно, что диалекты и говоры являются одним из важнейших источников при изучении истории различных языков. Данные диалектов дополняют и разъясняют многие факты, почерпнутые из письменных памятников. В диалектах и говорах часто сохраняются архаичные явления, легче прослеживается генезис новообразований.

Диалектные данные со времени А.А. Шахматова постоянно привлекаются историками русского языка. Пристальное внимание к диалектам как источнику для исторических разысканий в последние годы проявили германисты. Для языков с непродолжительной письменной традицией диалекты — один из важнейших источников сведений об их истории. Так, например, исторические грамматики многих финно-угорских языков (пермских, марийского) строятся почти исключительно на данных диалектов и говоров и сравнительном материале других финно-угорских языков.

Советскими тюркологами уже давно осознана необходимость привлечения диалектных данных для сравнительно-исторического изучения тюркских языков. При исторической интерпретации фонетических явлений (соответствий), при этимологизации грамматических форм и слов очень многие тюркологи использовали данные диалектов и говоров. Однако теоретическая постановка проблемы, осмысление использования диалектных данных как методического приема сравнительно-исторических исследований по тюркским языкам приходится на 50 — 60-е годы.

В докладе Э.В. Севортяна на ашхабадском совещании 1959 г. говорится: «Мы вправе утверждать, что наибольшего успеха в историко-тюркологическом исследовании можно добиться путем сопоставления показаний памятников, диалектов конкретного тюркского языка и сравнительно-исторических данных тюркских языков» /28а, стр. 22/. Эта мысль была подхвачена и проиллюстрирована в ряде докладов на III Региональном совещании по диалектологии тюркских языков в Баку (1960 г.). Следующим шагом явились статьи и выступления акад. В.М. Жирмунского, в которых он призывал к историческому осмыслению лингво-географических разысканий. Однако тюркская историческая диалектология и лингвистическая география делают еще первые шаги. А многие описания тюркских диалектов и говоров пока мало пригодны для исторической интерпретации.

Первые образцы использования данных чувашских диалектов для объяснения фонетических и морфологических феноменов были даны Н.И. Ашмариним. Установленная им традиция была успешно продолжена Т.М. Матвеевым, В.Г. Егоровым, Ф.Т. Тимофеевым и новым поколением чувашских диалектологов. В настоящее время мы располагаем описанием основных говоров верхнего диалекта. Значительный материал собран и по другим говорам, в том числе и по говорам чувашей, проживающих вне пределов Чувашской республики. В последние годы успешно проводится лингво-географическое описание чувашских диалектов.

До сих пор изучение чувашских диалектов и говоров велось на основе программы-вопросника, в которой были отражены основные фонетические, грамматические и лексические расхождения, выявленные к моменту составления программы. Такой прием изучения диалекта (говора), на наш взгляд, имеет существенные недостатки. Описанию диалекта (говора) как языковой единицы (пусть условной) не хватает цельности, она предстает как набор фактов (по терминологии диалектологов, особенностей), а не как система. Например, Л.П. Сергеев /77, стр. 160/ отмечает, что в моргаушском говоре неупотребительны такие временные формы, как прошедшее многократное, давнопрошедшее определенное. Но из описания говора остается неясным, какова же система его временных форм, как передаются значения прошедшего многократного или давнопрошедшего. Иными словами, диалектолог не показывает, существуют ли в говоре какие-то отличные по структуре формы прошедшего многократного и давнопрошедшего, или их значения распределяются между меньшим числом временных форм, или передаются иным способом.

В XIX в. в сундырских говорах была зарегистрирована форма прошедшего времени типа *kajsačâp*, *kajsačân*, *kajsa* 'я ходил' и т.д. Л.П. Сергеев отмечает в моргаушском говоре только форму 2-го лица единственного числа *kajsačân* 'ты ведь уходил', но не показывает ее места среди других временных форм.

Некоторые явления, звуковые соответствия, грамматические формы, слова, не зарегистрированные в программе, вообще выпадают из поля зрения исследователя. А как раз среди них могут оказаться архаизмы, столь ценные для языковеда-историка.

Нам представляется, что лингво-географическое изучение чувашских говоров, позволяющее на основе пространственного размещения языковых явлений предложить хронологическую интерпретацию ряда языковых процессов, должно дополняться монографическим описанием пространственных языковых единиц (диалектов, говоров). Только полная регистрация архаизмов, новообразований, дублетных форм (хронологических и пространственных) дает возможность создать историческую диалектологию, являющуюся необходимой предпосылкой для создания истории чувашского языка. Пока что в нашем распоряжении оказывается довольно отрывочный материал, не всегда рассчитанный на нужды историка языка.

Однако диалектные данные уже сейчас позволяют уточнить этимологии ряда чувашских морфем и служат материалом для морфологической реконструкции. Так, например, в чувашском языке имеется деепричастная форма на *-masseren/-messeren* со значением 'каждый раз, когда', 'всякий раз как'. Проф. В.Г. Егоров полагал, что в ее основе лежит отрицательная форма причастия будущего времени, т.е. причастие на *-mas*. Иной точки зрения придерживался Н.И. Ашмарин, по мнению которого аффикс *-masseren* состоит из аффикса глагольного имени на *-ma* и послелога *seren*. Чувашские диалектные формы типа *kajmakseren*, *kajmaksajran* подтверждают правильность предположения Н.И. Ашмарина. По семантике чувашской форме на *-masseren* соответствуют тат. и баш. *-yan sajân* (*hajân*

Без привлечения данных чувашских говоров было бы трудно этимологизировать чувашскую форму на *-maskân*, по значению близкую к супину.

Однако встречающийся в говорах вариант аффикса *-maskân* позволяет разложить ее на аффикс глагольного имени *-mak* и послелог *šân* 'для', 'за', тождественный с общетюркским *uđun~üđin*.

Сравнивая диалектные формы родительного падежа множественного числа *ačaşen'*, *ačaşan'*, *ačaşan*, мы можем восстановить первоначальный вариант **ačaşenin*, откуда *ačaşen'* и *ačaşan'* > *ačaşan*, т.е. варианты с соблюдением гармонии гласных. Кстати, вариант *ačaşenən* тоже засвидетельствован в чувашских говорах.

В чувашских говорах (см., например, записи А. Регули) сохранились реликтовые формы уступительного наклонения, более архаичный вариант послелога *pek* 'как', 'подобно' - *kep*, несколько вариантов аффикса орудного (творительного) падежа *-pa*, *-pala*, *-palan*, *-pen*, деепричастных аффиксов *-atšân*, *-atšân* и т.д. До сих пор остается неясным происхождение показателя множественного числа в глагольных формах 3-го лица множественного числа настоящего времени типа: *kajásša* 'они идут'. Варианты верховых говоров типа *kajáččä* помогают реконструировать форму *kajáččä*, где *-t* - показатель временной основы, а *-č* - показатель множественности (кооперативности), встречающийся в составе и некоторых других формантов (возможно, мар. *šamâč* < чув. *sam* + *-č*).

Памятники языков чувашской (булгарской) группы

Не давая подробного обзора и анализа всех памятников чувашского языка¹, мы здесь укажем лишь на те, которые могут быть использованы при написании исторической морфологии.

Булгаризмы венгерского языка, датируемые, как правило, V-IX вв., показательны для истории ряда словообразовательных аффиксов (хронологизация некоторых фонетических процессов). Булгарские эпитафии (XIII-XIV вв.) содержат архаичные формы числительных, некоторые падежные форманты и некоторые данные о системе глагола. Интересный материал предлагают тексты (диалектальные), грамматики и словари XVIII и XIX вв. Своеобразным памятником чувашского языка являются фольклорные тексты, содержащие большое число морфологических архаизмов. Достаточно указать, например, на форму уступительного наклонения типа *kilčîn*, сохранившуюся в наговорах, форму на *-sarä*, бытующую в народной песне и т.д. Памятники фольклора, несомненно, нуждаются в специальном исследовании с лингвистической точки зрения.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего использовалась внешняя реконструкция, т.е. сравнение с данными других тюркских языков и на его основе восстановление исходного состояния корневой или аффиксальной морфемы. Так реконструировались некоторые местоимения, числительные, послелоги, притяжательные аффиксы и т.д. Таким же путем использовались диалектные

¹ Об этом см., например, у В.Г. Егорова /43/.

данные. Далее сравнивались члены парадигмы и восстанавливалось ее исходное состояние (некоторые глагольные парадигмы, парадигма склонения во множественном числе).

Применялся и сопоставительный анализ семантически близких структурных моделей (основа + аффикс) и отдельных аффиксов в чувашском и других тюркских языках, в чувашском и финно-угорских языках. Этот анализ помогает выбрать наиболее вероятную из существующих гипотез или предложить новую интерпретацию анализируемой формы (например, некоторых причастий, деепричастий, словообразовательных аффиксов).

Заимствования и новообразования устанавливались главным образом с учетом относительной хронологии фонетических изменений. Так, например, причастие на *-aḷan*, бытующее и во многих кыпчакских языках, могло проникнуть в чувашскую систему после исчезновения гуттуральных. Аффикс *-ḷḷk*, видимо, попал из какого-то кыпчакского источника после того, как чувашский *ḷ > ś*.

ТРАНСКРИПЦИЯ

В работе использована в несколько модифицированном, по техническим причинам, виде латинская транскрипция, принятая в некоторых исследованиях по чувашскому языку.

И М Я

ФОРМА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Насколько известно, в чувашском языке пока не обнаружено никаких бесспорных следов¹ общетюркского аффикса множественного числа *-lar/-ler* или его фонетических вариантов. О происхождении аффикса *-lar/-ler* писали многие исследователи². Наиболее привлекательной нам кажется идея Т. Ковальского – В. Котвича /197, стр. 31; 194, стр. 29/, сближавших *l* аффикса *-lar/-ler* с другими *l*-показателями в тюркских (и даже алтайских) языках (по В. Котвичу, со значением комитатива типа якутского *-lan* и *l̄:n*). Из тюркских *l*-показателей генетически близкими к *l* в *-lar*, как нам представляется, являются *l* со значением совокупности, множества в *-lik/-lik* и *-lak/-lek*³. Во второй части аффикса *-lar* – *-ar*, – быть может, представлен аффикс с разделительно-собирательным значением, так как тюркская форма множественного числа выражает одновременно идею собирательности и разделительности. Например: тур. *kuşlar* ‘(разные) птицы’, но *kuş* ‘птица’ и ‘птицы’ (весь класс)⁴.

В чувашском языке морфологическим показателем множественного числа имен является аффикс *-sem*. В верховых говорах он выступает, как правило, в двух вариантах: *-sam/-sem*, в козловском – в виде *-səm*, в низовых как *-sem*, *-səm*, *-sen*.

Чувашский показатель множественности, вероятно, сравнительно поздно происхождения⁵: во многих говорах он не имеет сингармонических

¹ И. Бенцинг /176, стр. 722/ ссылается на слово *Püler* – название старинного города Билярска.

² Библиография приведена у А.Н. Кононова /57, стр. 85/; см. также: /58, стр. 3-4/.

³ Ср.: Т.М. Гарипов /31, стр. 88/.

⁴ Ср.: К. Менгес /200, стр. 111/, Б.А. Серебрянников /125/, но: А.М. Шербак /156/.

⁵ Иначе думают исследователи, предлагающие этимологии на общепалтайской почве: О. Прицак и поддержавший его Г.Е. Корнилов.

вариантов и, кроме того, аффиксы принадлежности присоединяются к именам перед аффиксом множественного числа⁶. В других тюркских языках аффиксы принадлежности присоединяются к именным основам, уже оформленным аффиксом множественного числа: ср. чув. *uŋəm ʃem* 'мои кони' и тюрк. *allaŋm* то же⁷.

Происхождение чувашского аффикса множественного числа до сих пор не установлено. В. Шотт сближал его с тюрк. *katuŋ, kamu* 'все' /224, стр. 15-16/. Г. Рамстедт /219, стр. 22/ и М. Ряснен /221, стр. 167/ возводили его к *sajın* 'каждый', 'весь'. Б. Мункачи /201/, Л. Патрубань /205/, Н.И. Ашмарин /10, стр. 150-151/, В.Г. Егоров /43, стр. 36/ и И. Бенцинг /176, стр. 722/ связывали его с общетюркским *san* 'число', 'большое количество'. Исследователи также указывали на сходство чувашского *-sam/-sem* с селькупским показателем множественности *-saŋ*, камасинским *-saŋ* /66, стр. 87; 63/ и марийским *-šamäč* (< *šam-č*) /29, стр. 65/. При этом обычно источником для последних признавался чувашский язык.

О. Прицак /213, § 40/ полагает, что *-sem-č-sen* < *-sa + in*, где **sa* и **in* – показатели множественности. А.Н. Кононов /58, стр. 4/ считает гипотезу О. Прицака наиболее вероятной. К точке зрения О. Прицака⁸ близка и идея Г.Е. Корнилова о составном характере *sen* /63, стр. 194/: *-se* (общеалтайский? – Л.Л.) + *-n*, выступающий как буферный согласный перед падежными аффиксами с гласным в абсолютном анлауте.

Обратимся теперь к парадигме склонения имени с аффиксом множественного числа:

осн. пад. *ačaşem* 'дети' (*ačaşam, ačaşəm, ačaşen*)
 род. пад. *ačaşen'* (*ačaşenən, ačaşəmən, ačaşən'*,
ačaşan', ačaşanən)
 дат.-вин. пад. *ačaşene* (*ačaşama, ačaşəne, ačaşe, ačaşan'e, ačaşan'a*)
 местн. пад. *ačaşenče* (*ačaşamra, ačaşənče, ačaşan'če, ačaşanča*)
 исходн. пад. *ačaşenčep* (*ačaşamran, ačaşan'čen*) и т.д.

Сравнение форм родительного (= притяжательного) падежа позволяет восстановить исходную форму **ačaşenin*, откуда объяснимы *ačaşen'*, *ačaşan'* (< *ačaşen'ən*) и *ačaşan'* в верховых говорах, где употребительны

⁶ Н.И. Ашмарин /10, стр. 380-381/ отмечает в малокарачклинском говоре формы типа *xəzəzəmənčän* 'от его дочерей', где аффикс принадлежности ставится дважды: перед аффиксом множественного числа и после него. Это, по-видимому, новообразование.

⁷ Особый случай представляют такие примеры, как тур. *annemgilde* 'в семье моей матери', кат. *babamlarğa* 'к семье моего дедушки'.

⁸ О. Прицак, опираясь на существование аффикса *-se* в чувашских говорах, полагал, что *-sen* < *-se-n*. Однако *-se* – форма дательного падежа, развившаяся из *-səne*, ср. параллельные формы *lašaşne* и *lašaşe*.

сингармоничные варианты и других аффиксов (*-pak/-pek, -pa/-pe, -šän/-šən*). Та же склоняемая основа **ačaşen* < *ačaşen'* е восстанавливается и при сравнении форм дательного-винительного падежа. Н.И. Ашмарин /14, стр. 268/ считал исходным вариантом аффикса множественного числа *-sen*⁹. Точку зрения Н.И. Ашмарина разделяли многие исследователи (М. Ряснен, В.И. Котлеев, Г.Е. Корнилов).

Объяснения требует форма местного (соответственно исходного) падежа на *-senče*, выступающая вместо "закономерной" *-sente* (ср. *măkân* < *măkân'* 'мак'). Она "совпадает" (*-če* < *-t'e*) с формой местного падежа у имен с аффиксом принадлежности 3-го лица: *üvülənče* 'у его сына', *xəzənče* 'у его дочери'. Это дало повод И.А. Андрееву /4, стр. 50 и сл./ попытаться обосновать еще одну гипотезу о происхождении чувашского аффикса множественного числа. И.А. Андреев согласен с теми исследователями, которые сближают чувашское *-sam/-sem* со словом *sam* (ср. венг. *szám* (из булг.) < *sa:n* 'число', 'большое количество'), причем форму *san* он считает исходной. Это *san*, сочетаясь с определением-именем, первоначально было оформлено притяжательным аффиксом 3-го лица *-ə*, т.е. *ača sanə*; в низовом диалекте: *ačaşanə > ačaşənə > ačaşen'*; в верховом:

san'ə > san'ə > san > sam
*sen'ə > sen > sem*¹⁰.

За гипотезу Ашмарина – Андреева как будто говорит следующее. В ряде тюркских языков *san* сохранило значение «большое количество», «множество», «большое неопределенное число». Например, каз. /55/: *san kisi keldi* 'множество людей приехало', кир. /57/: *san* 'несметное количество', 'десять тысяч' и т.д. Возведение аффикса *-sam/-sem* к *san-ə* позволяет объяснить формы местного и исходного падежей.

Однако эта гипотеза, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем обосновании. Во-первых, сочетания *ača sanə* или *ača senə* пока нигде не зафиксированы. Во-вторых, остается неясным, почему в основном падеже *ə* всегда дает нуль/, т.е. *ačaşənə > ačaşen'* (ср. *leš/lešə* и т.д.), а в остальных падежах (кроме дательного-винительного, где имеем *ačaşene* вм. ожидаемого *ačaşənəne > ačaşenne*¹²) этот *ə* сохраняется. Наконец, умлаут типа **sani > *seni* не подтвержден пока в низовом диалекте другими примерами, ибо чувашские слова *pat* 'близость', *kap* 'подобно' имели, вопреки утверждению И.А. Андреева /4, стр. 53/, архетипы с гласным переднего ряда (**bāt ~ тюрк. bet* и **kār ~ тюрк. кер*).

Рассмотрим точку зрения Г. Рамстедта, согласная которой чувашское **sen'* < *sajın*. Фонетически эта этимология вполне допустима: *sajın > säjin >*

⁹ Первоначально он думал, что *sem > sen* под влиянием *-n* родительного падежа /10, стр. 46/.

¹⁰ То же находим у Н.И. Ашмарина /10, стр. 150-151/: *šīnsem* 'людям. *šīn semə*. По мнению И. Бенцинга /176, стр. 722/, низовое *sem* < **san* верховая же форма возникла из древнего субстантива *sa:m* без послесловного суффикса.

¹¹ Ср. у В. Котвича /192, стр. 177/.

¹² Ср. объяснение И.А. Андреева /4, стр. 53/.

sen' (ср. чувашские формы от того же **saj*: *seren*, *sejren*, *sajran*, *saran*, *saren'* 'каждый', 'еже-').

Во многих тюркских языках известно слово (послелог) *sajın* 'каждый', 'еже-', которое обычно трактуется /57, стр. 306; 41, стр. 234/ как деепричастие от глагола *saj-* 'считать'¹³ (иначе: /33, стр. 105/: *saj* + *-in*).

По В. Котвичу /64, стр. 116/, *saju*, *sajın* < *sa-* 'считать', при этом *saju*, *saja*, *saj* – деепричастные формы, а *-in* – окончание творительного падежа. Этому *sajın* в чувашском языке по значению и употреблению соответствует вышеупомянутое *seren* и его варианты. Быть может, чувашское *seren* < *sajran* < **sajran* (т.е. исходный падеж от *sajın*)¹⁴ вытеснило прежнее *sajın*¹⁵, взявшее на себя роль показателя множественности.

Возможность использования слова со значением "каждый" в качестве показателя множественности подтверждается и типологическими параллелями. Так, в маньчжурском языке множественное число может быть выражено сочетанием существительного со словами: *geren* 'все', *eiten* 'каждый', *geren niyalma* 'все люди', *eiten jaka* 'каждая вещь', 'все вещи' и адвербиальными вспомогательными словами *gemu*, *tome* (= 'все'): *niyalma gemu sambi* 'все люди /это/ знают' /см., например: 97, стр. 20/.

Способность к дальнейшей грамматизации послелога *sajın* ~ чув. *sen'* можно проиллюстрировать примерами из других тюркских языков: тел. *piçigi sain* 'каждое письмо' /106, IV, стр. 225/; алт. *mân kiži sain ajtım* 'Я каждому порознь говорил' /106, IV, стр. 225/; *jâr sajı bardıñ* 'ты бродил по всем странам' /106, IV, стр. 295/; сюг. *kün sein* 'с каждым днем', *sik se:n* 'по каждой двери' /132, стр. 25/; *kalık ulus jer sajı akeldi* 'народ принес в каждый дом' /33, стр. 105/; кир. *kişi sajın ajtım* 'я говорил каждому человеку', *rajon sajın toktop žūñip oturduk* 'в каждом районе делали остановку' /85, стр. 59, 60/; кбал. *sabijlerin arbazla sajın kılçırīb izlej edile* 'они разыскивали своих детей в каждом дворе и ждали их' /144, стр. 79/, ср. чув. *kilşeren şūret* 'ходит по всем домам' /180, стр. 264/.

При допущении Г. Рамстедта, что *sen'* < *sajın* (*sen* могло измениться в *sem* под влиянием аффикса творительного падежа), остаются неясными формы местного и исходного падежей на *-nçe*, *-nçen*. Возможно, они возникли из формы родительного (= притяжательного) падежа, которая воспринималась как аналогичная местоименным основам на *-n* в косвенном падеже. Так, парадигма склонения имени во множественном числе могла сложиться в такой последовательности:

¹³ В тюркских языках он употребляется с именами, обозначающими время (*kün sajın* 'ежедневно', *jıl sajın* 'ежегодно') и причастиями (*okıñan sajın* 'каждый раз читал' и т.д.).

¹⁴ Косвенно это подтверждается возможностью замены в некоторых случаях имени с послелогом *seren* именем в исходном падеже, ср.: Н.И. Ашмарин /13, стр. 342/.

¹⁵ Ср.: тур. *sajın*, азерб. *saj* 'число', 'счет'; чаг. /106, IV, стр. 219/: *saj* 'счет'.

I. *açaşen*
açaşenən > *açaşen'* и *açaşan'*
açaşene

II. *açaşençe* и *açaşançe*
açaşençen и *açaşançen*
(склоняемая основа = основе притяжательного падежа по типу местоимений *leğ(ə)*, *xäğ(ə)* и т.д.);

III. *açaşenpe* > *açaşempe*
açaşanpe > *açaşampe*

IV. "Вычленение" основы *açaşem* = форме основного падежа.

Парадигма типа: *açaşamən*, *açaşama*, *açaşamta* и т.д., по-видимому, представляет собой новообразование.

Гипотеза О. Прицака (*sen* < *se* + *-n*) отчасти разобрана И.А. Андреевым /4, стр. 48-49/. В алтайских языках многие аффиксы множественности сводимы к комбинации двух элементов (часто формантов с собирательным значением) /208; 209; 149; 228/. Принятие гипотезы О. Прицака предполагает признание относительной древности чувашского аффикса множественного числа¹⁶. Об этом как будто свидетельствует наличие аффикса *-sañ* в некоторых самодийских языках. Однако вопрос о возможности древнечувашско-самодийских контактов¹⁷ и о происхождении самодийского *-sañ* нуждается в дальнейшей разработке¹⁸.

Если все же предположить, что *-se/-sa* в аффиксе *-sen/-sem* . . . было когда-то самостоятельным формативом с собирательным значением, то напрашивается сравнение его с аффиксом *-sar*. Этот аффикс выступает в некоторых словах с собирательным значением (теперь большинство из

¹⁶ Ср., однако: Б.А. Серебрянников /192, стр. 93-99/.

¹⁷ О контактах самодийцев с древними тюрками см.: /218; 185; 191/.

¹⁸ О происхождении камасинского *-sañ* см. интересное замечание А. Йоки /191, стр. 37/. Г.Е. Корнилов, поддерживающий идею о чувашском происхождении камасинского аффикса *-sañ*, приводит еще несколько лексических заимствований из чувашского языка в камасинском /63, стр. 195/. Чувашский характер некоторых из них вызывает у нас сомнения. Так, камас. *kälğa* 'ухо (у котла)' сопоставимо с хак. *xälğa* 'ручка (ведра, котла)', алт., тел. лэб., шор. кюэр. *kilī* 'ручка у котла' /106, II, стр. 707, 781/ 'дужка или ухо у котла' /28, стр. 160/, саг. *kilčī*, *kilji* и алт. *kilji* /28, стр. 783, 784, 781/ 'дужка у котла'; камас. *bo:rsu* 'барсук' (с акулаутным ларингальным смычным, на который почему-то не обратил внимания Г.Е. Корнилов) восходит к хак. *porsix* 'барсук' (ср. алт. *horsuk*) и т.д. Если действительно чувашское *tarağan* 'тараган' < *tar-* 'убегать' > 'убегающий', то причастие на *-ağan*, как новообразование, не могло попасть в камасинский из чувашского (в других тюркских языках чув. *tar-* 'убегать' ~ *tez-*).

них известно как топонимы): *xurǎnşar* 'березняк' от *xurǎn* 'береза'¹⁹, *jumanşar* уст. 'дубняк', теперь — названия нескольких сел (*juman* 'дуб'), *Kajǎksar*, *Varaksar*, *Olǎxsar* топонимические названия (*kajǎk* 'дичь', *varak* 'овражек', *olǎx* 'луг')²⁰. Семантико-структурные параллели производным с аффиксом *-sar* находим в марийских производных с аффиксом *-la* (один из формантов множественного числа) и *-ér*: мар.гор. *kožla* 'ельник' от *kož* 'ель', *šapmila* 'осинник' от *šapki* 'осина', *kožer* 'ельник', *tumér* 'дубняк', *pister* 'липняк'²¹.

В современном чувашском языке функции аффикса *-sar* перешли к общетюркскому *-lik > -lǎx*: *xırǎlǎx* 'сосняк', 'сосновый лес', *xurǎnlǎx* 'березняк', 'березовый лес', *jumanlǎx* 'дубняк', *vǎrenelǎx* 'кленовая заросль', 'лес из клена' и т.д.

ФОРМЫ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Морфологический способ выражения принадлежности малоупотребителен в современном чувашском литературном языке, а особенно в верховых говорах²². Обычно используются аналитические формы: сочетание личного местоимения в притяжательном падеже и определяемого имени. Аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица выступают главным образом для передачи различных эмоциональных оттенков: нежности, уважения, вежливости и т.д.²³.

Чувашские аффиксы принадлежности генетически тождественны с общетюркскими:

1-е л. ед.ч. *-m* ~ общетюрк. *-m*;

1-е л. мн.ч. *-mǎr* ~ общетюрк. *-mǎz*, где *r ~ z* — показатель множественности;

2-е л. ед.ч. *-u* (*-ũ*), *-ǎ* (*-ǎ*), вероятно, *< *ũr*²⁴ общетюрк. *-ŋ*;

¹⁹ Ср. тат. диал. *kajǎnsar* 'березовый лес' (из чув.? — Л.Л.) и чувашские названия селений *Xurǎnşor* и *Xurǎnşur* (от *xurǎn* 'береза'? — Л.Л.).

²⁰ М.Р. Федотов /142, стр. 118/ сопоставляет это *-sar* с тат. *-sar* (*-zar!* — Л.Л.) персидского происхождения в словах типа *gölzar* 'цветник' /см. также: 74, стр. 52/. Примечательно, что в современных грамматиках татарского языка аффикс *-zar*, кажется, даже не упомянут.

²¹ Ср. чув. *Vǎrener* (название леса) от *vǎrene* 'клен'.

²² Ср. сходную картину в марийском языке /29, стр. 71/.

²³ Н.И. Ашмарин /15, VII, стр. 27 и 15, VIII, стр. 230, 253/ отмечает, что и аффикс принадлежности 3-го лица может выражать уменьшительность, ласкательность, например: *kuşǎ* 'глазок' (букв.: 'его глаз'), *uli* 'сыночек', *urı* — ласкательное название медведя в сказке.

²⁴ Ср. азерб. диал. *-r* (аффикс принадлежности 2-го л. ед.ч.) и *-rǎz* (аффикс принадлежности 2-го л. мн.ч.), а также древнетюрк. *-r* /186, стр. 97/.

2-е л. мн.ч. *-r < *r*) *rǎz* ~ общетюрк. (*r*)*rǎz*²⁵, где *r* идентичен с аффиксом принадлежности 2-го л. ед.ч., а *z ~ r* — показатель множественности;

3-е л. ед. и мн.ч. *-ǎ* (после согласных) *< *i* ~ общетюрк. *i*; *-i* (после гласных), возможно, *< *ja < *ji*²⁶: *uga* 'нога', *urı* 'его нога' *< ura + -ǎ < urǎja*.

Наряду с аффиксами принадлежности 3-го лица *-ǎ*, *-i* в чувашском языке наличествует аффикс *-š* (*-ǎš*, *-ǎş*, *-ş*), который употребляется главным образом с терминами родства²⁷: *aşşǎ* 'его, их отец' *< ata + -şǎ*; *amǎş*, *amǎş* 'его, их мать' *< ama + -şǎ*; *riççǎş* 'его, их старший брат' и т.д.²⁸. Этот же аффикс входит в состав аффикса порядковых числительных *-mǎş* и может быть выделен в некоторых местоимениях²⁹.

Что касается происхождения чувашских и общетюркских аффиксов принадлежности, то наиболее бесспорным представляется тождество аффикса 1-го лица *-m* с *m*, выступающим в личном местоимении (*mǎn* и т.д.)³⁰. Связь аффикса принадлежности 2-го лица *-ŋ* с личным местоимением *sǎn* остается пока не доказанной³¹. Аффикс принадлежности 3-го лица *-i > -ǎ*, по всей вероятности, генетически тождествен алтайскому местоимению 3-го лица /221, стр. 18/. Аффикс принадлежности 3-го лица *-şǎ*, вероятно, происходит из общетюркского *-si*. Некоторые исследователи (например, Г.Рамstedт, В.Котвич, А.Н.Кононов) усматривают в нем сложный аффикс: *-s* — показатель множественности, *-i* — показатель лица³². К.Менгес /200, стр. 114/, оспаривая предположения других исследователей о происхождении *-si*, сближает его с указательным *s-* местоимением уральских языков. Распределение аффиксов *-i* (после основ на согласный) и *-si* (после основ на гласный) в тюркских языках не совпадает с их рас-

²⁵ В тюркских языках известны четыре основных варианта аффикса принадлежности 2-го лица множественного числа: *-ŋiz*, *-niŋz*, *-ŋiz*, *-ŋis*, *-ŋiŋ*, *-ŋiz*. Что касается тув., хак., кир. *-ŋar* ~ алт. *-ŋar*, он восходит к *-ŋ + -lar* (показатель множественного числа), ср. шор. *-larŋ* с обратной последовательностью аффиксов.

²⁶ Фонетически ср.: *işel//jışel*, *ilen//jalen* и т.д.

²⁷ Все термины родства представляют собой "основы" на гласный: *ama* 'мать', *teŋe* 'старший брат' и т.д. Если бы они в 3-м лице употреблялись с аффиксом принадлежности *-i* по типу: *uga* 'нога', *urı* 'его нога', то возникла бы опасность смешения их со звательными формами типа: *riçi* 'старший брат (мой)', *aŋi* 'моя сестра' и т.д.

²⁸ Ср., однако: *ane rǎnişǎ* 'теленки коровы'; *attǎşǎ* 'его салоги', *vǎjǎşǎ* 'его игра' /78, стр. 182/.

²⁹ См. ниже, стр. 33, 35.

³⁰ То же самое и в истории финно-угорских языков.

³¹ Ср.: Г.Рамstedт /108, стр. 72/.

³² По мнению М.Рясянена /111, стр. 44/, "чередование *-si ~ -i* является, по-видимому, влиянием синтаксической фонетики или ударения".

пределением в чувашском, где аффикс *-ӗ* и его варианты встречаются со строго определенной группой слов.

Варианты аффикса *-ӗ*: *-ӗӗӗ*, *-ӗӗ* представляют собой плеоназм: *-ӗ + -ӗӗ*. Двойное употребление аффикса принадлежности 3-го лица не раз отмечалось тюркологами, в том числе в татарских диалектах /76; 27/.

Как уже отмечалось выше, аффикс множественного числа в чувашском языке следует за аффиксом принадлежности: *ut̃m̃ṣam* 'мои кони'. В остальных тюркских языках аффикс множественного числа предшествует ему: *atlat̃m* 'мои кони'.

ЗВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Звательные формы имен существительных, обозначающих родственные отношения, распространены в различных тюркских языках:

тув.	<i>avaj</i>	'мама' (<i>ava</i> 'мать'),
	<i>ačaj</i>	'папа' (<i>ača</i> 'отец') /52, стр. 149/;
ккал.	<i>ataj</i>	'бабушка',
	<i>babaj</i>	'дедушка' /18, стр. 179/;
узб.	<i>bābaj</i>	'дедушка' /57, стр. 129/33.

В кумыкском языке отмечены звательные формы на *-v*: *agav* 'дядя', *iniv* 'младший брат' /160, стр. 329/. В хакасском в качестве звательной формы употребляется соответствующий термин родства с аффиксом принадлежности 2-го лица. Естественно, что употребление звательной формы всякий раз сопровождается интонацией обращения.

Все вышеупомянутые звательные формы представлены в современном чувашском языке. Так, в верховом диалекте показатель звательной формы *-j* совершенно сросся с основой и, видимо, уже не воспринимается как таковой:

<i>api</i>	'мама'	<	<i>apa</i>	+ <i>-j</i>
<i>aji</i>	'папа'	<	<i>ača</i>	+ <i>-j</i>
<i>jīsni</i>	'зять'	<	<i>jīsna</i>	+ <i>-j</i> и т.д.

Очень интересны звательные формы в краснотетайском говоре, где имеются формы на *-(a)j/-(e)j*: *araj* 'мать', *kokkaj* 'дядя'; на *-u*: *kokku* 'дядя', *iñku* 'жена старшего родственника'; на *-uk*, *-ok*: *ažuk* 'отец', *močok* 'дед'³⁴. Аффикс *-uk* употребляется и с собственными именами. Чу-

³³ В некоторых языках (башкирский, кумыкский и т.д.) звательные формы почти вытеснили из употребления форму основного падежа: баш. диал. *iñaj* 'мать'.

³⁴ Для сравнения укажем на уменьшительный суффикс *-uk* в коми: *piuk* 'сын', *nyluk* 'доченька' и *-ko* в коми диал.: *ton'-ko* 'невестка' (*-ko*, вероятно, из русского просторечия), а также на марийский суффикс *-uk* в уменьшительно-ласкательном значении, который употребляется с собственными именами. И.С. Галкин /30, стр. 31/ относит марийский и чувашский *-uk* к заимствованиям из русского языка.

вашские (краснотетайские) *kokku*, *iñku*, видимо, аналогичны по образованию хакасским *aʃaŋ* 'твой дядя', т.е. чув. *u* ~ хак. *ŋ* (аффикс принадлежности 2-го лица).

В низовом диалекте чувашского языка отмечены звательные формы на *-ev*: *attev* 'отец', *annev* 'мать', видимо, близкие к соответствующим кумыкским.

Г. Рамstedт полагал, что звательные формы на *-i* (типа чувашских *ati*, *ani*) являются общеалтайскими /108, стр. 63/.

Аффиксы, образующие звательные формы, вероятно, были генетически близки (тождественны) с аффиксами экспрессивной оценки (уменьшительно-ласкательными). В коми-зырянском языке имеется уменьшительный суффикс *-ōj* (*voк-ōj* 'мой брат', первоначально: 'братец') < *-ō* (суффикс с уменьшительно-ласкательным значением) + *-j* (уменьшительный суффикс)³⁵.

Тюркский аффикс *-j*, вероятно, входит в состав сложного аффикса *-kaj/-kej* < *-ka/-ke* + *-j*³⁶ (ср. уменьшительные аффиксы *-kač*, *-č*).

ФОРМЫ ПАДЕЖЕЙ

Притяжательный падеж

В современном чувашском языке показатель притяжательного падежа имеет следующие варианты:

- ән/-ән* (после основ на согласный и *-u*, *-ü*);
- n* (после основ на *-a*, *-e*, *-ä*, *-э*, *-i*);
- нән/-нән* (после основ на *-a*, *-e*);
- jән/-jән* (после основ на *-a*, *-e*, *-i*).

Таким образом, после основ на согласный и *-u*, *-ü* (*-ән*, *-эв*) выступает *-ән/-ән*, после основ на гласный — *-n*, *-нән/-нән*, *-jән/-jән*, т.е. мы имеем такое же распределение вариантов аффикса притяжательного падежа, как в тюркских языках юго-западной группы, например:

- азер.: *-in/-in*, *-nin/-nin*,
- туркм.: *-iŋ/-iŋ*, *-niŋ/-niŋ*,
- гаг.: *-in/-in*, *-nin/-nin*; и т.д.

Если показатель притяжательного падежа присоединяется к словам типа: *al̃* 'рука', *jit̃* 'собака' (конечным *э*, *ӓ* основы предшествует один согласный), то согласный, как правило, удваивается: *al̃* — *all̃n*, *jit̃* — *jitt̃n*. То же самое наблюдается в дательном-винительном падеже. Это явление исследователи трактуют по-разному. Н.И. Ашмарин (как пишет Н.А. Андреев /74, стр. 16/) усматривал здесь своеобразное отталкивание

³⁵ Звательные формы в марийском и мордовских языках, видимо, тюркского происхождения.

³⁶ Ср., например: тат. *tuçankaj* 'родименький', *baškaj* 'головушка' и *änkäj* 'мамаша', *ätkäj* 'папаша'.

от омонимии: *sūtān* 'света' (*sūtā* 'свет'), но *sūtān* 'пригорка' (*sūtā* 'пригорок'). Г. Рамсгедт выводил такие формы, как *pullān* 'рыбы', из **baikkān* /108, стр. 34/.

Так как слова типа *alā* (с сонорным в инлауте) имеют в исходе гласный, можно предположить, что при склонении к ним присоединялись аффиксы *-jān* // *-nān* (притяж. пад.) и *-ja*, *-na* (дат.-вин. пад.), т.е. *alā* + *-jān* // *-nān* > *alānān* > *alnān* > *allān*; *alā* + *-na* > *alāna* > *allā*, т.е. формы *allān*, *allā* явились результатом ассимиляции. Этот процесс был потом обобщен и на основы типа *jīā* 'собака'.

Вариант аффикса притяжательного падежа *-(i)n/-(i)n* большинство исследователей, например В.А. Богородицкий /25, стр. 151-152/ и М.Рясянен /221, стр. 56-57/, считает первичным; вариант *-nān*, возможно, появился вначале при склонении основ на *-n* (например, в местоименном склонении); вариант *-jān* возник из *-jān* (*j* — так называемый соединительный гласный). Общеюрокский аффикс притяжательного падежа *-(i)n/-(i)n* многие исследователи считают общеалтайским и даже урало-алтайским. К. Менгес /200, стр. 109/ указывает, что этот падеж в алтайских языках — адессивного происхождения³⁷.

Дательно-винительный падеж

В современном чувашском языке дательный и винительный падежи имеют единый показатель:

- a/-e (после основ на согласный и -и, -ū, -ā, -э);
- je (после основ на -i);
- na/-ne (после основ на -a, -e).

В чувашских говорах с основами на *-a*, *-e* выступает аффикс *-ja*, *-je*, например: моргауш. *lašaja* 'лошади', 'лошадь'; ишлейск. *элеја* 'корове', 'корову'; красночет. *аҫаја* 'ребенку', 'ребенка'.
Имена с основами на *-и*, *-ū* могут иметь в дательно-винительном падеже окончания *-ja*, *-a*, например: ишлейск. *рэпа*, моргауш. *рэпија* 'теленку', 'теленка'.

Таким образом, выявляются следующие варианты показателя дательно-винительного падежа:

- a/-e (после основ на согласный и -и, -ū, -ā, -э);
- na/-ne (после основ на -a, -e, -и, -i);
- ja/-je (после основ на -a, -e, -i, -и, -ū).

Суммируя эти данные, можно сделать вывод, что вариант *-a/-e* встречается главным образом после основ на согласный, а *-na/-ne*, *-ja/-je* —

³⁷ Ср. происхождение пермского родительного падежа. /Возможно, притяжательный падеж происходит от инструктива или от комитатива. — Прим. отв. ред./

после основ на гласный, т.е. мы имеем такое же распределение вариантов, как и в азербайджанском, гагаузском, туркменском и турецком языках:

азер.:	-a/-ā и -ja/-jā, -ī/-i и -nī/-ni;
гаг.:	-a/-ā и -ja/-jā, -ī/-i и -jī/-jī;
туркм.:	-a/-e и -a/-ā, -ī/-i и -nī/-ni;
тур.:	-a/-e и -ja/-je, -ī/-i и -jī/-jī.

Для общетюркского языка на основании древнетюркских памятников можно предположить существование аффикса винительного падежа *-γ(-γ, -iγ, -uγ, -ūγ, -aγ, -āγ)*. Этот аффикс в результате фонетической эволюции мог дать в чувашском *-jān* (*-iγ > -ī > -ā*). Гласный *ā* (я), являющийся крайне неустойчивым, не был удачным показателем для выражения важной грамматической функции. К тому же показатель винительного падежа от слов типа *хэг* 'девушка' совпал с аффиксом принадлежности 3-го лица, т.е. *хэгэ* 'девушку' и 'его девушка'. Поэтому создалась предпосылка для его «прояснения» в *-a/-e* и совпадения с формантом дательного падежа³⁸. В древнечувашском языке, таким образом, вероятно, еще существовало два падежных аффикса:

вин.пад.	дат.пад.
-ī/-i > -ā/-э	-a/-e
(-jī/-jī, -nī/-ni, -jā/-jā, -nā/-nā)	(-ja/-je, -na/-ne)

Что касается тюркского показателя дательного падежа *-γa/-ge* // *-ka/-ke*, то вслед за Б.А. Серебрянниковым можно предполагать, что это сложный показатель, состоявший из *-k* и *-a*³⁹. Реликты падежа на *-k* (направительного?) сохранились в туркменском языке и у халаджей, например: туркм. *jokañk* 'кверху' (салыр., мары), *ičeñk* 'внутри', *bir jeñk* 'куда-нибудь', *añk-bäñk* 'туда-сюда', *kajak* 'назад', *o:va:k* 'в деревню' (з.г. йомуд диал.); халаджские формы: *burak* 'сюда', *peñk* 'куда', *meñk* 'мне'⁴⁰. Вполне вероятно, что тот же *k* мы имеем в инфинитиве на *-mak*/

³⁸ Ср. смещение дательного и винительного падежей в одном из турецких говоров Болгарии, которое, по словам Т. Ковальского /196/, имеет чисто фонетическое происхождение.

³⁹ См. также точку зрения К. Менгеса /200, стр. 110/.

⁴⁰ Иную трактовку эти формы получили у А.М. Щербак (см.: А.М. Щербак, Существовал ли в тюркском языке дательно-направительный падеж на *-k*?, — "Советская тюркология", 1973, № 3, стр. 59-62).

-mek /61; 123/. Падежный показатель -а, возможно, первоначально имел значение особого пространственного падежа⁴¹.

В большинстве современных тюркских языков показателем винительного падежа является -ni/-ni, который обязан своим появлением местоименному склонению (mān-i → mā-ni). Этот показатель появился в результате переразложения местоименных основ⁴². В тюркских языках юго-западной группы он стал выступать с основами на гласный, хотя наряду с ним используется и обычный -i/i с так называемым "вставочным" j⁴³.

Местный падеж

Показателем местного падежа является аффикс -ra/-re, -ta/-te, -če.

Генетически чувашский аффикс совпадает с общетюркским -da/-de, -da/-de⁴⁴, который в большинстве современных тюркских языков представлен в виде -da/-de и его фонетических вариантов.

Распределение вариантов аффикса в чувашском языке, кажется, идентично древнетюркскому: -ta/te (после l, r, n), -ra/-re (после всех остальных звуков), ср.: чув. *tulta* 'на дворе', *pirte* 'у нас'; ен.орх. *jolta*, *költe*, *anta* и т.д. /92, стр. 29/. В чувашских говорах правило распределения вариантов аффикса местного падежа нарушается: *xavelre* 'на солнце', *vaşanra* 'в лощине' /10, стр. 120/45.

Вариант аффикса местного падежа -če появляется после аффикса принадлежности 3-го лица и аффикса множественного числа: *xəra* 'его дочь': *xəran'te* > *xəranče* 'у его дочери', *ivəls* 'его сын': *ivəlan'te* > *ivəlanče* 'у его сына', *amanşem* (*amanşen'*) 'мельницы': *amanşen'te* > *amanşenče* 'на мельницах'.

⁴¹ По словам Н. Поппе, "the suffix -a was probably an Altaic illative suffix" /207, стр. 199/.

С показателем другого пространственного падежа -d этот -a стал передавать значение местно-исходного падежа.

⁴² См., например: В.А. Богородицкий /25, стр. 155/.

⁴³ Вопрос о природе так называемых вставочных j, n исследован пока недостаточно.

⁴⁴ Исходной формой местного падежа было -ta (-da). Если бы существовало общетюркское -da, то во многих тюркских языках ожидалось бы -ja (ср. *adak* > *ađak* > *ajak*). Поэтому -da > -da > -za > -ra в чувашском, вероятно, локальное явление, т.е. следует различать общетюркский -d > -δ > -z > -r (*adak* > *ađak* > *ajak* > *ura*) и собственно чувашский -da > -da > -za > -ra. — Прим. отв. ред.

Нам кажется, что в аффиксе местного падежа δ не изменился в j из-за наличия вариантов аффикса дательного падежа типа -ja. — Л.Л.

⁴⁵ Диалектологи отмечают параллельное употребление аффиксов -ta/-te и -ra/-re у имен с основой на -n, -l: *kilte*//*kilre*, *amanča*//*amanra* /79, стр. 181/.

Некоторые исследователи отождествляют аффикс чувашского местного падежа -ra/-re с древнетюркским -ra/-re в образованиях типа *içgā* 'внутри' /92, стр. 28; 74, стр. 19; 116, стр. 59/. Думается, что для такого отождествления пока нет оснований⁴⁶ (ср.: /221, стр. 63-64/; там же литература).

В общетюркском в интервокальной позиции имело место d > δ, откуда и в чувашском: δ > z > r (ср. *adak* > *ađak* > *ura* 'нога'); d удержался только в сочетаниях *ld*, *rd*, *nd*, а аффикс -ra/-re распространился на все основы, помимо оканчивающихся на -l, -r, -n.

Аффикс -ra/-re в древнетюркском встречается в словах, обозначающих место и время и представляющих уже для того времени реликтовые образования. В языке енисейско-орхонских памятников отмечены такие формы, как *tašra* 'вне', 'снаружи', *içre* 'внутри', *öñre* 'раньше', *kisre* 'после', 'затем', *asra* 'внизу', *üzre* 'наверху' (ср. также: *soñra* 'потом', *lāgā* 'где'). Верхней хронологической границей δ > r в языках булгарского типа (т.е. в языках) пока считается XIII век.

Выше уже упоминалось (стр. 20), что аффикс -da/-de можно рассматривать как состоящий из двух элементов: -d (-t?) + -a⁴⁷. Этот t мы склонны видеть (вслед за А. Габэн) в так называемых служебных именах типа: *alt*, *ast*, *üst*, *art* (ср.: *asra*, *üzre*, *arka*) и в аффиксе исходного падежа -dän/-än < t ~ d + -in (инструментальный падеж?). Первоначально аффикс -da/-de был аффиксом местно-исходного падежа.

Исходный падеж

Показателем исходного падежа является -ran/-ren и -tan/-ten (после основ на -l, -r, -n). Чувашский -ran/-ren (-tan/-ten) соответствует тюркскому -dan/-den, -dan/-den (после основ на -l, -r, -n), представленному в современных тюркских языках в различных фонетических вариантах.

По мнению многих исследователей, например М. Рясненна /221, стр. 62/, тюркский -dan/-den восходит к более раннему аффиксу местно-исходного падежа -da/-de⁴⁸ + аффикс инструментального падежа⁴⁹. Исходный падеж на -dan/-den относят к падежам сравнительно позднего происхождения.

⁴⁶ Ср. хотя бы чув. *tulta* и др. тюрк. *tašra*.

⁴⁷ А.М. Щербак /154, стр. 81/ указывает, что в тюркских текстах X-XIII вв. из Восточного Туркестана формы местного падежа в немногочисленных случаях употребляются в значении направительного.

⁴⁸ Ср., например, данные древнетюркского и халаджского языков, диалектов азербайджанского языка, где аффикс -da имеет и аблативное значение.

⁴⁹ По К. Менгесу /200, стр. 110/, -n является древним суффиксом рало-алтайского латива.

В ряде тюркских языков сохранился другой показатель исходного падежа: *-dīn/-din*, который, по мнению Г. Рамстедта, возник из наречных образований на *-i* + аффикс инструментального падежа⁵⁰. Аффикс *-dīn/-din* представлен в древнеуйгурском языке, караханидском, хорезмийском тюркском и новоуйгурском; sporadически он встречается и в других тюркских языках, главным образом в наречных образованиях.

Чувашский *-ran/-ren*, *-tan/-ten* после аффикса принадлежности 3-го лица и аффикса множественного числа выступает как *-çen*: *xəɾə* 'его дочь', *xəɾənçen* 'от его дочери'; *tʊʒla* 'его сын', *tʊʒlənçen* 'от его сына'; *amənşet* 'мельницы', *amənşençen* 'от мельниц'.

В говорах в ряде слов после *l*, *n* может выступать вариант *-ran/-ren* вместо закономерного *-tan/-ten*: *šīnran* 'от человека', *junran* 'из крови', *čulran* 'из камня' и т.д.

Совместный падеж

Показателем совместного (точнее, творительно-совместного) падежа в чувашском языке является аффикс *-pa/-pe*. Реже встречаются его варианты *-pala/-pele* и *-palan/-pelen*⁵¹.

Некоторые исследователи рассматривали этот аффикс как результат фонетического развития послелога *birlen*, *birle*, *bilen*, *bile* /72, стр. 26; 108, стр. 54-55/. Иначе объяснял происхождение чувашских *-pa*, *-pala*, *-palan* В. Котвич /64, стр. 321/. Он полагал, что *-pala* является сложным суффиксом, возникшим из двух элементов: *-pa* и *-la*. Аналогию к чувашским *-pa* и *-pala* он усматривает в караимском языке, где имеются *-ba* и *bīla* (по В. Котвичу). Точка зрения, близкая к гипотезе В. Котвича, была высказана Б.А. Серебrenниковым /227, стр. 132-134/, который также полагает, что в аффиксе *-pala* представлены два элемента: *-pa*, являющийся показателем древнетюркского совместно-творительного падежа, и *-la* — древнее окончание комитатива. В. Котвича и Б.А. Серебrenникова поддержал И.П. Павлов, который сближает *-pa*, *-pala*, *-palan* с монгольским аффиксом орудного падежа *-bar/-ber*, а *-la* считает идентичным с *-la*, сохранившимся в наречных образованиях типа: *šərle*, *uksalla* и т.д.⁵²; *-n* в *-palan*, по И.П. Павлову, показатель старого инструментального падежа. В современном чувашском языке есть слово *pərle*, прототипом которого является форма *birlä*. Поэтому И.П. Павлов сомневается в возможности параллельного развития: *birlä* > *pala* и *birlä* > *pərle*.

Нам все-таки кажется, что прототипом чувашского *-pala*, *-palan*, *-pa*, как и караимского *-ba*, шорского *-pīla* и *-pa* и т.д., послужили общетюркские *birlä*, *birlän*.

⁵⁰ Мы усматриваем в аффиксе *-din* падежную форму на *-d(-t)* + аффикс инструментального падежа *-n*.

⁵¹ Иногда чувашские диалектологи отмечают, что форма на *-pala/-pele* характерна для лиц старшего поколения.

⁵² И.П. Павлов, К вопросу о происхождении аффиксов комитатива в чувашском языке (доклад на Симпозиуме по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков).

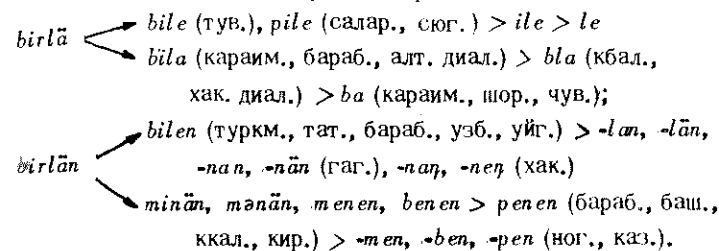
Почти всеми чувашеоведами признано, что совместный падеж в чувашском языке — это новообразование. Аффиксы чувашского комитатива выступают с основным падежом множественного числа и родительным падежом (так называемой *n*-основой) местоимений; чувашский комитатив в большинстве тюркских языков имеет в качестве соответствия имя с послелогом⁵³. Чувашские *pala* и *pəle* могут происходить из разных источников (хронологически и территориально), имея один и тот же прототип: *birlä*.

А. Габэн /186, стр. 136/ производит *birlä* из *bir* + *i-l* 'объединяться'. Более вероятной нам представляется другая гипотеза: *bir* + *lā*, где *-lā* — аффикс адвербиального падежа⁵⁴.

Чувашское *-pala/-pele*, видимо, восходит к *birlä* > *bəle* > *pele*; **ble* дало *pe* (осюда *-pe/-pa*); *-n* в *palan/-pelen* — показатель старого инструментального падежа.

Ступень **ble*, **bla* находим в карачаево-балкарском языке в виде послелога *bla* (ср. хак. диал. *bla*, *pla* и т.д.).

Итак, древнее *birlä*, *birlän* могло трансформироваться в различных тюркских языках и диалектах следующим образом:

В алтайском (и др.) аффиксе *-la/-le* можно усматривать контаминацию реликтов адвербиального падежа на *-la/-le* и *-la/-le* < *bile*. Поэтому чувашская форма *-pele*, *-pala* может иметь двойное объяснение:

1) *birlä* > *bile* > *bəle* > *bele* (э или *i* > *e*, так же, как *bilen* > *minen* > *menen*);

2) *birlä* > *bile* > *bəle* > *ble* > *be* + *-le* (аффикс адвербиального падежа).

Так как аффиксы *-pala/-pele* и *-pa/-pe* по значению не различаются /74/55 и аффикс *-pala/-pele* встречается в языке людей старшего поколения в сказках и песнях /77, стр. 101/, а в быстрой по темпу речи преоб-

⁵³ Творительный или орудный падеж отмечен в хакасском, караимском, казахском и шорском языках.

⁵⁴ А.К. Боровков писал: "Видимо, следует различать случаи с *-la* (*-lā*, *-le*, *-ile*) и случаи с послелогом *birlä* как два параллельные явления" /26, стр. 30/. А.К. Боровков приводит также примеры на орудное значение *-la*: *tūñlä* 'ночью', *çorla* 'раз'.

⁵⁵ Интересен вариант *palen*, отмеченный Г.Е. Корниловым, появление которого он приписывает татаро-башкирскому влиянию.

ладает *-pa*, *-pe* /78, стр. 150/, можно полагать, что *-pa*, *-pe* все же является заключительной стадией в трансформации *paŕe*⁵⁶. В нескольких чувашских словах аффикс комитатива выступает как *-pen*⁵⁷ (ср.: ног., каз. *ben*, *ten*, *pen*): *jetipen* 'потихоньку', 'медленно', *majapen* 'постепенно', 'медленно'.

Лишительный падеж

Показателем лишительного падежа является аффикс *-sâr/-sâr*, который генетически тождествен общетюркскому привативному аффиксу *-sîz/-sîz*.

Некоторые исследователи современного чувашского языка (например: 74, стр. 24-26) указывают на необходимость различать падежный (т.е. словоизменительный) аффикс *-sâr/-sâr* и словообразовательный аффикс *-sâr/-sâr*, омонимичный первому. Падежный аффикс может присоединяться к именам существительным (в том числе оформленным аффиксами принадлежности и числа), местоимениям и числительным, в то время как словообразовательный аффикс присоединяется преимущественно к именам существительным.

Принято считать, что чувашский лишительный падеж по своей семантике противопоставлен творительному и выражает синтаксические отношения. Словообразовательный аффикс *-sâr/-sâr* по своей семантике противопоставлен словообразовательному аффиксу *-lâ/-lâ* (аффиксу обладания) и выражает лексическое значение. Эта характеристика, на наш взгляд, нуждается в дополнении.

В большинстве тюркских языков, а не только в чувашском, аффикс *-sâr/-sâr* (*-sîz/-sîz*) занимает как бы промежуточное положение между чисто словообразовательными и словоизменительными морфемами⁵⁸. На это в свое время обратили внимание Ж. Дени¹⁸², § 881/, Е.Д. Поливанов /100, стр. 9/, В.М. Насилов /90/, А.М. Шербак /154, стр. 100/, М. Закиев /46/, наконец, И.А. Андреев /2, стр. 100, 102-103/.

Аффикс *-sîz/-sîz* и его варианты присоединяются к именам существительным, местоимениям, числительным. Имя с аффиксом *-sîz/-sîz* не меняет своего лексического значения (аффикс выражает идею отсутствия предмета, лица), оно может выступать определителем к имени и глаголу и само иметь определители, например:

чув. *Viletap epê sanşâr* (Артемьев) 'Я умру без тебя!';

⁵⁶ В одном из чувашских говоров Башкирии отмечен параллелизм в использовании падежных аффиксов *-pa/-pe// -paŕa/-peŕe// -paŕan/-peŕen* /79, стр. 180; ср. также стр. 105, 140/.

⁵⁷ Вероятно, аффикс *-pen* не является сокращенной формой типа *pen < penen < pilen < bilen*, а разложим на *pe + -n* (инструктив), т.е. это формант довольно позднего образования.

⁵⁸ И. Бенцинг причисляет лишительный падеж к "Unechtenkasus".

туркм. *Meñliň bolva menňiň hem geçer* (Кербабаев) 'Если будет заседание, пройдет и без меня!';

тур. (XV-XVI вв., по Ж. Дени) *jardeminsiz* 'без его помощи';

уйг. (В.М. Насилов /90/) *nuqsatimsiz* 'без моего разрешения';

чув. (И.П. Павлов /95/) *Pârteneş te pâr açamşâr jultâm...*, 'Вдруг я остался без единственного моего ребенка...';

азер. *vâtânimsiz* (Э.В. Севортян /115/) 'без моей родины'.

По словам Э.В. Севортяна, "...словообразовательные возможности рассматриваемого аффикса ограничены определенным составом основ, и уже по одной этой причине показатель *-сыз* не может быть отнесен к словоформам, отличаясь и в этом пункте от аффикса *-лы*" /115, стр.78/. Однако на стр. 82 он замечает, что "аффиксу *-сыз* не чужда грамматическая функция".

Материалы различных тюркских языков показывают, что тенденция к превращению аффикса *-sâr/-sâr* (*-sîz/-sîz*) в показатель словоизменения (падежный аффикс), т.е. к усилению его грамматической функции, была заложена в системе самих тюркских языков⁵⁹. Ее наиболее яркое проявление в чувашском языке, возможно, было поддержано тем, что в соседних финно-угорских языках имеется особый лишительный падеж или его реликты. По свидетельству И.С. Галкина /30, стр. 31-32/, лишительный падеж существовал в древнемарийском языке. Его следы особенно хорошо сохранились в горном и восточном наречиях марийского языка (например, мар. гор. *talâ oksade kodân* 'он остался без денег').

Лишительный падеж наличествует в пермских языках: коми и удмуртском, а также в мордовском. При этом по своему происхождению формы лишительного падежа и в этих языках связаны со словообразовательными формами адъективного характера.

Происхождение аффикса *-sîz* до сих пор остается неясным⁶⁰. Наиболее известны точки зрения В. Банга: *-sîz < si-* 'ломать' + *-z* — показатель настоящего-будущего времени в отрицательной форме (см.: /57, стр. 148/), Г. Рамстедта: *-sîz* = монгольское отрицание *-sar/-ser < *sar*, которое встречается в гольдском *sarsar* 'туда-сюда', 'в различных направлениях' и монгольском *sami* 'рассеяться', 'распасться' /108, стр. 214-215/, и Н.А. Баскакова: *-si* — "основа дезидеративного глагола" + *-z* — аффикс именного отрицания /19, стр. 47/.

Причинно-целевой падеж

Этот падеж является новообразованием. Его показатель *-şân/-şân*, по всей вероятности, развился из общетюркского послелого *üçin*, который, присоединяясь к имени, выражает причинно-целевые отношения. В пользу послеложного происхождения этого аффикса говорит то, что *-şân/-şân* выступает с притяжательным падежом личных местоимений: *siranşân*

⁵⁹ Ср., например, баш. диал. *-hâş*, который "функционально приблизился к падежной форме" /24, стр. 98/.

⁶⁰ См. также ниже, стр. 128.

‘ради вас’, *manşân* < *manâlnşân* ‘ради меня’. Вместо общетюркского *ıçın*, *için* в чувашском ожидалось бы *ăşân*, *şân*. При словах с гласными заднего ряда *şân* могло дать *şân* ⁶¹.

А. Габэн /186, стр. 142/ возводит послелог *ıçın* к слову *ıç* ‘цель’ (**ıçu-* > *ıçu-* ‘anzieleu’); А.Н. Кононов /57, § 391/ поддерживает этимологию, по которой *ıçın* происходит из *ıç* ‘конец’, ‘причина’ + *-ın* – аффикс инструментального падежа или, скорее, аффикс принадлежности 3-го лица в форме для косвенных падежей ⁶².

В тюркских языках послелог *ıçın* представлен в двух вариантах:

- 1) *ıçın* (узб., кум., кир.), *ışın* (ккал.), *ışın* (тув.);
- 2) *ıçu:n* (туркм.), *ıçün* (уйг., хак., шор., караим., *ışın* (ног., каз.), *için* (гаг., тур.), *icin* (караим. гал.), *içün* (клат.), *öşön* (баш.), *öşän* (тат.).

Наиболее близки к чувашскому аффиксу: узб. *-çın*, клат. *-çün*, азерб. диал. *-çin*, *-çın*, *-çün*.

Направительный падеж

Аффикс направительного падежа – сложный, он состоит из показателя дательного падежа *-a/-e*, *-na/-ne* и показателя собственно направительного падежа *-lla/-lle*.

В некоторых исследованиях по современному чувашскому языку образования с аффиксом *-alla/-elle* отнесены к наречным /72, стр. 76; 39, стр. 890; 74, стр. 283-284/ ⁶³.

Н.И. Ашмарин /10, стр. 129/ отмечает аффикс *-alla/-elle* в числе сложных падежных окончаний, а вслед за ним И. Бенцинг /177, IV/ причисляет эту форму к комбинированным падежам. В качестве особой направительной формы выделяет образования на *-alla/-elle* И.П. Павлов /95, стр. 125-126/.

Употребление аффикса *-alla/-elle* лексически ограничено: он встречается с именами, обозначающими место и время. Образования типа *vârtanalla* ‘по направлению к лесу’, ‘к лесу’ не отмечены в других тюркских языках. Но аффикс направительного падежа существовал в финно-угорских языках: марийском /29, стр. 28-29/ и пермских /122, стр. 48-49/.

⁶¹ Тот же процесс, вероятно, имел место и в слове **ăş* < *iç* ‘внутренность’: **ăş* > *âş* (в сочетании со словом с гласными заднего ряда).

⁶² Ранее то же у О.Бётлингга, К. Брокельмана, В. Банга, А. Габэн, А. Зайончковского и Н.А. Баскакова. Иначе: Г. Рамстедт /216, стр. 71/: причастие от глагола *iç-* ‘anschauen’.

⁶³ Возможно, аффикс *-lla/-lle* генетически родствен аффиксу *-lla/-lle* в наречных образованиях, выражающих подобие, сравнение и т.д. То же самое развитие семантики мы видим у аффикса *-ça*, который в тувинском выступает с директивным значением, в хакасском – с продольным и эквативным значением и в большинстве тюркских языков – с эквативным и отчасти терминативным значением.

Чувашский аффикс направительного падежа *-lla* иногда производят из формы *alla* ‘к руке’.

Марийское *çodraškâla* ‘по направлению к лесу’ (из *çodraške* ‘в лес’ + *-la*) по структуре идентично с чувашским *vârtanalla*. Реликты направительного падежа сохранились в коми и удмуртском /122, стр. 48-49/. Возможно, в чувашском языке когда-то существовала структурная модель типа современного *-alla*, которая была поддержана аналогичными по структуре и семантике образованиями финно-угорских языков ⁶⁴.

Инструментальный падеж

В древнетюркском языке аффикс инструментального падежа *-in/-in* // *-n* был, вероятно, еще продуктивным: др. уйг. *ol ödün* ‘тем временем’, ен. орх. *eligin* ‘рукой’, *közün* ‘глазом’, *jajın* ‘летом’ и т.д.

В современных тюркских языках его можно встретить в словах с временным и обстоятельственным значением, т.е. по существу старая падежная форма превратилась в наречие: караим. *kışın* ‘зимой’, *jazın* ‘летом’; гаг. *ilkin* ‘сначала’, *bu jilın* ‘в этом году’; тув. *çazın* ‘весной’, *çajın* ‘летом’; шор. *arajın (par)* ‘потихоньку (иди)’, тат. *öñön* ‘ночью’, *köndäzän* ‘днем’; алт. *çinän* ‘истинно’ и т.д.

В современном чувашском языке формы на *-ân/-än* // *-n* распространены значительно шире, чем в остальных тюркских языках (см., например: /74, стр. 27 и 278-282/. Возможно, как это было замечено И.С. Галкиным /29, стр. 27/, сохранению и распространению общетюркского инструктива в чувашском языке способствовало наличие *n*-инструктива в финно-угорских языках ⁶⁵ (ср. коми и удмуртские наречия, возникшие из формы творительного падежа: коми *podön* ‘пешком’, удм. *tulysen* ‘весной’ и т.д. ⁶⁶).

Остаточные падежные формы

Среди чувашских наречий встречаются падежные формы, которые представлены очень ограниченным числом слов. Например, в таких словах, как *şullen* ‘ежегодно’, *kullen* < **kunle-n* ‘ежедневно’, диал. *şarlen* ‘каждую ночь’, находим сложный (двойной) падежный показатель: *-le* (адвербиальный падеж) и *-n* (старый инструментальный падеж) ⁶⁷.

⁶⁴ Ср., например, директив на *-тан* < *-та* + *-та* в древнетюркском. Направительный падеж существует в хакасском (форма на *-sar/-sarı*, восходящая к послеложной конструкции и являющаяся новообразованием, что подтверждают данные хакасских и шорских диалектов).

⁶⁵ Нам кажется, что грамматикализация чувашского словообразовательного аффикса *-sâr/-sâr* также связана с существованием лишительного падежа в некоторых финно-угорских языках.

⁶⁶ См., например: Б.А. Сребренников /121, стр. 14-18/.

⁶⁷ Ср. мар. *keçalen* ‘подневно’ < *keçe* ‘день’. Аффиксу *-len* в марийском языке посвящена специальная статья Е.И. Коведяевой «Суффикс *-len* в кунгурском говоре восточного наречия марийского языка» (“Советское финно-угроведение”, 1972, 8:1, стр. 29-31), в которой убедительно доказывается его финно-угорское происхождение.

Какой-то древний падежеобразный аффикс *-l* сохранился, видимо, и в следующих наречных формах:

mal, val 'перед' < *oŋ, õŋ* 'перед' + *al*,
xĩşal 'зад' < *xĩş* 'зад' + *al*,
şal 'внутренняя сторона' < *şş* 'нутро' + *al*,
ajal 'низ' < *aj* 'нижняя сторона' + *al*,
şiel 'верх' < *şi* 'верхняя сторона' + *el*.

Возможно, аффикс *-al* сложный и состоит из *-a* (аффикс направительного падежа) + *-l*⁶⁸ (аффикс какого-то пространственного падежа). Сходные, как нам кажется, по структуре и семантике формы наличествуют в марийском языке⁶⁹: *üləl* 'низ', 'нижний', но *ül-nõ* 'внизу', *ülän* 'внизу', *üläk(õ)* 'вниз', *jãmal* 'низ', *jãmak* 'вниз', *jãmaç* 'снизу'. Сюда же, вероятно, можно отнести *l* в мансийском *ela-l* 'вперед', хантыйском *tal-ta* 'оттуда' (но *ta-ta* 'здесь') и т.д.

В нескольких чувашских словах и формах имеется аффикс экватива – сравнительного падежа *-ča/-če*, например: *mişe* < **minče* 'сколько (по числу)' и причастия на *-anşi/-enşi* < *-anča, -enče* /176/70.

Сюда же, вероятно, относятся наречия *aranşâ* 'немного', 'чуть' < *aran* и *majşâ* 'по пути' < *maj*; *tanşin* 'соответственно' < *teŋ* + *-če* + *-i* (посессивный аффикс) + *-n* /176, стр. 718/.

История происхождения падежных форм⁷¹

В современном чувашском языке наличествуют следующие падежи: основной или неопределенный, форма которого совпадает с основой имени (является нулевой), притяжательный, дательно-винительный, местный, исходный, являющиеся продолжением соответствующих падежных форм общетюркской системы;

инструментальный, также отражающий общетюркское состояние, но перешедший в разряд реликтовых падежных форм;

совместный, лишительный, причинно-целевой и направительный, являющиеся новообразованиями.

При этом совместный и причинно-целевой падежи сложились на основе сочетания имени с послелогом; направительный и лишительный были стимулированы влиянием финно-угорского субстрата, хотя тенденция к усилению грамматической функции так называемых привативных форм прослеживается в различных тюркских языках.

В чувашской падежной системе получили отражение следующие общетюркские (пратюркские?) падежные формы:

⁶⁸ Ср.: /122, стр. 48/.

⁶⁹ Ср.: /29, стр. 54; 121, стр. 37 и 229, стр. 15/.

⁷⁰ Иначе считают И.А. Андреев /3, стр. 239-240/, а также Ф.Т. Тимофеев /133/.

⁷¹ Интересные соображения об истории чувашской падежной системы высказаны А.И. Ивановым /49/.

пространственные падежи на *-t (-ta)* (местный падеж, исходный падеж), на *-a* (дательный падеж, местный падеж);
инструментальный падеж на *-n* (наречные образования с инструментальным значением, исходный падеж);
обстоятельный падеж на *-la* (направительный падеж и совместный падеж).

Трансформации этой системы были вызваны:

а) внутренней перестройкой системы (часть функций инструментального падежа на *-n* перешла к новому инструментально-совместному падежу);

б) фонетическими процессами (слияние формантов винительного и дательного падежей);

в) внешними факторами (наложение тюркской системы на какую-то финно-угорскую "оживило" старый инструментальный падеж и стимулировало формирование лишительного и направительного падежей);

г) общеязыковой тенденцией превращения служебных слов (послелогов) в аффиксы (формирование совместного и причинно-целевого падежей).

МЕСТОИМЕНΙΑ

Личные местоимения

В современном чувашском языке имеются следующие личные местоимения:

<i>erä, er</i> 'я',	<i>eşa, es</i> 'ты',
<i>erät, erit</i> 'мы',	<i>eşät, eşir</i> 'вы'.

Местоимение 3-го лица единственного числа *vâl* 'он', 'она', 'оно' является лично-указательным.

Чувашскому *erä* соответствуют тур. *ben*, туркм. *men*, тат. *mın* и т.д. ('я'). Обычно слагают (Н. Бендинг, Н. Поппе), что *erä* < *e* + **bi*, где *e* – действительный элемент неясного происхождения⁷², а *bi* идентично общетюркскому **bā* ~ **bi* в *bän* ~ **mān* ~ **mın*⁷³ и *biç* < **bi* + *-z* (ср. также монгольское *bi* 'я', маньчжурское *hi* 'я').

По мнению Н.И. Амираева /9, стр. 55/, начальный *e-* в местоимении *erä* восходит к указательному наречию *ev* (конечный согласный которого утрачен), т.е. *erä* первоначально означало «вот я». Несколько иначе его трактует Н.А. Андреев /74, стр. 125/, полагая, что *e* либо идентичен с частицей *e* 'вот', конкретизирующей значение местоимения, либо этот элемент негюркского (например, финно-угорского) происхождения.

⁷² Б. Мункачи /202, стр. 128/ называет этот *e* эмфатической частицей.

⁷³ О происхождении *v* в личных местоимениях см.: В. Банг /173, §40/; Б. Мункачи /202, стр. 125, 126/; ср. также мнение Г. Рамстедта, который считает, что конечный *v* основы утратился /108, стр. 69/.

Быть может, появление *e* в местоимениях 1-го и 2-го лица единственного числа обусловлено тем, что конечный *ä* < *i* крайне неустойчив. Не случайно *e* в местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа не является общечувашским (ср. сундырские *per* и *ser*), он не выступает и при склонении этих местоимений (*pirän*, *sire* и т.д.).

Наряду с *epä* в чувашском языке выступает склоняемая местоименная основа 1-го лица *man* (ср. тюркские *män*, *ben*, *min* и т.д.), по-видимому, восходящая к *män*, т.е.:

притяж. пад. *man* (< *manän*), *manän* < **māniŋ*
дат.-вин. пад. *mana* < **māñä* и **māni*
местн. пад. *manğa* < **māndä*
исходн. пад. *manğan* < **māndän* и т.д.

Чувашскому *eşä* 'ты' соответствуют тюркские *sän*, *sın* и т.д.

Структура *eşä* аналогична *epä*, т.е. *e* + **si*, где *e* — уже упомянутый дейктический элемент, а **si* идентично общетюркскому *si* в *siz* < **si* + *z* и родственно мон. *ši* 'ты' и маньчж. *si* 'ты'.

Склоняемая местоименная основа 2-го лица единственного числа *sap* общетюрк. **sän*.

В качестве личного местоимения 3-го лица единственного числа «он», «она», «оно» выступает указательное местоимение *väl* (тюркские *ol*, *o*, *ul*, *u*), которое имеет в чувашском языке множество фонетических вариантов: *välä*, *vu*, *vo*, *ul*, *ulä*, *u*, *o*, *olä*, *o^u*.

В чувашском литературном *väl* < *ul* < *ol* < *o-l* (*l* — дейктический элемент?) *v* появился, вероятно, в результате делябиализации *u⁷⁴*.

Склоняемой основой местоимения *väl* является *un* (*unän*, *unğa* // *unğa*, *unğan* // *unğan* и т.д.). В дательном и винительном падежах в литературном языке выступает *äna* < **una* (ср. *una* в низовом диалекте и *ona* в верховом).

Местоимение 1-го лица множественного числа *epir*, *epär* 'мы' соответствует общетюркскому *biç*.

Что касается форманта *-r* (**e-pi-r*) ~ общетюрк. *-z*, то многие исследователи считают его показателем множественности⁷⁵ или двойственного числа.

В чувашских говорах встречаются варианты *per*, *jerär*, *ipir*. Склоняемой основой является **pir* (*pirän*, *pire*, *pirçe*, *pirten*)⁷⁶ и *pirän* (притяж. пад.?) (*piränçe*, *piränçen*).

74 Появление "протетического" *v*, *h* у местоимений 3-го лица наблюдается в различных диалектах и говорах, например в узбекских говорах Южной Каракалпакии: *vo*, *vu*, *hu* 'он', в хорезмийских говорах узбекского языка: *vu*, *hu*; в говорах азербайджанского языка: *ho*.

75 Иногда в тюркском *biç* усматривают сочетание местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа, т.е.: *bi* + *si*.

76 Иногда "протетический" *e* сохраняется и у склоняемой основы: *epärten* 'от нас' (ибрайкинский говор) 78, стр. 172/.

Местоимение 2-го лица множественного числа *eşir*, *eşär* 'вы' соответствует общетюркскому *siz*. По своей структуре *eşär* < **e-si-r* идентично *epir*. Склоняемые основы **sir* и *sirän*. Диалектальные формы *ser*, *isir* и *ješär*.

Литературная форма местоимения 3-го лица множественного числа — *väsem*, в говорах встречаются: *välsem*, *väsem*, *uşam*, *väşam*, *oşam*, *äşem*, *äşäm*, *ouşam*, *uşem*, *uşen*, *eşäm*⁷⁷.

Таким образом, местоимение *väsem* < *väl* + *-sem* (*-sam*), т.е. местоимение 3-го лица единственного числа *väl* (*o*, *u*) + аффикс множественного числа, и по структуре совпадает с общетюркским *olar*, *onlar* < *o* + *-lar* или **ol* + *-lar* (иначе: /202, стр. 128/: **ol-ar*, где *ar* множественное число от *an*).

Лично-возвратное местоимение

Основа этого местоимения *xa* < **äxa* может быть выделена при сравнении следующих форм:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>xam</i> < * <i>xa-m</i>	<i>xamär</i> < * <i>xa-m-r</i>
2-е л.	<i>xu</i> < * <i>xa-γ</i>	<i>xävär</i> , <i>xär</i> < * <i>xa-γ-är</i>
3-е л.	<i>xäj</i> < * <i>xa-j-i</i>	

(где *-m*, *-γ* < *ŋ*, *-i*, *-mär*, *-är* < *γär* — аффиксы принадлежности).

По значению чувашское лично-возвратное местоимение совпадает с тюркскими *öz* 'сам' < 'сущность', 'тело', **boδ* > *boj*, *bos*, *bot* 'сам' < 'тело', 'главная часть вещи' и т.д., *känü*⁷⁸ 'сам', 'свой' и якутским *oäiä* 'сам' < 'тело' (из мон.).

Этимология чувашского *xa* < **äxa* неясна⁷⁹.

Г. Рамstedт /219, стр. 16/ сопоставлял его с усилительной частицей *ok*⁸⁰, которая первоначально могла быть полнозначным словом и употреблялась самостоятельно. Быть может, это первоначальное *ok* со значением 'сходство' дошло до нас в глаголе *okša-* 'быть похожим'. Видимо, мнение Г. Рамstedта разделяет и М. Ряснен /221, стр. 39/. Н.И. Ашмарин сближал чув. *xäj* с алтайским *hoj* и указывал, что *xäj* представляет собой первоначальную форму местоимения /10, § 21/. Это сближение Н.И. Ашма-

77 В низовых говорах аффикс множественного числа выступает в одном варианте: *-sem*, тогда как в верховых обычно находим *-sam/-sem*.

78 Вопрос об этимологии слова *känü* не решен. Основные гипотезы о его происхождении приведены А.Н. Кононовым /56, стр. 176/. Наиболее достоверными представляются гипотезы С.Е. Малова и Е.И. Убрятовой.

79 См., например: /176, стр. 738; 74, стр. 128-129/.

80 Ср.: К. Брокельман /179, стр. 191/, где приводятся такие примеры: *sän ök* 'du selbst', *ol ämi ök käl dür* 'bringe den Mann selbst', *saqa q*, *saqar oq*, *maqa oq* и т.д.; А.М. Щербак /154, стр. 128/: *öwä-ök* 'тот же самый', *олок* 'тот же', *шолок* 'вот тот же'; К. Грэнбек /187, стр. 178/: *nlar-ox*, *anluty-ox* 'ipsement' (*kensi*, *öz*, *ol.* — *Л.Л.*).

рина маловероятно по фонетическим причинам. К тому же из формы *xâj* трудно вывести *xam* и т.д., тогда как **xa + j + i* закономерно дает *xâjâ*, *xâj*, а **xa + γ < η* — *xu*.

В ряде чувашских говоров формы лично-возвратного местоимения 2-го и 3-го лица совпадают⁸¹:

ишлейск. *xva* < **xâva* 'ты сам', 'он сам';
моргауш. *xoa* 'ты сам', 'он сам';
сундыр. *âγa* 'ты сам', 'он сам'.

Однако при склонении эти местоимения во всех падежах, кроме притяжательного, различаются:

притяж. пад.	<i>xun, xvun</i> 'тебя самого'	<i>xvan, xun</i> 'его самого'
дат.-вин.пад.	<i>xupa</i>	<i>xvane, xune</i>
местн.пад.	<i>xunça</i>	<i>xvançe, xunçe</i>
исходн. пад.	<i>xunçan</i>	<i>xvançen, xunçen</i>
совм. пад.	<i>xunpa</i>	<i>xvanpa, xun'pe</i>
лишит. пад.	<i>xunçâr</i>	<i>xvançâr, xun'çâr</i>
пр.-цел. пад.	<i>xunçân</i>	<i>xvançân, xun'çân</i>

Указательные местоимения

В чувашском языке имеются следующие указательные местоимения: *ku* 'этот' (диал. *ko, kâv*), *leçâ* (диал. *jeçâ*) 'тот', *šakâ* (*šak*) 'этот', 'вот этот', *šavâ* (*šav, šal, ša*) 'вон тот', *vâl* 'тот', *xajxi* 'упомянутый'.

Местоимение *ku* 'этот' чаще употребляется при прямом указании на предмет. Ему противопоставляется местоимение *leçâ* 'тот': *ku çâvaš*, *leçâ tuçar* 'это чуваш, то — татарин'. *šakâ* 'вот этот' выражает по сравнению с *ku* усиленную указательность; *šavâ* 'вон этот', 'вон тот' соотносится с *šakâ* в пространственном и временном плане, обозначая предмет более удаленный, ранее упомянутый. Наконец, *vâl* 'тот', 'онный', 'упомянутый' передает третью степень удаленности предмета от говорящего.

Структура чувашской системы указательных местоимений почти аналогична башкирской: *bâl* 'этот', *tægâ* 'тот', *ðšô* 'вот этот', 'этот самый', *šul* 'вон тот', 'тот самый', *ul* 'тот' и татарской: *bu* 'этот', *tægâ* 'тот', *šul* 'этот (уже знакомый)', *šul* 'тот (уже знакомый)', *ul* 'тот'.

Чувашское местоимение *ku* многие исследователи возводят к монгольской усилительной частице /176, стр. 736; 221, стр. 36; 219, стр. 13/ Н.И. Ашмарин /10, стр. 51/ считал его идентичным общетюркскому *bu*,

допуская *b ~ k* (*p ~ k?* — Л.Л.)⁸³, к его мнению присоединился Ф.Д. Ашнин /16, стр. 425/.

С.Е. Малов /71, стр. 176-177/ отмечал, что некоторое чисто внешнее(?) сходство с чувашским *ku* имеет местоимение *gu* 'этот дальний' в языке желтых уйгуров.

Чувашское *leçâ* 'тот' разложимо на *le + çâ*, так как *le* легко выделяется в *lere* 'там', *leja* 'туда', *leren* 'оттуда', а *-çâ* < *-si* — аффикс принадлежности 3-го лица.

Ряд исследователей (Н. Поппе, И. Бенцинг) сопоставляют *le* с монгольской указательной частицей *ele*. Г. Рамстедт /108, стр. 75/ возводит *le* к *âl-a*, где *-a* имеет восклицательный, звательный характер, а *âl* — к местоименной основе *ol*.

Быть может, *l* в чувашском *le* тот же элемент, что и *l* в *ol, šol, bâl* и т.д.; *le* < **ale* < *ele* нам кажется более вероятным, чем *le* < *âl-a* < *ol-a*; ср. совр. мон. *la/le* (усилительная частица, более ранняя форма которой была *ele*).

Указательное местоимение *šakâ* Г. Рамстедт /108, стр. 75/ рассматривал как *š-akâ*, где *š* < **iç*, а *akâ* < *egü*, причем **iç* сближается им с тунг. *içe* 'sehen' ~ тюрк. **ış* 'sieh'.

Н. Поппе /102, стр. 62/ возводит *šakâ* к *šavkâ* < **çägü-kü* < **ç-ägü-kü*, где **ç* ~ мон. *č*, *ägü* — основа монгольского указательного местоимения *egü-*, *kü* — монгольская частица *kü*.

И. Бенцинг /176, стр. 736/ разлагает *šakâ* < **sâ-kü*, где *kü* более древняя форма указательного местоимения *ku*.

Ф.Д. Ашнин склонен рассматривать *šakâ* как *š-akâ*, где *š* — указательная частица типа тюркских *oş, uş, iş, ş, şu* и т.д., *a* — эмфатический гласный, *kâ* — указательное местоимение, т.е. *šakâ* < *š* (*š*)-*a-ku*.

Предположение Ф.Д. Ашнина кажется вероятным, так как в чувашском языке имеются указательные частицы *akâ* 'вот' (о более близком предмете) и *avâ* 'вон' (о более далеком предмете). Поэтому логичным является *šakâ* < *š-akâ* 'вот этот' и *šavâ* < *š-avâ* 'вон этот', 'вон тот'⁸⁴.

При этимологии *avâ* < **ägü* и *akâ* < **ägü kü* (Н. Поппе) или < **ägü ki*, где *ki* — окончание адъектива (Г. Рамстедт), или < **ägü-ki*, где *ki* идентично *gi* в *tigi* (М. Ряснен /221, стр. 37/), возникает вопрос о природе гипотетического **ägü*. Н. Поппе /102, стр. 62/ сближает его с основой монгольского указательного местоимения *egü* (*e-n-e* 'этот', *egü-n-ü* — род. пад., *egü-ber* творит. пад.).

Относительно элемента *-gü* писал В. Котвич /194, стр. 71-73/, указывая на его присутствие в целом ряде алтайских (тюркских, монгольских и унгусо-маньчжурских) местоимений⁸⁵.

⁸³ Ср.: чув. *püçe ~ küçe* 'безбородый', 'безусый', *künçak ~ pünçak* 'обшивка'.

⁸⁴ Ср. Н.И. Ашмарин /10, стр. 194/. По И. Бенцингу /176, стр. 736/: *avâ* < **šâ bu*.

⁸⁵ Ср., например, тюркское *nägü* 'какой', 'какого свойства', 'как'. Тимологии этого слова предложены В. Котвичем, К. Брокельманом и Л.В. Радловым.

⁸¹ Ср. совпадение аффиксов принадлежности 2-го и 3-го лица единственного числа в некоторых говорах, например: *xâgâ* 'твоя дочь' и 'его дочь'.

⁸² Ср.: Г. Рамстедт /108, стр. 75/. Связь чувашского *ku* с монгольским *kü* оспаривал М. Левицкий /198, стр. 257/.

Таким образом, у алтаистов вырисовывается следующая система указательных местоимений, сохранившихся в тюркском и монгольском в виде усилительных частиц:

*kü — *ele
 *egü-kü — *egü
 *3-egü-kü — *3-egü

Позднее в эту систему вошло общетюркское лично-указательное местоимение *ol* > *väl* 'он', 'тот' < *o* + *l*.

Чувашские указательные местоимения *ku* и *lešə* принадлежат, по-видимому, к древнейшему пласту чувашской лексики, являясь наследием периода "тюркско-чувашской" общности.

Что касается возраста *šakə* и *šavə*, то нам представляется, что допустима несколько иная этимология и хронологизация этих местоимений.

Местоимения *šakə* и *šavə* могли образоваться в чувашском языке в период его самостоятельного существования⁸⁶ (ср. многообразие местоимений с усиленным дейктическим значением в различных тюркских языках) из указательной (усилительной) частицы *šs* (*šs*), частицы *a* (*kə*) и указательных местоимений *ku* и *bu* (*vu*), т.е.:

šs (*šs*) + *a* + *ku* > *šakə*
šs (*šs*) + *a* + *bu* > *šavə*⁸⁷

(ср. караим. *ušru* 'вот этот', тур. *işbu* 'сей', уйг. *uşbu*, *şbu*, *şbu* 'этот самый', якут. *subu* 'вот этот самый' по структуре и значению однотипные с чувашскими *šakə* и *šavə*).

Указательное местоимение *xajxi* 'тот самый', 'упомянутый' является производным от местоимения *xaj* с аналогичным значением.

По мнению И. Бенцинга /176, стр. 736/, *xajxi* < **xalə-xi* 'теперешний' (из арабского) или < **xəjə-xi* 'тот же самый'. Последнее предположение кажется более вероятным (ср. структуру чувашского *lešə* 'тот').

Н. Поппе /102, стр. 63/ возводил *xaj* к **uqaj* (~ *iqaj*), сближая последнее с *uq* 'начало', 'происхождение'.

Быть может, чувашское *xaj* сопоставимо с междометием (частицей?) *xa* 'смотри-ка', 'глянь-ка', употребляемым для направления внимания на известный предмет.

Ср. также частицу *xaj* 'вот': *xaj šuməŕ šuma pušlarə* 'Вот пошел дождь'⁸⁸. В тюркских языках юго-западной группы — турецком, туркмен-

⁸⁶ Ср.: Ф.Д. Ашнин /16, стр. 429/: *šakə* < *ša-ku*, а *šavə* < *ša-vəl*.

Последнее маловероятно, ибо *vəl* в чувашском представлено только в ряде говоров. Кроме того, нельзя забывать о чувашских *avə* и *akə*.

⁸⁷ Ср. новоуйг. *ävi* 'тот самый' < *änä bu*.

⁸⁸ Мы уже видели, что многие чувашские местоимения генетически родственны (или даже тождественны) усилительным и выделительным частицам: ср. *xəj* и *ok*, *š* в *šavə*, *šakə* и *šs*, *əš* и т.д.

ском, азербайджанском — встречается указательная частица *ha* 'вот же', по семантике напоминающая чувашские частицы *xa* 'же', 'да' и *xaj* 'вот'.

Вопросительные местоимения

В чувашском языке имеются следующие вопросительные местоимения: *kam* 'кто', *mən*, *məsker* 'что', *ma* 'что', 'зачем', 'почему', *xəš*, *xəšə* 'который', *mişe* 'сколько (по числу)', *mənlə* 'какой', *jeple* 'какой', 'как', 'что за'.

Местоимение *kam* 'кто' является общетюркским (азер., кир., тур., туркм. и др. *kim*, тув. *kīm*, алт., шор., хак. *ket*, баш. айск. *kām*) и восходит к более древнему *kām* (ср. мон. *ken*), возможно, из **kā* (**ki*) + *m*.

Чувашское *mən* 'что' И. Бенцинг /176, стр. 736/ возводил к *mīn* (*mī* — турецкая вопросительная частица).

С точки зрения Ф.Г. Исхакова, *mən* близко стоит к тюркским *mā*, *mē* в *pāmā*, *pāte* < *nā* (*nī*) + *mē*.

По мнению Н. Поппе /102, стр. 63-64/89 у *mən* < *mīn* нет надежных соответствий в родственных языках, но оно ничего общего не имеет и с финно-угорскими местоимениями типа венгерского *mi* 'что'.

Возможно, *mə* в чувашском *mən* представляет собой контаминацию общетюркской и финно-угорской местоименных основ (*a* + гласный и *m* + гласный), а *n* — местоименный аффикс, распространенный в урало-алтайских языках. Общетюркское *mš* могло сохраниться в известной вопросительной частице *mī*, *mī* и т.д.

Местоимение *mən* лежит в основе следующих производных: *məsker* < *mən* + *sker* 'что'; *mişe*, диал. *mīnşe* 'сколько' < **mīnše* (ср. диал. *mīnše*, *mənše*, где *-še* — показатель экватива, такой же, как в тюркских *neče*, *kanča* 'сколько')⁹⁰, *mənlə*, диал. *malle* 'какой' < *mən* + *-lə* (*-lə*, видимо, тот же аффикс, что и в наречных образованиях со значением качества и сравнения); *mənleşən* (причинно-целевой падеж от местоимения *mən*) 'почему, зачем'.

Mən употребляется и в сочетаниях *mən şuxlə* и *mən şul* 'сколько', где *şuxlə* и *şul* восходят к *şux* < *çak* ~ *caŕ* 'пора', 'размер' и т.д. (*çaklə* 'равный'); ср. тат. *nī çaklə* 'как много', 'сколько'.

Чувашское *xəš*, *xəšə* 'который' соответствует встречающемуся почти во всех тюркских языках местоимению *kajsi* 'который'.

Как думают некоторые исследователи, *xəšə* следует возводить к *kaji* + *-si* или *kaj* + *-si*⁹¹ (*-si* > *-šə* — аффикс принадлежности 3-го лица, который находим также в чувашском *lešə* 'тот'). По мнению Н.И. Ашма-

⁸⁹ Примечательно, что в финно-угорских языках в качестве основ вопросительных местоимений выступают *k8* (например, морд. *ki*, мар. *ke*, *kö*, *kü*, удм. *kin* 'кто') и *m8* (фин. *mi-tä* 'что', лан. *mi-mä* 'что' и т.д.).

⁹⁰ В чувашском языке из **mīnše* ожидалось бы **məşe* (ср. *mənlə*), поэтому в *mişe* мы склонны видеть контаминацию с татарским *nīšä*.

⁹¹ Ср.: К. Брокельман /179, § 17 (81)/.

рина /10, стр. 200/, *xəʃə* происходит от основы *xə*, встречающейся также в наречии *xəʃan*, т.е. Н.И. Ашмарин имел в виду то же *kaj*.

Местоимение *jeple* 'какой' по своей структуре, как это было отмечено Н.И. Ашмариным, аналогично *apla*, *kapla*, *šapla* 'такой'.

Г. Рамстедт полагал /108, стр. 78/, что *jeple* является производным от местоименной основы *je* 'что' и разлагал его на *je + kār* 'образец' + *-lā* (< *-laju*).

Точку зрения Г. Рамстедта разделял и Н. Поппе /102/.

Нам кажется, что *jeple* разложимо на **je + -pe + -le*, где *-pe* — аффикс инструментального падежа⁹², а *-le* — совместного /ср.: 64, стр. 148-149/. В чувашских говорах наряду с *jeple* встречаем еще *jepe*, *lepe* и *leple*⁹³.

В чувашских говорах (например, ишлейском) отмечено также вопросительное местоимение *ma*, *me* 'почему', 'зачем'⁹⁴. Его можно сравнить с горномарийским *ma* 'что' (мар. луг. *mo*) и татарским диалектальным *mägä* 'почему', 'зачем' (тат. лит. *nigä*) < *mä + -gä* (в чувашских говорах, например моргаушском, имеется частица *ke* /77, стр. 106, 171/, в красночетайском *ke/ka* /78, стр. 38/).

От вопросительных местоимений с помощью препозитивной отрицательной частицы *ni* образуются отрицательные местоимения типа: *niŋam* 'никто', *niŋan*, *niŋ* 'ничего', *niŋəʃə* 'некоторый', *nijeple* 'никакой'. Факультативно к ним может присоединяться постпозитивная частица *ta*: *niŋam ta*. Частица *ni*, как считает Н.А. Андреев /74, стр. 139/, является заимствованием из русского языка.

Чувашские отрицательные местоимения по своей структуре совпадают с удмуртскими, коми и марийскими⁹⁵: коми *ne-kod* 'никто', мар. *nigō* 'никто' < *ni-kō*, удм. *no-kin* 'никто'.

Чувашские отрицательные местоимения — категория относительно новая. Надо отметить, что в таких тюркских языках, как алтайский, хакасский, шорский, нет отрицательных местоимений; значение русских местоимений типа "никто", "ничто" и т.д. передается неопределенным местоимением в сочетании с отрицательной формой сказуемого.

В большинстве тюркских языков к отрицательным местоимениям причисляются сочетания иранского по происхождению слова *heč* (*hič*, *ič* и т.д.) с вопросительными и неопределенными местоимениями. Этот факт тоже свидетельствует о довольно позднем происхождении отрицательных местоимений.

⁹² Ср. караим. *neb'a* и *nebe* 'чем'.

⁹³ Чувашский *l'* в говорах иногда чередуется с *j*: *leʃə ~ jeʃə*, *leš- ~ ješ-* и т.д.

⁹⁴ Его производными являются *mara* и *mere* 'зачем же' < *ma*, *me + ara*. Интересны и чувашские *mānta*, *mānta* < *mān + ta* 'зачем', 'для чего' и *āmta* 'почему', 'зачем'.

⁹⁵ Как отмечает Б.А. Серебренников /122, стр. 211/, структура отрицательных местоимений в пермских языках представляет кальку структуры отрицательных местоимений русского языка.

Из чувашских неопределенных местоимений, которые сформировались также на основе вопросительных местоимений, примечательны так называемые местоимения неведения. Они образуются при помощи препозитивной частицы *ta/te*: *taŋam* 'кто-то', 'неизвестно кто'; *temən*, *tem* 'что-то', 'неизвестно что'; *temənle*, *temle* 'какой-то', 'некий' и т.д.

Н.И. Ашмарин полагал /10, стр. 207/, что частица *ta* одного происхождения с эрзя-мордовским *ta* в местоименных наречиях: *маков* 'куда-то', 'некуда', *макода* 'как-то', *макосо* 'где-то'⁹⁶.

Частица неведения *ta/te* может употребляться самостоятельно /15, XIII, стр. 257-258/.

По семантике к чувашской частице неведения *ta/te* близки алт. *ta* 'не знаю' (*ta, kajdan kelgen kiži* 'не знаю, откуда пришел этот человек'; *ta men, ta sen* 'я или ты, не знаю'), тув. *ta* 'неизвестно', 'не знаю', 'кто его знает', хак. *taaŋ*, уйг. *taŋ* 'не знаю', лобн. *taŋ* 'просто так', 'кто знает' (при этом говорящий разводит руками). В.В. Радлов /106, III, стр. 803-804/ связывал тел., кир. *taŋ* — восклицание удивления, сомнения со словом *taŋ* 'удивление', 'чудо' (ср. туркм. *taŋ* 'удивление').

Определительные местоимения

К определительным местоимениям принято относить⁹⁷ так называемые определительные коллективные: *pur*, *purte*, *purə*, *pur pur*, *purəš*, *mənpur*, *paŋəm*⁹⁸, *veš* и определительные обособленные: *xarŋər*, *xarŋam*, *xajrər*, *xəj*, *kašni*, *ilti*, *urəx*, *teper*⁹⁹.

Из перечисленных местоимений только *pur*, *purə* 'все' и *paŋəm* 'целый', 'весь' можно считать общетюркскими. Чувашское *pur* восходит к общетюрк. *bar* 'есть', 'имеется' < 'наличие', 'существование' (ср.: караим. *bar* 'все', 'весь', тат. *bar* 'все' и т.д.)¹⁰⁰.

Соответствия чувашского *purə* < *pur + ə* (аффикс принадлежности 3-го лица в выделительной функции) встречаются во многих тюркских языках: туркм. *ba: rī*, кум. *barī*, ног., каз. *bārī*, кир. *barī*.

Местоимения *purte*, *purəš*, *mənpur*, *pur pur* восходят к чувашскому *pur*: *purte* < *pur-ə-te*, где *te* — усилительная частица, ср.: *purətmər ta* 'все мы' (диал. *purətmər ta*), *purəŋər ta* (диал. *purəŋər ta*) 'все вы'; *purəš* 'все без исключения' < *pur-ə + -šə*, *pur + -i + -si* (ср.

⁹⁶ Ср. эрзя-мордовские *ков* 'куда', *кода* 'как', *косо* 'где'.

⁹⁷ См., например: /74, стр. 141-145; 95, стр. 187/.

⁹⁸ А. Рабэн /186, стр. 106/ называет слова типа *bütün*, *barča unbestimmte Zahlwörter* (неопределенные числительные).

⁹⁹ Определительные местоимения образуются еще от местоимений неведения при помощи постпозитивной частицы *ta/te*: *taŋam ta* 'всякий', *temən te* 'все, что угодно' и т.д.

¹⁰⁰ В тюркских языках представлены главным образом производные от слова *bar*, например: тат. *barlək*, *barča*, уйг. *barlık*, *barčā*, шор. *par-ıl*, *parčan* и т.д.

тюрк. *biñsi*; возможно, *kaj-i-si* > *kajsi*); аффикс -(ə)š, вероятно, идентичен аффиксам -š, -šə, -šə в именах, означающих протяжение, величину: *sūlāš* от (*sūlā*) 'высота', *urlāš* от (*urlā*) 'ширина' и т.д.;

mānpur 'весь', 'все, что имеется' < *mān* 'что' + *pur*;
pur pur 'всякий' образовано путем удвоения *pur*.

Чувашское *paṭəm* 'целый', 'весь', как и азерб., кат. *bütin*, туркм. *bütin*, бараб. *pütin*, караим. *bütin*, *bitin*, хак. *pūdün* и т.д., является производным от глагола *būt-* 'завершать', 'выполнять'.

Чувашские *ves* 'весь' и *kašni* 'каждый' заимствованы из русского языка.

Во многих тюркских языках имеется местоимение *her* 'каждый' (из перс.), оно входит в структуру чувашских *хаpṛāg* 'каждый', 'всякий' < *ха* *bir* и *хаpṛam* *xāg* 'каждый' < *xāg* *kām* *ok*; чувашское *хаpṛāg* 'каждый' иногда производят от *хаpṛāg*, усматривая в г > j влияние аналогии (*хаj*, 'тот', 'упомянутый'). Однако более вероятной представляется контаминация чувашского *хаpṛāg* 'всякий', 'каждый' и татарского *kajbər* 'некоторый'.

Чувашские *йи* 'прочий', 'остальной' < *йиṭ* 'излишек', 'остаток' < общетюрк. *arīk* + *-i* (аффикс принадлежности 3-го лица в выделительной функции) и *терər* 'другой' < *te* 'еще' + *pər* 'один', по-видимому, новообразования, возникшие в период самостоятельной истории чувашского языка.

Угṛэх 'другой' < **адйиṭ*, **адйиṭ* < **адйи* 'отделять', 'разделять' (тот же корень в др. тюрк. *adīn*, як. *айн*, ср. тюрк. *адін* 'иной', 'другой', осм. /106/: *айиṭ* 'другой', 'иначе'; осм. *айиṭ* 'другой', 'отличный'), вероятно, представляет архаизм. На это отчасти указывает фонетическое развитие слова: *адйиṭ*, *адйиṭ* > *угṛэх*, но ауслаутный *x* < *k*, возможно, примета заимствования из какого-то тюркского языка¹⁰¹, тем более, что глагол *адйи* в чувашском не сохранился (чув. *уйгṛл*, *уйгṛт* сравнительно новые заимствования из тюркских языков кыпчакского типа, ср.: тат. *айгṛл*- и *айгṛт*, ног. *айгṛл*- и *айгṛт*, кир. *айгṛл*- и *айгṛт*).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные

Чувашские количественные числительные от 1 до 10, 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 1000 являются общетюркскими.

Рассмотрим их и в указанной выше последовательности:

"Один"

Чув. *pər*, *pəre*, *pərre* соответствуют тур. *bir*, як. *би:г*, тат., баш., каз. *bər*, хак. *pər* и т.д.

Этимология *pər* < *bir*, *би:г* неясна /112, стр. 146/. Это слово не имеет пока надежных параллелей в других алтайских языках. Г. Рамстедт сопоставляет его с монгольским *būni* 'все', 'все', 'каждый' /108, стр. 65/.

¹⁰¹ Ср. чув. диал. *уйгṛэх* 'другой' /15, III, стр. 194/.

"Два"

Чув. *ik*, *ikə*, *ikkə* соответствуют узб., уйг., як. *ikki*, хак. *əkkə*, азерб., туркм. *iki*, баш., тат. *ikə*, тув. *iji*, алт., кир. *eki* и т.д.

Этимологически родственными общетюрк. *ekki* являются чув. *ikṛ*, *ikṛər* 'двойня', гаг. *ikkiz*, туркм. *ekki*, тур. *iki*, азерб. *əkkiz*, кир. *egiz*, тат. *igəz*, тув. *ijis*, як. *igire* (из мон.), мон. *ikire*,

По модели *ikṛ*, *ekiz* (z, возможно, показатель собирательности или двойственного числа) образовано и тур. *üçü* 'тройня'.

Общетюрк. *eki*, *ekki*, возможно, < **ek* с гипотетическим значением 'задний', 'поздний', 'второй', ср.: азерб. *ilk* 'первый', *ilki* 'первенец', азерб. диал. *ilkindi* 'закат' и тюрк. *ikindi* 'второй', 'время перед заходом солнца' (ср.: /108, стр. 65/, но иначе: /101, стр. 104-108/).

"Три"

Чув. *viš*, *višə*, *viššə* 'три' соответствуют азерб., туркм., кир. *üç*, тат. *ç*, тув., шор. *üš*, як. *üs*, караг. *üjš* и т.д.

Г. Рамстедт /217, стр. 19/ сопоставляет тюрк. *üç* с мон. *üčüken* 'мало', 'немного' (ср. кир. *birdin* *üčü* 'несколько', 'небольшое число'; 'двари', 'три-четыре', 'пять-шесть')¹⁰².

Возможно, "три" было когда-то предельным числом со значением неопределенного множества. Чувашское *viš*, *višə*, *viššə* восходит к древнечувашскому *üč* или *ü:č*.

"Четыре"

Чув. *təvat*, *təvatə*, *təvattə* соответствуют туркм. *dört*, тат., баш. *ürt*, як. *üört*, ног., кум., тур. *dört* и т.д.

Обычно общетюрк. *dört* сопоставляют с мон. *dörben* 'четыре' /108, стр. 64; 112, стр. 148/. Сюда же относятся мон. *dönen* 'четырёхгодовалый (о животном)' и *döči* 'правнук правнука'.

Чув. *təvat* < **tüvāt* < др. чув. *dör:rt* (к *ö:* > *əva* ср. *kəvak* 'синий' < *tö:k* и т.д.).

"Пять"

Чув. *pilək*, *pillək* 'пять' соответствуют кирг., кум. *beš*, туркм. *bä:š*, к. *biš*, тат., баш. *biš* и т.д.

Др. чув. "пять", по-видимому, звучало как **be:l* ~ **biel*.

Многие исследователи полагают, что тюркское числительное пять этимологически должно быть связано с одним из названий руки (счет по пальцам: пять пальцев, рука-пятерня → пять).

В качестве этимологически родственных слов обычно указывают на тат. *belek*, азерб., уйг. *biläk*, кир., кум., туркм. *bilek*, баш., тат. *be:läk*

¹⁰² В.А. Гордлевский /32, стр. 131/ почему-то приводит в значении "пять" кир. *u:č*, а не *üč*, отождествляя это *u:č* с "конец" и "горсть". Однако "горсть" по-киргизски будет *u:č*, а *üč* 'пять' при игре в ордо и детских играх в альчики /157, стр. 826/.

(в большинстве языков «предплечье», «запястье», азерб., тур. «кисть руки»).

При сопоставлении *beš* и *bilek* возникают некоторые трудности фонетического порядка. Так, в турецком языке при *beš* 'пять' имеем *bilek* 'кисть руки', т.е. *e* ~ *i*, в туркменском при *bā:š* 'пять' — тоже *bilek*, т.е. *ā: ~ i*. Чувашский *l* в *pilək* закономерно соответствует общетюркскому *š* в *beš*. Но как рассматривать соотношение *l* и *š* в общетюркских *beš* и *bilek*? Представляют ли они собой разные морфемы или варианты одной фонемы в позиции после долгого и краткого гласного, т.е. **be:š*, но **bēl* ~ **bil*?

Семантически сближение числительного "пять" и обозначение руки вполне правомерно.

В качестве типологической параллели можно привести этимологию мон. *tabun* 'пять', предложенную Г. Рамstedтом /217, стр. 11-12/103. Г. Рамstedт сопоставил мон. *tabun* 'пять' с тел., шор. *tabaš* 'кисть руки', 'ладонь', 'стопа', бараб. *tabak*, шор. и т.д. *taban* 'подошва' и т.д.

Что касается структуры чувашского *pilək* < **bel* + (*ə*)*k*, то она, возможно, сопоставима с тюрк. *ilk* ~ *ilək* < *il* 'перед', 'первый', ср. тат. диал. (у крещеных татар) *bilək aj* — пятый месяц года по древнему местному календарю.

"Шесть"

Чув. *ult*, *ultā*, *ultā* (др. чув. *altū*) "шесть" соответствуют азерб., кир., кум. *altū*, як. *alta*, тув. *aldī*, узб. *dlū*.

Г. Рамstedт полагал, что *altū* происходит от глагола *al-* 'взять', 'брать' /108, стр. 65; 217, стр. 15-16/, связывая происхождение *altū* со счетом по пальцам: "Daumen-Greifer".

М. Хартман предлагает для *altū* архетип **alt-dī* /189, стр. 155/ со значением "он велел брать".

Этот же архетип *alt-dī* восстанавливает и М. Ряснянен /221, стр. 76/, высказывая, на наш взгляд, очень интересную гипотезу о происхождении тюркских числительных от 6 до 10, а также 20, 30, 40, 60, 70.

М. Ряснянен считает, что эти числительные возникли во время какой-то игры, например, в *Rennspiel*.

В поддержку его гипотезы можно указать на существование у тюркских народов различных игровых считалок, где употребляются особые (архаичные?) формы числительных и своеобразные счетные слова. Например, чувашское название игры "рэггэм-рэггэм" и считалка: *рэггэм-рэггэм, иккэм-иккэм, иккеleşе, авкалаша*, ...; азерб. *üçüm* — название игры в кости, туркм. *oñat* 'четыре', кир. *üç* 'пять' (в игре в кости) и т.д. 104.

Примечательно также, что в ряде тюркских языков вместо *jigimi*

103 Ср.: В. Котвич /193, стр. 171-172/.

104 Ср.: З.Б. Мухамедова, Особенности числительных, употребляемых в детской считалке при игре в "Хекгал", — «Тезисы сообщений на Симпозиуме по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» М., 1967, стр. 25-27.

'двадцать', *otuz* 'тридцать', *kırk* 'сорок', *altmış* 'шестьдесят', *yetmiş* 'семьдесят' для обозначения круглых десятков употребляются числительные:

işkon (сюг.), *üçön*, *üçen* (сюг., тув.) 'тридцать',
ärtön и т.п. (сюг., тув., як., алт.) 'сорок',
pişon и т.п. (сюг., тув., як., алт.) 'пятьдесят',
altın и т.п. (сюг., тув., як., алт., хак.) 'шестьдесят',
jetin и т.п. (сюг., тув., як., алт., хак.) 'семьдесят'.

Очень интересна система счета у желтых уйгуров, где, как указывал С.Е. Малов /69, стр. 276-277/, числительные *jigimä*, *otuz* и т.д. служат для обозначения порядка десятка или разряда десятка, а *işkon*, *üçön* и т.д. выражают целые десятки.

"Семь"

Чув. *siç*, *siçä*, *siçä* 'семь' соответствуют азерб. *jeddi*, кум. *jetti*, уйг. *jäuä*, шор. *çetti*, тат. *jida*, алт. *d'eti*, як. *sättä* и т.д.

Чув. *siç*, *siçä* происходит из др. чув. **jeti* (*t* перед *i* изменился в *ç*). Г. Рамstedт /108, стр. 66/ производит *jeti* от глагола *je-* 'есть', 'кушать', т.е. 'палец-едок' — 'палец для еды'. М. Ряснянен /221, стр. 76-78/ вслед за М. Хартманом /189, стр. 155/ считает его производным от глагола *jet-*: *jeti* < *jet-di* 'готово', 'достигнуто'.

Структурное сходство *altū*, *jetti*, возможно, является типологическим; ср. русские "пять", "шесть".

"Восемь"

Чув. *sakâr*, *sakkâr* 'восемь' соответствуют азерб., уйг., узб. *sakkiz*, тат. *sigöz*, як. *açıs*, тур. *sekiz* и т.д. Древнечувашская форма — **sekir*. Наиболее интересной представляется этимология М. Ряснянена /221, стр. 76/, связавшего это слово с глаголом *sek-* 'прыгать', 'скакать', т.е. *sekiz* < *sekkiz* < **sekgiz* 'вели прыгать'. Другие этимологии названы А.Н. Самойловичем (/112, стр. 150/; см. также: /215, стр. 205, прим. 1/).

По структуре *sekkiz*, *sekiz* (так же, как и *tokkuz* 'девять') напоминают *çkiç* 'пара', 'двойня' (реликты какой-то системы счета? — Л.Л.).

"Девять"

Чув. *täxâr*, *täxxâr* 'девять' соответствуют азерб. *dokuz*, узб. *doqqiz*, уйг. *tokkuz*, як. *toçus*, тат. *tuçuz* и т.д. Древнечувашская форма — **tokur*.

Многие исследователи полагают, что *tokuz* получило конечный *z* под воздействием *sekiz*. М. Ряснянен /221, стр. 78/ производит *tokkuz* из **tokkuz* 'вели стучать'. Г. Рамstedт /108, стр. 66/ связывает его с мон. *tokur* 'несгибающийся', 'скрюченный (о пальце?)'.

"Десять"

Чув. *vun*, *vunä*, *vunnä* (диал. *von*, *vonä*, *vonnä*, *vännä*) 'десять' соответствуют туркм. *on*, як. *цон*, тат., баш. *un*, тур., азерб., уйг. *on* и т.д.

Древнечувашская форма *on*, судя по эпиграфическим памятникам Волжской Булгарии, к XIII в. развилась в *van*, откуда современные *von//vun*.

Г. Рамstedт /108, стр. 66/ усматривал тюркское *on* 'десять' в монгольских числительных от шестидесяти до девяноста.

Количественные числительные от одиннадцати до девятнадцати образуются по общетюркской модели: название десятка + название соответствующей единицы¹⁰⁵. Например: *vunprag* 'одиннадцать', *vunzakâr* 'восемнадцать' и т.д.

"Двадцать"

Чув. *širam* 'двадцать' соответствуют як. *sürbä*, хак. *šibirgi*, туркм. *jigirmi*, тур., азерб. *jigirmi* и т.д.

В древнечувашском, по-видимому, было **jegirmi* > *jejirmi* > *ji:mi*. В Банг /167, стр. 527/ понимал *jigirmi* как "Zweitschaft", т.е. как абстрактное имя на *-mä*, *-mi* от глагола *iki-* 'удваивать'. То же морфологическое образование, но от другого глагола, усматривает в *jigirmi* М. Ряснен /221, стр. 76/: *jigürmā* 'das Rennen' ('бег', 'скачки').

Точка зрения Г. Рамstedта /108, стр. 66/ аналогична гипотезе В. Банга и кажется нам более убедительной. "Двадцать" по отношению к "десяти" при счете действительно представляет собой "удвоение": "10 x 2" (ср.: /32, стр. 132/).

"Тридцать"

Чув. *vätär* 'тридцать' соответствуют тур., азерб., гаг. *otuz*, тат. *utäz*, уйг. *otuz*, алт. *odus*, як. *otut* и т.д. (*vä* в чувашском *vätär*, видимо, результат своеобразного развития древнечувашского *o* в *otur*: *vutur* > *vätär*).

Этимология *vätär* ~ *otuz* неясна: М. Ряснен /221, стр. 76/ отождествляет это слово с *otuz* 'садись'. Г. Рамstedт /108, стр. 66/ приводит в качестве возможной параллели корейское *potari*, *pottari* 'узел', 'пучок'¹⁰⁶. Интересные материалы о числительном "тридцать" даны у В.А. Гордлевского /32/, по мнению которого "30" когда-то было у тюрков максимальным числом.

"Сорок"

Чув. *xarax* 'сорок' соответствуют хак. *xır̄x*, туркм. *kırk*, азерб. *kırx* и т.д.

По мнению М. Ряснена /221, стр. 76/, *kır̄k* означает «Bruch», т.е. «поломка», «излом». Но в азербайджанском наряде с *kırx* 'сорок' имеем *kır̄k* 'разбитый'; 'обломок', 'излом', 'крохи'; в турецком *kırk* 'сорок',

¹⁰⁵ Ср. систему счета у древних тюрков и желтых уйгуров: название единицы + название последующего десятка. Например: сюг. 'одиннадцать' *riñr̄itno* из *riñ* 'один' + *r̄itno* 'двадцать', т.е. 'один-к/двадцать'.

¹⁰⁶ Другие гипотезы см. у А.Н. Самойловича /112, стр. 143, 149/.

kır̄k 'разбитый', 'осколок' и т.д. Вероятно, был прав В.А. Гордлевский, когда он писал, что «... под словом *kırk* разумелось не определенное, не точное количество единиц, а только "множественное" число, множество, много (звук *k* в слове *kırk*, может быть, тоже признак множественности)?» /32, стр. 133-134/.

К примерам В.А. Гордлевского можно добавить следующие данные. В пословицах, поговорках различных тюркских народов *kırk* часто выступает в значении множества (предельного числа):

тур. *sana kırk kere söjlädim* 'я тебе тысячу раз говорил'; *kırk jülda bir* 'раз в сто лет'; *kırk jil jařmur jařsa memere keçmez* 'хоть сорок лет дождь будет идти, он не пройдет сквозь мрамор';

узб. *kırkiya äidiřan kırk birigä xäm äidädi* 'перенесший сорок перенесет и сорок первое';

тат. *kârân äš kâräk jâldan söñ da bälänär* 'кривда и через сорок лет вскроется';

баш. *kâr kâš bär jaklä, kârân kâš bär jaklä* 'сорок человек за одно и то же, один упрямый за свое';

туркм. *kırk jil maja geřjânçäñ, bir jil ner geđ* 'чем сорок лет бродить верблюдицей, лучше один год броди нером (верблюдом)'; *tip jarađi biter, dil jarađi kırk jıldanam bitmed* 'рана от сабли заживает, рана от языка не заживает и через сорок лет'.

Н.И. Ашмарин отмечает, что *xarax* в чувашском является символическим числом /15, XVII, стр. 46/.

Чувашское *xarax* тоже выражает значение неопределенного множества: *xarax šäl viřar tuxsassân, xarax jala sarâlat* 'пройдя сквозь сорок звуков, распространяется на сорок деревень (о слухах)'.

В тюркском фольклоре (сказках, эпосе) *kırk* 'сорок' выступает как эпическое число; например: кир. *kırk čoro* 'сорок витязей – сподвижников главного богатыря', туркм. *kırk ulla* 'сорок золотых', *kırk ajal* 'сорок жен', каз. *kırk kiz nõgör* 'сорок девушек-нукеров' и т.д. 107.

В тюркских языках Сибири и у желтых уйгуров "сорок" выражается как "четыре – десять", т.е. четыре десятка: тув. *đörtten*, як. *üört uon*, алт. *törtön*, сюг. *türtön*.

"Пятьдесят"

Чув. *äl, alä, allä* 'пятьдесят' соответствуют туркм., тур., балк. *elli*, азерб. *älli*, тат., баш. *illa*, узб., уйг. *ellik*, хак. *iläg*.

Чувашское *alä* < **älig*.

В.А. Гордлевский посвятил числительному «пятьдесят» специальную статью /32/, в которой он ссылается и на взгляды своих предшественников. Как будто бы все исследователи единодушны в том, что усматривают этимологическую связь между числительным *elli* 'пятьдесят' и одним из

¹⁰⁷ Ср. употребление числительного "сорок" в Огуз-наме (А.М. Шербаков, Огуз-наме, Мухаббат-наме, М., 1959, стр. 23, 32, 36, 62).

тюркских названий руки (кисти): чув. *al*, *alā*, туркм., тур. *el*, азерб. *āl*, як. *āli*, *ili*; лоб. *ilik* и т.д.

В алтайском, тувинском, якутском языках и языке желтых уйгуров находим соответственно: *bežen* (алт., тув.), *biqs uon* и *pison* < **beš on* 'пять десятков'.

"Шестьдесят" и "семьдесят"

Чув. *utməl* 'шестьдесят' и *šitməl* 'семьдесят' образованы по одной модели: *utməl* < *ut* < *ultā* < *altū* + *māl* < **mīl* ~ тюрк. *mīš* и *šitməl* < *šit(a)* < *jetī* + **mīl* ~ *mīš*.

Ряд исследователей видел в *mīš* (*mīš*) ~ *mīl* (*mīl*) особое название для "десяти" 108 /112, стр. 151-153/.

По мнению М. Рясина /221, стр. 76/, *altmīš* первоначально означало «он велел взять», *jetmīš* — «он достиг».

"Восемьдесят" и "девяносто"

Чув. *sakārvun*, *sakārvunā*, *sakārvunnā* 'восемьдесят' и *tāxārvun*, *tāxārvunā*, *tāxārvunnā* 'девяносто' (тув. *sezen*, як. *aγīs uon*, алт. *segizen*, туркм. *θekθen* 'восемьдесят'; тув. *tozan*, як. *toγus uon*, алт. *toγuzon*, туркм. *toγban* 'девяносто') восходят к **sekir* 'восемь' + *vun* < *on* 'десять' и **tokur* 'девять' + *vun* < *on* 'десять', т.е. этимология их прозрачна.

"Сто"

Чув. *śar* 'сто' (< **jūr*) соответствуют туркм. *jūd*, як. *sū*: *s*, тат. *jöz*, кир. *jūz*, хак. *čūs* и т.д.

Г. Рамstedт /108, стр. 67/ производит тюркское *jūz* от глагола *jū-* 'нагружать', 'навьючивать', что нуждается в более строгом обосновании.

"Тысяча"

Чув. *rip* (диал. *rcn*) 'тысяча' соответствуют тур. *bin*, азерб. *min*, туркм. *mīn*, уйг. *mīn*, хак. *tuṣ*, тув. *tuṣ*, тат. *mān*, г.з.с.т. *mōn*, *mōn* и т.д.

Та же основа представлена в названиях тысячи в монгольских и многих тунгусо-маньчжурских языках.

Г. Рамstedт /108, стр. 67/ и Н. Поппе /101, стр. 117-118/, указывая на чрезвычайную фонетическую близость тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских слов со значением "тысяча", не решились считать эти слова общим праязыковым достоянием и были склонны причислять их к заимствованиям (тюркский → монгольский → тунгусо-маньчжурский? — Л.Л.).

108 Ср.: скг. *alton*, тув. *aldan*, як. *alta uon*, алт. *altan*, хак. *ālton* < *ali* 'шесть' + *on* 'десять'; скг. *jeton*, тув. *čeden*, як. *sättä uon*, алт. *d'eten*, хак. *čiton* 'семьдесят' < *jetī* 'семь' + *on* 'десять'.

Атрибутивная и субстантивная форма количественных числительных

Чувашские количественные числительные от одного до десяти имеют две формы (с кратким или долгим согласным в основе) в зависимости от атрибутивной или субстантивной функции в речи:

атрибутивная форма	субстантивная форма
<i>pər</i>	<i>pərrə</i>
<i>ik, ikə</i>	<i>ikkə</i>
<i>viš, višə</i>	<i>viššə</i>
<i>təvat, təvatə</i>	<i>təvattə</i>
<i>pilək</i>	<i>pillək</i>
<i>ult, ultə</i>	<i>ulttə</i>
<i>šič, šičə</i>	<i>šiččə</i>
<i>sakəṛ</i>	<i>sakkəṛ</i>
<i>təxəṛ</i>	<i>təxxəṛ</i>
<i>vun, vunə</i>	<i>vunnə</i> 109

При этом большинство числительных в атрибутивной форме имеют два варианта с гласным ə (ə̃) в ауслауте и без него. Этот гласный в числительных *ikə* (< *eki*), *ultə* (< *altū*) и *šičə* (< *jetī*) выглядит как этимологический, * в словах *višə* (< *viš*), *təvatə* (< *dō:rt*) и *vunə* (< *o:n*) представляется "добавочным" (появившимся по аналогии). Следует отметить, что появление "добавочных" и исчезновение этимологических ауслаутных ə, ə̃ свойственно большой группе чувашских слов (существительных и прилагательных). Т.М. Матвеев /73, стр. 6-9/ справедливо указывал на параллельное осуществление в чувашской речи процессов выпадения и наращивания гласных ə, ə̃ в ауслауте.

Появление (исчезновение) ə, ə̃ в ауслауте чувашских слов (в том числе количественных числительных) в речи обусловлено и синтаксической фонетикой (сандхи, темп речи и т.д.).

Субстантивная форма числительных от одного до десяти отличается от атрибутивной наличием долгого согласного (*ik, ikə śin* 'два человека', *ikkə* 'два', 'двойка' (при счете). Т.М. Матвеев /73, стр. 10/ считает, что субстантивные формы количественных числительных — формы с эмфатической долготой согласного. Долготу такого же происхождения Т.М. Матвеев усматривает и у некоторых прилагательных в предикативной позиции *əčək śin* 'маленький человек', но *ku śin pəččəkə* 'этот человек мал'). При этом эмфаза достигается также прибавлением выделительного ə.

Эмфатическое экспрессивное удлинение согласного отмечено в айкомском говоре башкирского языка (*āddām* 'человек!', *baxxəṛ* 'бедняжка') и диалекте западносибирских татар (*awwəl* 'большая деревня', *össön jul* 'очень длинная дорога', *paltta* 'острый топор', *iššək* 'большая дверь' и т.д.).

109 Субстантивная форма отмечена и у числительного *al, alə* 'пятьдесят': *allə*, но в литературном языке она не употребительна.

Г.Х. Ахатов /8, стр. 77-78/ приводит в качестве форм количественных числительных, употребляемых при абстрактном счете: *ikkə* 'два', *altu* 'шесть', *jettə* 'семь', *unnə* 'десять'.

В большинстве тюркских языков, насколько нам пока известно, атрибутивная и субстантивная формы количественных числительных не различаются, но иногда (например, в айском говоре башкирского языка) при абстрактном счете вместо количественных употребляются собирательные числительные (*bəräü*, *ikkü*, *ösäü*, *dürtäü* и т.д.)¹¹⁰.

Количественные числительные с долгим согласным (первоначально экспрессивные формы? — Л.Л.) отмечены в ряде тюркских языков: *ikki* 'два' (уйг.), *ikkə* (хорезм.); *jättü* 'семь' (уйг.), *jetti* (узб., кум.), *jeddə* (хорезм.), *jeddi* (азер.), *çetti* (шор.), *sättä* (як.); *säkkiz* 'восемь' (уйг., узб., азер.), *sekkəs* (хорезм.); *tokkuz* 'девять' (уйг.), *tökkiz* (узб.), *dokkis* (хорезм.), *dokguz* (азер.); *ottuz* 'тридцать' (< *oltuz*?) (уйг.), *öttiz* (узб.); *ällə* 'пятьдесят' (хорезм.), *älli* 'пятьдесят' (азер.).

Быть может, в некоторых из этих числительных долгий согласный (точнее, два согласных) является этимологическим, т.е. два согласных на стыке основы и аффикса ассимилировались и дали долгий согласный (*ottuz* < *oltuz*, *jetti* < *jetidi*).

Чувашские формы с долгим согласным могут и не отражать соответствующие тюркские формы, так как противопоставление: сильный (долгий) — слабый (краткий) согласный, довольно распространенное в чувашских именах, могло быть морфологизовано в чувашских числительных. Его функциональной нагрузкой является различение атрибутивной и субстантивной форм числительных: *ikə* — *ikkə*.

Интересную интерпретацию атрибутивных и субстантивных форм чувашских количественных числительных предлагает Б.А. Серебrenников /227, стр. 135-138/. Он полагает, что чувашские полные формы (субстантивные, по нашей терминологии) возникли под влиянием марийского языка, где также различаются полные и краткие формы количественных числительных (*kok* и *koktət* 'два', *kum* и *kumət* 'три' и т.д.)¹¹¹. Б.А. Серебrenников указывает, что процесс образования полной формы чувашских числительных был сложным и насчитывал несколько ступеней. На первой из них к чувашским количественным числительным типа *viš* (*üč*) 'три', *vun* (*on*) 'десять' присоединился (под влиянием марийского) посесивный аффикс 3-го лица *ə*, который имел и указательную (дейктическую) функцию: так возникли формы *višə*, *vunə*. Но они вошли в ряд форм, первоначально оканчивавшихся на гласный: *ulčə*, *ikə* и таким образом различие полных и кратких форм нейтрализовалось. Возникла необходимость в новом средстве выражения этого различия. Таким средством и послужило удлинение корневого согласного как знак вторичного присоединения аффикса 3-го лица (т.е. *vunnə* фактически *vunə* + *-ə*, ср. *pusə* 'поле', но *pussi* 'его поле' < **pusə* + (j)*ə*).

Удлинение согласных в *pillək*, *sakkər* и *täxxər*, по мнению Б.А. Серебrenникова /227, стр. 137/, является результатом действия ашпогии.

¹¹⁰ В говоре татар Среднего Прикамья собирательные числительные могут быть атрибутивами /107, стр. 28/.

¹¹¹ В марийском языке *ət* местоименная (дейктическая) частица.

Мне кажется, что объяснять существование чувашских атрибутивных и субстантивных форм влиянием марийского языка пока преждевременно, хотя сама по себе эта марийско-чувашская параллель (как и ряд других) весьма показательна.

В финно-угорских языках сохранились следы так называемых меченых и немеченых пар числительных. Однако, как признает Б.А. Серебrenников /122, стр. 216/, их назначение в прошлом остается неясным. Только в марийском языке формы типа *iktət* (меченые! — Л.Л.) последовательно выступают как субстантивы. Поэтому трудно судить, действительно ли марийский язык был толчком для появления чувашских числительных-субстантивов (ср. данные диалекта татар Западной Сибири! — Л.Л.).

Примечательно, что чувашские числительные в субстантивной форме имеют также значение "пяток", "десяток" и т.д. Например: *višə vunnə šəmarta* 'три десятка яиц'; *pürən kəšäl vərmana vunni-vunnipe kajša şšləra š* 'мы в этом году в лесу работали десятками' /15, V, стр. 267/.

По мнению Г. Рамstedта /108, стр. 67/, чувашское *vunnə* < *onaŋonpaŋ*, т.е. является собирательным числительным.

Порядковые числительные

Порядковые числительные в чувашском литературном языке образуются от субстантивной формы количественных числительных прибавлением аффикса *-məš*: *ikkəməš* 'второй', *vunnəməš* 'десятый' и т.д.

В говорах встречаются два варианта аффикса порядковых числительных: *-məš* и *-məš* и две формы: субстантивная (*višəməš*) и атрибутивная (*višəməš*).

Функционально чувашский аффикс порядковых числительных *-məš* (*-məš*) совпадает с туркм. *-inji* (*-inji*), тат. *-ənçə* (*-əncə*), кум. *-inči* (*-inči*), др.-тюрк. *-nč*, *-nči*, як. *-is* (*-is*) и т.д.

В тюркском (общетюркском) аффиксе *-nč* (*-nči*) Г. Рамstedт /108, стр. 67/ усматривал аффикс имени действующего лица¹¹² *-č* — *či*. В Банг /167, стр. 524-525/ полагал, что *-nči* представляет собой аффикс абстрактного имени (*-nč*) + аффикс принадлежности 3-го лица (*-i*)¹¹³. М. Ряснен /221, стр. 83/ указывал на сходство общетюркского *-č* с тунгусским формантом *-či*, а *-i* считал аффиксом принадлежности 3-го лица.

А.Н. Кононов /61, стр. 272/ разлагает аффикс *-inči* на *-in* + *-či*, где *-in*, по его словам, идентичен *-in* в формах типа *birin-birin* 'по-одному', а *-či*, *-ji*, *-di* — древняя форма аффикса принадлежности 3-го лица.

Чувашский аффикс *-məš* анализировался П.И. Ашмариным /10, стр. 181/, который разлагал его на *-m* (древний аффикс чувашских порядковых числительных) и *-š* (аффикс принадлежности 3-го лица). П.А. Андреев '61 счи-

¹¹² Ср.: О. Бёглинк /178, стр. 167/; Ю. Немец /203, стр. 571/.

¹¹³ П.И. Ашмарин /11, стр. 108/, опираясь на данные нухинского диалекта (*-inči*) и чувашского языка (*-m*), полагал, что первоначально аффикс тюркских порядковых числительных имел *m*, который под влиянием аффрикаты дал *š*.

тает, что в чувашском аффиксе *-məš* слились два старых аффикса порядковых числительных: *-m* и *-š*.

В тюркских языках для образования порядковых числительных кроме аффикса *-inji*, *-inči* (в различных его вариантах) используются и другие аффиксы, правда, генетически близкие. Например, в туркменском языке встречаются аффиксы *-imji* (*-imji*), *-lenji* (*-lanji*), в азербайджанском (диалектах): *-imji* (*-imji*)¹¹⁴. Интерес представляют и узбекские формы *ikilamči* 'второй', 'второй раз', *uclamči* 'третичный', туркм. *ikilen* 'второй раз', 'вторично', а также *ikilānči* и т.д. в «Osttürkische Grammatik» К. Брокельмана /179, стр. 164/. Возможно, что в аффиксах *-lamči*, *-lenči*, *-imči* представлена одна структурная модель: аффикс собирательного имени (числительного) *-la* + *-m* или *-im* > *-in* + аффикс отвлеченного имени *-č* + аффикс принадлежности 3-го лица *-i* в выделительном значении (т.е. в известной степени были правы В. Банг, К. Брокельман и А.Н. нонов).

Количественные имена с собирательным и собирательно-разделительным значением с аффиксом *-m* встречаются в некоторых тюркских языках: тур. диал. *üçüm* 'треугольник (размер земельного участка)', тур. диал. *birem birem, birim birim* 'по-одному', азерб. *üçüm üçüm* 'по-три', *üçüm* 'треной', *dördüm* 'веревка или нитка, скрученная вчетверо', туркм. *üçem, dördem* (в считалке), тат. диал. *bişüm* 'ворох из пяти снопов'

В чувашском языке исследователи уже давно отметили числительные на *-m* /10; 6; 73/: *vişəm* в: *vişəm kun* 'третьего дня', *vişəm šol* 'в третьем году', *vişəm-tävatäm kon* 'на днях', *višan kon* 'третьего дня', *višmine* 'послезавтра', *uatmine* 'на четвертый день', *pišakmine* 'на пятый день вперед', *oltmine* 'на шестой день от сего дня', *šičmine* 'на седьмой день вперед'.

В болгарских эпиграфических памятниках находим: *ثالث* 'третий', *توتم* 'четвертый', *بئالم* 'пятой', *وانم* 'десятой'. По-видимому, то же образование представляют чувашские слова: *üləm* 'впредь', 'после', *väjat* 'средний (о размере)', *pušlam* 'начало', 'начальный' (? - Л.Л.), *pərrəm-pərrəm, ikkəm-ikkəm* (в считалке).

От чувашских количественных числительных в прошлом могли образовываться субстантивные и атрибутивные формы с собирательно-выделительным значением. Последние, будучи определениями, могли восприниматься как порядковые числительные: *pərrəš* 'первый' /15, X, стр. 219 *šičəš* 'поминовение на 7-й день'¹¹⁵ (ср. в болгарских эпиграфических памятниках: *اكنش, الطش, جياتش, جيارمش*)¹¹⁶.

Субстантивная форма количественных числительных с выделительным аффиксом также по значению близка к современным порядковым числительным:

tävattəšə 'четвертый', 'четырёхлетний',
ujəx šiččəšə '7-й день луны',
ujəx təxxərrəš '9-й день луны' /15, III, стр. 189-190/.

¹¹⁴ Ср. у Брокельмана /179, стр. 146/: *ikimčisi, säkizimčisi*.

¹¹⁵ Ср. *birī kün, ertesi kün*, где *-i, -si* — аффиксы принадлежности.

¹¹⁶ Подробнее см. у Н.А. Андреева /6/.

Генезис чувашского аффикса порядковых числительных станет яснее, если проанализировать чувашское *üləm* 'впредь', 'после' и его производные.

От чувашского *üləm* < *ül ~ il + əm происходит прилагательное-числительное *iləməš* ~ *ilməš*: *ilməš kaš* 'накануне вечером', *ilməš kun* 'на другой день', но во многих говорах: 'накануне' /15, III, стр. 110/. По семантике очень близкими являются выражения *ələkxi kun* 'третьего дня', 'накануне' и *ələkši, ələkšə kun* 'вчера', 'накануне', которым соответствуют: баш. *ələkkə kön* 'позавчера', диал. *ölkögön, ölökögön, əlkögön*. Вероятно, чувашское *iləməš* по структуре аналогично более позднему *ələkšə*: *il-əm + šə* и *ələk* < *ilik + šə* < *il* 'перед' ~ 'место перед дверью'.

Таким образом, современный аффикс чувашских порядковых числительных *-məš* состоит из следующих элементов: *-m* (аффикс собирательно-разделительных "групповых" числительных)¹¹⁷ + *-əš* (выделительный аффикс, генетически тождественный общетюркскому аффиксу принадлежности 3-го лица *-si*). Следовательно, гипотеза Н.И. Ашмарина — Н.А. Андреева является вполне приемлемой.

Наряду с *pərrəməš* в чувашском языке употребительны *pərvajxi, pərvəjxi, pərvəjxi, pərvajxi* 'первый' от *pərvaj, pərvəj, pərvaj* (из русск.), *mal-tan-xi* < *mal-tan-xi* 'первый', 'передний' и *pušlaməš* 'первый', 'начальный', *tepar* 'другой', 'второй' < *te-par, teprəməš* < *te-pəre-məš* 'второй', 'другой'.

Примечательно, что и в других тюркских языках порядковое числительное со значением "первый", образованное от "один", употребляется редко. Чаще выступают формы от основ со значениями "начало", "перед" и т.д. 118: алт. *baštapki, bašamči*, хак. *pastajı* от *-baš, pas* 'начало', тур. *ilk*, азерб. *ävvälinji* из ар. *ävväil*, др.тюрк. *baštinkı* /186, стр. 104/.

Собирательные числительные

В большинстве тюркских языков собирательные числительные представляют собой образования на *-açu (-ägü)* /167, стр. 516; 179, стр. 162; 108, стр. 67-68/ в различных фонетических вариантах и их производные. Например: тат. *ikäu* 'двоем', киз. *ekēü*, кир. *ekö*, алт. *ekü*, узб. *ikkäu*.

Эти числительные могут принимать аффиксы принадлежности: тат. *ikäu-baz* 'мы двое'.

Второй аффикс собирательных числительных представлен в узбекском, алтайском, хакасском, шорском, тувинском языках: хак. *üžöləq* 'трое', 'втроем', *əköləq* 'двоем', тув. *üžele: /üžele:n* 'втроем', шор. *üžele, üčüle (zi)*, узб. *učala*, уйг. *üčülen*.

¹¹⁷ Нам кажется, что старые числительные на *-m* нельзя называть порядковыми. В некоторых современных говорах чувашского языка вместо порядковых числительных выступают количественные.

¹¹⁸ То же явление наблюдается и в языках иных семей: финно-угорских, индоевропейских.

В южных тюркских языках — турецком, гагаузском, туркменском и др. — "собирательность" часто выражается при помощи количественных числительных с аффиксами принадлежности. Например: гаг. *ÿcÿ* 'все трое', туркм. *ÿcÿmîd* 'мы втроем' и т.д.

Чувашский язык имеет несколько типов собирательных числительных. Общетюркский (?) тип на *-aγu* (*-äγü*) представлен двумя числительными: *pärev* 'один', 'иной' (ср. тат. *bäγaw* в том же значении) и *teprev*, *te-pärev* 'другой', 'иной' < *te-pärev*. Эти формы по семантике не относятся к собирательным и, вероятно, являются сравнительно новыми 119.

Наибольший интерес представляют формы типа: *iksämär* 'мы двое', *iksär* 'вы двое', *ikkäs* 'двое из них'.

Обычно исследователи (например, М. Ряснен /221, стр. 22/) усматривают в *-sämar*, *-sä* двойные аффиксы принадлежности, т.е. *-sä + -mä*, *-sä + -r*.

И. Бенцинг /176, стр. 732/ полагает, что *viśsar* появилось из «трое вы», т.е. *sär = sär* в *eşär* 'вы', а суффикс *-sämar* возник в результате аналогии с формами *kiltär* 'вы пришли' и *kiltämär* 'мы пришли' 120. Этимология И. Бенцинга кажется нам сомнительной. Скорее в формах *iksämär*, *iksär* мы действительно имеем дело с двойным аффиксом принадлежности 121.

Сочетание двух аффиксов принадлежности 3-го лица явление общеизвестное: *birisi* < *bir-i* + *-si*, *kajsi* < *kaj-i-si*, даже *kaisisi* и т.д. 122 В говоре каринских и глазовских татар зарегистрированы формы: *bärsägöz gänä* 'только один из вас', *iksägöz-dä* 'обе' (ср. чув. *iksär* < **iksägär* *bärsäγöz da* 'все вы', *bärsäböz* 'один из нас' (ср. чув. *iksämär*). Эти формы числительных по структуре абсолютно аналогичны чувашским. Известно, что каринские татары — выходцы из Волжской Булгарии /127, стр. 54-55 и 76/. Вероятно, перечисленные формы числительных представляют архаизмы. Их источником для обоих языков мог быть какой-то кыпчакский диалект на территории Булгарии (ср.: караим. *eksi* < *eki-si* 'двое', *ÿcsü* 'трое', СС: *ekkisi* 'двое', кбал. *törsü* 'четверо').

В "Словаре" Н.И. Ашмарина /15/ встречаются такие собирательные числительные на *-sämar* (*-sämar*), *-sä* (*-sä*): *iksämär* 'мы двое' (*iksä-*

119 В детских считалках встречаются также формы *ik-ikev*, *viś-viśev* /74, стр. 119/.

120 В моргаушском говоре чувашского языка /77, стр. 169/ употребительны лишь формы *iksär* 'вы оба', а вместо *iksämär* говорят *epär ikkän*.

121 Но заманчиво и предположение В. Котвича /194, стр. 25/, по которому в формах типа *iksämär* 'мы двое' представлен аффикс множественного числа (коллективности) *-s*. Существует и точка зрения, по которой *iksämär* < *iksem* + *ämär*; *iksär* < *iksem-är*, т.е. *säm* < *-sem* (аффикс множественного числа).

122 См., например: /56, стр. 185, 187; 41, стр. 101; 99, стр. 112/.

märe te vürän siṭ 'места хватит и на двоих'); *viśsar* 'вы трое', *pilläksär* 'пять из вас', *sičsämar*, *sičsämar* 'мы семеро', *sičsär* 'вы семеро', *sak-čärṣämär* 'мы восьмеро', *sakkärṣär* 'вы восьмеро', *täxärṣämär*, *täxär-ṣämär* 'мы девятером', *täxärṣär*, *täxärṣär* 'вы девятером', *vunṣämär*, *vunṣämär* 'мы десятеро', *vunṣär*, *vunṣär* 'вы десятеро', *vunpärṣämär* 123 'мы одиннадцать', *vunpärṣär* 'вы одиннадцать', *širamšämär* 'мы двадцать', *vätärṣämär* 'мы тридцать', *vätärṣär* 'вы тридцать', *šimalšämär* 'мы семьдесят'.

Количественные числительные выражают собирательное значение и будучи оформленными аффиксом принадлежности 3-го лица *-si* > *-sä* 124, например: *ikkäṣä* 'двое', 'двое из них' < *ikkä* + *-sä* (*ikkisi* — *ikkäṣä*), *šärṣä* 'сто из них' < *šär* + *-ä* + *-sä* (двойной аффикс принадлежности).

В "Словаре" Н.И. Ашмарина отмечены такие формы: *ikkäṣä*, *ikkäs*, *ikkäṣä*, *ikkäs* 'двое из них', *viśsäṣ*, *viśsäṣä*, *viśsäṣ*, *viśsäṣä* 'они трое', 'трое из них', *tävättäṣä* 'четверо из них', *pičkäṣä* 'пять из (группы)', *allitäṣä* 'шесть из них', *siččäs*, *siččäsä*, *siččäṣä* 'семь из них', *sakkäräṣ*, *sakkäräṣä*, *sakkäräs* 'восемь из них', *täxäräṣä* 'девять из них', *vunṣäṣ*, *sakkäräṣä*, *sakkäräs* 'восемь из них', *täxäräṣä* 'девять из них', *vunṣäṣ*, *vunṣäṣä* 'десять (из числа)', *širamäs* 'двадцать из числа', *vätäräṣ*, *vätäräṣä* 'тридцать из них', *xärṣäṣä* 'сорок из них', *alläṣä*, *alläṣ* 'пятьдесят из них', *šärṣäṣä*, *šärṣäs* 'сто из них', 'сто из числа', *pinäs* 'вся тысяча'. Например: *Pär šullaxi šäräx kun vāsem ikkäṣä päre Šärpüren Xuşana tuşsa kajäṣä* 'В один летний жаркий день они вдвоем выехали из Шивильска в Казань' (Эльгер).

Числительные типа *ikkäṣä* скорее следует назвать собирательно-выделительной формой количественных числительных. В качестве иллюстрации можно привести такой пример: *Män ruṣ jalṭa viṣä uram: ikkṣä vätäräm uramsem* (с. Тойси Батыревского района) 'Всего в деревне три улицы: две из них длинные улицы'.

Во многих чувашских говорах вместо литературного *iksämär* 'мы двое' употребляют *epär ikkän* 'мы вдвоем', т.е. количественное числительное выступает в форме старого инструментального падежа: *Epär ikkän kajša* (ишлейск.) 'Мы поехали вдвоем' 125.

В других тюркских языках часто употребляется инструментальный падеж собирательных числительных на *-aγu*, *-aγula*: *-aγun* и *-aγulan*, например: др. уйг. *äkigün*, хак. *iköleṅ* и т.д.

123 Ср. интересные формы *vunpärämär* 'мы одиннадцать', *vunpärär* 'мы одиннадцать' /15, V, стр. 268/, *vätärär* 'вы тридцать' /15, V, 336/.

124 Подробнее об аффиксе *-sä* см. выше, стр. 15.

125 'Мы двумя поехали', тогда как *epär ikkän* 'мы два нами', т.е. синтаксические связи *ikkän* и *iksämär* в предложении различны.

126 Н.И. Ашмарин /10, стр. 187/ полагал, что *-n* является аффиксом родительного падежа. А.Н. Кононов /58, стр. 22/ усматривает в нем показатель собирательности, коллективности.

Разделительные числительные в чувашском языке образуются от количественных числительных путем прибавления аффикса *-šar/-šer* 127; *ikšer* 'по два', *sakkäršar* 'по восьми'.

Числительное *pär* 'один' представлено в двух формах *pärer* < *pärer* и *päršer* 'по одному' 128.

Разделительные числительные данного типа встречаются во многих тюркских языках.

Обычно аффикс *-ar/-är* выступает после основ на согласный (например, тат. *dürär* 'по четыре'), а *-šar/-šer* после основ на гласный (например, тат. *altışar* 'по шести'), в хакасском языке к основанию на гласный присоединяется аффикс *-lar/-ler* (например, *dülär* 'по шести', *četiler* 'по семи').

Для древнетюркского (уйгурского) отмечена форма *ikirer* /186, стр. 105/129 (ср. хакасский, койбальский и карагасский *-lar/-ler*).

Из объяснений аффикса *-šar/-šer* наиболее распространенным является толкование его как результата неправильного морфологического разложения числительного *bešer* > *be šer* 'по пяти'. Под влиянием *bešer* появилось *altışar* 'по шести', а затем аффикс *-šar/-šer* «распространился» на все числительные с основой на гласный (/221, стр. 87; 167, стр. 526; 61, стр. 277/, там же ссылки на литературу). А.Н. Кононов усматривает в формах на *-šar/-šer* отглагольную форму, где *-š* словообразовательный аффикс, а *-ar/-er* идентичен аффиксу настоящего-будущего времени. А.М. Щербак /156, стр. 94/ считает *-š* «вставочным согласным».

Аффикс *-ar/-er* в *birer*, *üčer* и т.д. также толкуется исследователями по-разному. В. Банг видит в нем *Direktiv* на *-r* /167, стр. 526 и сл./; А.Н. Кононов — аффикс настоящего-будущего времени от глаголов на *-la, -ra* (исторически тот же *Direktiv*?), т.е. *birler* > *birrer* > *birer* /61, стр. 278/279/; М. Ряснен сопоставляет этот аффикс с конкретным словом *är//er* 'мужчина', 'человек' /221, стр. 87/. Э.Р. Тенишев указывает на похожую модель, правда, у собирательных числительных в языке желтых уйгуров: *üškösü* < *üš kışi* 'три человека (втроем)', *ört kışi* 'четыре человека (вчетвером)' и т.д. /132, стр. 22-23/ и О.П. Суник — в языке ульчей /164, V, стр. 159/: *ilan?i* 'трое' < *ilan n'i* 'три человека'.

По словам И. Бенцинга /176, стр. 732/ и М. Ряснена /221, стр. 87/, аффикс *-šar/-šer* в чувашском языке является заимствованием из других тюркских (кыпчакских? — Л.Л.) языков. Действительно, при чувашском *pibäk* < **bel* ~ тюрк. *beš* 'пять', аффикс *-šar/-šer* выглядит аномальным. Аффикс *-šar/-šer* имеет не типично чувашский облик и при допущении

127 Аффикс *-šar* может прибавляться и к именам с количественным, реже качественным значением: *saxalšar* 'помалу', 'понемногу'; *pärtašar* 'понемногу'; *päččenšer* 'поодиночке'.

128 В моргаушском говоре имеем формы: *päršar*, *ikkšar viššar*, *toatšar*, т.е. аффикс представлен только вариантом с задним гласным.

129 Ср.: К. Брокельман /179, стр. 163/.

этимологии А.Н. Кононова /61, стр. 279/, ибо общетюркскому словообразовательному (залоговому) аффиксу *-š* в чувашском закономерно соответствует *-š, -š* (ср.: /74, стр. 172/).

Сам по себе факт заимствования аффикса для образования разделительных числительных не должен вызывать удивление: во многих других тюркских языках нет особых морфологических показателей для разделительных числительных, а "разделительность" выражается исходным падежом количественного числительного или его редупликацией. Например: туркм. *altıdan* 'по шести', тув. *bir-bir* 'по одному' и т.д.

Чувашские разделительные числительные употребляются и с аффиксом старого инструментального падежа: *pärerän-pärerän* 'по одному' /10, стр. 184/.

Числительные количественные приблизительные

В чувашском языке встречаются числительные *širämleže* 'около двадцати', *šarleže* 'сотнями', *pinleže* 'тысячами', которые по своей структуре аналогичны татарским и башкирским *jözlär*, *jödlär* 'около ста', *mälär* 'около тысячи'. Так, чувашское *širämleže* и т.д. структурно представляет собой деепричастие на *-se* от глагола **širämle-* (ср. тат. *unlap* 'около десяти' из *unla-* + *-p*) и появилось под влиянием "кыпчакской" (татаро-башкирской? — Л.Л.) модели.

Г Л А Г О Л

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМА ¹³⁰

Отрицательная форма чувашского глагола образуется путем прибавления к его основе аффикса *-ma/-me, -m* (последний вариант аффикса выступает с формой будущего времени и производными от нее):

<i>šir-m a-s-i-äp</i>	'я не пишу',
<i>šir-m a-r-äm</i>	'я не писал',
<i>epä šir-m a-n</i>	'я не написал',
<i>šir-m- äp</i>	'я не буду писать' и т.д.

Аффикс *-ma/-me* является общетюркским. О его происхождении писали В. Банг /168, стр. 116/, Г. Рамстедт /215, стр. 210-211; 108, стр. 101/. Последний указывал, что *-ma/-me* восходит к сочетанию отглагольного имени на *-m* с основой отрицательного глагола *e-*. Реликты этого отрицательного глагола прослеживаются в некоторых монгольских и тунгусо-маньчжурских языках /113, стр. 256-258/. Отрицательный глагол известен и уральским языкам.

Таким образом, можно говорить об урало-алтайской типологической параллели.

130 См. также ниже, стр. 77-78.

ФОРМА ВОЗМОЖНОСТИ

Форма возможности образуется из основы глагола и аффикса *-aj/-ej*. В верховых говорах выступают варианты этого аффикса *-i* (с несколько задней артикуляцией i) или *-ir, -ijr* (например, ишлейский, моргаушский, некоторые чувашские говоры Башкирии). Отмечен и вариант *-ajr/-ejr* /10, стр. 257; 74, стр. 186/.

Происхождение аффикса *-aj/-ej* и его вариантов до сих пор остается неясным¹³¹.

Некоторые исследователи (А.И. Добролюбов, И. Бенцинг) возводили чувашскую форму возможности к аналитической форме возможности, состоящей из деепричастия на *-a/-e* и вспомогательного глагола *al-* 'брать', 'взять' (~ чув. *il-*).

На мысль о тождественности чувашского *-aj* и тюркского *-a al-* наталкивает прежде всего типичность и распространенность последней конструкции в большинстве тюркских языков (см., например: /159, стр. 89 и

Фонетически трансформацию *-a il-* в чувашском языке можно представить следующим образом:

$-a + il- > *ajəl > aj$ 132.

По Н.И. Ашмарину, аффикс *-ajr*, видимо, иного происхождения: *-a + jar- > *ajər > -ajr*, где *r*, таким образом, «составляет остаток вспомогательного глагола *jar-* 'посылать'» /10, стр. 257/.

Хотя глагол *jar-* имеет также значение «допускать», «отпускать»¹³³ такая трактовка аффикса *-ajr* нам представляется неубедительной. Нельзя видеть в *-ajr* преобразование более раннего **ajl* после глаголов типа *kil-*, *il-* и т.д., т.е.: **ilejl > *ilejl > ilejr > ilej?*

Существует и другая гипотеза о происхождении аффикса *-aj/-ej* /103, стр. 135 и 170; 74, стр. 184; 143, стр. 88/, согласно которой чувашский аффикс *-aj/-ej* через вариант *i* восходит к глаголу *u-* 'мочь'.

131 В. Котвич /64, стр. 218/ считал чувашский суффикс *-ai* (~тюркский *-a*) особым суффиксом, образующим оптативно-потенциальные основы

132 В верховых говорах известны случаи выпадения *l* в синтетических формах, образовавшихся из аналитических конструкций: *šapsart- < šapsalart-*, *xanešart- < xanešelart-*, *varešar- < varešelar-*; ср. также чувашские диал. *iše-*, *išen < il-* /15, III, стр. 146/. К. Менгес /200, стр. 153/, вероятно, вслед за Г. Рамstedтом /108, стр. 170/ полагает, что тур. *gälä-mädim* 'я не мог прийти' < **gälä-al-ma-dim*, т.е. и здесь та же утрата *l* у вспомогательного глагола *al-*, что и в чув. **kile- ilmerə > kilcimerə*. В кубаликском говоре башкирского языка /23, стр. 176/ отмечены формы: *kiläj amanəm* 'не мог прийти', *höjäsäj amaj* 'не может говорить'; в говоре айских башкир: *tabajamaj* 'не может найти', *biräjämäj* 'не может дать' /68, стр. 19/.

Формы *kilejčə* (вм. лит. *kilejə*), *üşejčəm* 'я вырос', записанные Л. Сегаевым /119, стр. 20/, также как будто подтверждают, что *kilejčə < kile-ilčə*, *üşejčəm < üše-iltəm*.

133 Ср. /186, стр. 129/: *ayit-u üd-* 'fragen lassen'.

Аналитические конструкции, состоящие из деепричастия на *-a/-e* основного глагола и «вспомогательного» глагола *u-* 'мочь' были известны в древнетюркских памятниках и староосманском языке: *qil-u* 'мочь', 'делать' /186/; *kačumas tuur* 'не убежит', *üki umadım* 'я не мог его задержать' /154/; *kötüñ umati* 'не мог поднять' (ДТС). М.Р. Федотов подмечает /143, стр. 89/, что фонетическое развитие чувашской формы можно представить следующим образом: $*u > *ü > i > aj (ej)$. Однако $i > aj$ в чувашском как будто не отмечено¹³⁴. А в аффиксе *-aj* мог появиться в результате переразложения основы деепричастия на *-a/-e; j*, вероятно, соединительный согласный, а глагол *u-*, если таковой действительно существовал в чувашском языке, должен был исчезнуть через ступень редуцированного гласного \hat{e} , т.е. *para-j-u > *parajərə > parajrə* 'он мог дать'.

Однако гипотеза А.И. Добролюбова нам кажется более вероятной, так как она позволяет объяснить все фонетические варианты аффикса *-ajr < -ajl* (после глагольных основ на *-r*) $> -ijr > jr/-i; ajl > aj$.

Исчезновение *r* в отрицательной форме основы возможности, видимо, вызвано стремлением избежать последовательности плавных *jm-r*, ср.: *kalajrčəm* 'я мог сказать', но *kalajmarčəm*, а не **kalajmarčəm* 'я не смог сказать'.

Некоторые чувашские диалектологи подчеркивают, что форма возможности наиболее часто встречается в произведениях устного народного творчества. Более употребительной считается форма невозможности /74, стр. 184/.

УЧАЩАТЕЛЬНЫЕ И ИНТЕНСИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Учащательная форма глагола образуется прибавлением к основе глагола аффикса *-kala/-kele*: *ulakala-* 'почитывать' от *ula-* 'читать', *rəxkala-* 'посматривать' от *rəx-* 'смотреть', *kulkala-* 'посмеиваться' от *kul-* 'смеяться', *karkala-* 'растягивать' от *kar-* 'натягивать'¹³⁵.

Аффикс *-kala/-kele* и его варианты встречаются в том же значении в большинстве тюркских языков /114, стр. 349 и сл./ Э.В. Севортян разлагает аффикс *-kala/-kele* на два элемента с учащательным значением: *-ka + -la* 136.

Исследователи чувашского языка обычно выделяют еще интенсивную форму с аффиксом *-ala/-ele*, *-la/-le*, которая образуется от небольшого числа глаголов: *xävala-* 'гонять' от *xäv-*, *xu-* 'гнать', *rävele-* 'запружи-

134 Наоборот, в чувашском обычно $aj > i$: *rəñi* 'полба' < **boğdaj*, *iixa* 'жеребенок' < **tajka*. То же фонетическое явление наблюдается и в аффиксе возможности: *-aj > -i*.

135 Учащательная форма может образоваться и от учащательной формы глагола: *tarkalaqala-* /15, XIV, стр. 168/; *daqalanqala-* /15, стр. 129/.

136 Другие этимологии приведены у М. Рясина /221, стр. 165/.

вать' от *paue-* 'прудить', *ilile-* < *iltele-* 'слушать' от *ilt-* 'слышать', *sulla-* 'качать' от *sul-* 'наклонять' и т.д.

Интенсивной формой глагола *ɛav-* 'рыть', 'копать' является *ɛavla-* 'копать', 'рыть'. Значение учащательности здесь, видимо, несколько стерлось. То же самое наблюдается у глаголов: *x̄pala-* 'щупать' < *x̄p-ala-* (ср. *x̄p-* 'хватать'), *javala-* 'обвивать' от *jav-* 'вить', *uxla-* 'качать', 'кивать' от *ux-* 'кивать', 'могать', *ɛnɛle-* 'стонать' от *ɛnɛ-* то же; *j̄ɛvala-* 'катать', 'валять' от **j̄ɛv-* (ср. *j̄ɛvan-* 'валяться'), *mutala-* 'путать' < **mut-* (ср. *mutas* 'запутавшийся'). Аффикс *-ele-*, возможно, представлен в глаголе *ūpele-* 'перевернуться', 'опрокинуться' < **ūpele-* (ср.: *ūpɛl-* 'опрокинуться', но *ūpeleš-* 'перевернуться', *ūpɛl* 'вверх дном' и т.д.).

Аффикс *-ala* распространен в более ограниченном числе тюркских языков, например, в азербайджанском, турецком, туркменском, киргизском, татарском.

Э.В. Севортыян полагает /114, стр. 346/, что аффикс *-ala* содержит два глаголообразующих аффикса (*-a* и *-la*) в их учащательном значении. По мнению К. Брокельмана /179, стр. 219-220/, аффикс *-ala* восходит к деепричастному *-a* + *-la*. М. Ряснян /221, стр. 166/ приводит к нему уральские (финские) параллели.

Рудиментарно в чувашском языке представлен и третий аффикс с учащательным значением — *-mala/-mele-*: *čamtele-* 'царапать' от *čam-* 'чертить' (ср.: *čətmala-*, *tətmala-* с тем же значением)¹³⁷. Возможно, глагол *tətmala-* // *čətmala-* // *čamtele-* представляет собой заимствование из какого-то другого тюркского языка (ср.: туркм. *dirtmala-* 'ковырять', 'рыться', кир. *ūtmal-* 'царапать').

Аффикс *-mala/-mele* непродуктивен и сохранился в немногих тюркских глаголах, например: туркм. *θemtele-* 'шарить', 'искать', *geθmele-* 'прогуливаться', *jolmala-* 'вырывать понемногу', азерб. *qamala-* 'схватывать', азерб. диал. *qazmala* 'изрыть', кир. *kamala-* 'повторно хватать', 'брать руками то одно, то другое', 'раздирать', *semtele-* 'хвататься то за одно, то за другое', *julmala-* 'хватать руками (о женщинах)', *sajmala-* (юж.) 'покалывать', *ōtmōlō-* 'карабкаться', 'ползти вверх', тат. *ūtālō-* 'карабкаться'; *kamala* — 'ощупывать' и т.д.¹³⁸.

¹³⁷ Вероятно, аффикс *-mala/-mele* составной, причем первый элемент *-ma* сохранился в аффиксе *-maš/-meš* у глаголов *təmaš-* 'возиться', 'копаться', *kəmeš-* 'возиться', 'бороться' (ср. также: /114, стр. 352-354/).

¹³⁸ Особняком стоит чувашское слово *javakla-* 'свивать', 'сплетать' < *jav-* 'вить', где представлен аффикс *-kla* (см.: /114, стр. 351-352/); вероятно, тот же аффикс в чув. диал. *itakla-* 'обнимать' (ср.: *itala-* 'обнимать', *itat* 'объятие').

АФФИКСЫ ЛИЦА

При сравнении парадигм настоящего, будущего и прошедшего категорического времени оказывается, что в чувашском языке так же, как и в остальных тюркских, представлены две системы личных аффиксов:

I. Настоящее и будущее время

	ед. число	мн. число
1-е л.	-р	-р Vг
2-е л.	-п	-г
3-е л.	-ə	-ə

II. Прошедшее время

	ед. число	мн. число
1-е л.	-т	-т Vг
2-е л.	-п	-г
3-е л.	-ə	-ə

Так как большинство членов этих систем в современном языке совпадают, системы можно признать смешанными. Этот вывод подтверждается при сопоставлении чувашских личных аффиксов с аффиксами других тюркских языков.

Так, например, в татарском языке мы имеем:

I.

	ед. число	мн. число
1-е л.	-тəп, -тəп, -т	-bəz, -bəz
2-е л.	-səп, -səп	-səz, -səz
3-е л.	-	-

II.

	ед. число	мн. число
1-е л.	-т	-к
2-е л.	-п	-гəz, -гəz
3-е л.	-	-

в туркменском языке:

I.

	ед. число	мн. число
1-е л.	-п, -п	-iδ, -iδ
2-е л.	-p̄п, -p̄п	-īp̄iδ, -īp̄iδ
3-е л.	-	-

II.

	ед. число	мн. число
1-е л.	-т	-к
2-е л.	-п	-п̄iδ, -п̄iδ
3-е л.	-	-

Наиболее фонетически единообразны аффиксы, выступающие в прошедшем категорическом времени: *-т*, *-п* и т.д.

Чувашские аффиксы *-m*, *-n* < **-ŋ*, *-māŋ* < **-mūr*, *-r* < **-γār*, *-rūr* соотносимы (тождественны) с общетюркскими *-m*, *-ŋ*, *-miz*¹³⁹, *-rüz* ~ *-rüz*. Последние иногда отождествляют с аффиксами принадлежности /51, стр. 17, 19, 37; 221, стр. 202 и сл.; 200, стр. 141; 37, стр. 141/, иногда выделяют особую категорию усеченных аффиксов лица или личных аффиксов второй группы /51, стр. 265-267/. Чувашский аффикс 3-го лица *-ä* < *-i* также является общетюркским, хотя в формах типа *keldi*, *aldı* рядом с последователем он не выделяется.

Аффиксы *-m*, **-ŋ*, **-mūr*, **-rūr*, **-i* местоименного происхождения и генетически, на наш взгляд, неотделимы от притяжательных аффиксов.

Аффиксы первой системы *-p*, *-n*, *-ä*, *-p(ə)r* восходят к двум источникам: *-p* и *-pə* — к личным местоимениям (*epə* < *e-pi* и *epər* < *e-pir*), *-n*, *-r*, *-ä* проникли из второй системы аффиксов. Таким образом, первая система, реконструируемая для общетюркского в виде:

1-е л.	<i>*-m(V)n</i>	<i>*-mVz</i>
2-е л.	<i>*-s(V)n</i>	<i>*-sVz</i>
3-е л.	—	—

представлена в чувашском языке только двумя членами: *-p* и *-pVr*¹⁴⁰. Смещение двух систем аффиксов наблюдается во многих тюркских диалектах, древних и современных (см., например: /206, стр. 258; 17, стр. 76, 80; 135, стр. 50/).

АФФИКС МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА *-s*

Этот аффикс выступает во временных формах глагола: в 3-м лице настоящего, будущего и прошедшего категорического времени:

<i>kileššä</i>	‘они идут’
<i>kilä-s</i>	‘они придут’
<i>kilčä-s</i>	‘они пришли’

и в сложных (исторически аналитических) формах изъявительного, сослагательного и уступительного наклонения.

Возможно, этот же аффикс представлен в 3-м лице множественного числа повелительного наклонения: *kilčär* ‘пусть они придут’ < **kil-čä-s*, где *č~š*, а *čär* < *tär*¹⁴¹.

Что касается происхождения аффикса *-s*, то на этот счет существуют несколько точек зрения.

¹³⁹ Во многих тюркских языках вместо *-miz* выступает показатель (о нем см. ниже, стр. 69; см. также: /154, стр. 156/).

¹⁴⁰ Иногда аффиксы *-sän*, *-sär*, выступающие в уступительном наклонении, трактуют как аффиксы 2-го лица единственного и множественного числа.

¹⁴¹ Аффикс *-s* < *-č*, вероятно, входит в состав марийского *šamšä* < *šam* + (*š*)č.

В.Г. Егоров /74, стр. 189/ и Ф.Т. Тимофеев вслед за В.Шоттом полагают, что *-s* — результат фонетической эволюции *-sem* > *sam* > *š*, что кажется нам маловероятным. В. Котвич отождествляет этот аффикс с показателем кооператива *-š*; его точку зрения как будто разделяет и М.Рябенен /221, стр. 203/.

Аффикс *-š* с кооперативным значением, действительно, выступает в глагольных формах ряда тюркских языков — киргизского, уйгурского и т.д. Но он всегда занимает место перед показателем времени или наклонения, тогда как чувашский аффикс следует за показателем времени, наклонения, например: кир. *jažišat* ‘они пишут’, чув. *širašä* ‘они пишут’.

Н.И. Ашмарин считал аффикс *-š* заимствованием, первоначально из улмуртского языка /10, стр. 303/142, позднее из маньчжурского /9, стр. 76/.

В верховых говорах чувашского языка представлен вариант аффикса *-š*: *-č*, который считают более ранним хронологически, например, сундыр. *kajáččä* < **kajáčä* (ср. лит. *kajáššä*), где *č* сохраняется после твердого /143.

ФОРМЫ ГЛАГОЛА *e* < *er* ‘БЫТЬ’

Глагол *i* < *e* < *er* ‘быть’ как корневая морфема в чувашском языке не сохранился. Он остался лишь в виде форманта *-čä*, который восходит к 3-му лицу прошедшего категорического времени: **eü* > **iä* > *čä*, и в форме *mar/mer*, представляющей именное отрицание, восходящее к отрицательной форме причастия на *-r*: **emär* > **imär* > *mer* ~ *mar*; *mar/mer* ~ тюрк. *emes* < **ermäz*¹⁴⁴.

Возможно, от этого же **e* < **er* образованы показатели 2-го лица уступительного наклонения, например, **kilä isen* > *kiläsän* (ср.: кбал. *ban̄ese* ‘если пойдет’, тюр. *jazar isem* ‘если я буду писать’, *bemzeze* ‘если он не даст’, хорезм. тюрк. *-r ürsän* и т.д.). Чувашские *ičen*, *imäš* восходят к соответствующим формам тагарского языка.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Настоящее (настояще-будущее) время чувашского глагола образуется из основы настоящего времени и личных окончаний.

¹⁴² Возможность такого заимствования отрицает В.А. Серебряников /120, стр. 192/.

¹⁴³ Чувашский аффикс множественного числа *-s* < *-č* можно сопоставить с финно-угорским *-t* (> *-č* после гласного переднего ряда), который выступает в 3-м лице множественного числа ряда спрягаемых форм (например, в марийском и мордовских языках).

¹⁴⁴ Ср. чув. гов. *kedemes* и тат. *kirämäs* из *kiräk imäs* и отрицательную форму настоящего времени на *-mast* < *-masst*, восходящую к какому-то кипчакскому источнику, где *-t* > *-s*.

Парадигма настоящего времени:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>pīraṭṭāp</i> 'я иду'	<i>pīratpār</i>
2-е л.	<i>pīraṭṭān</i>	<i>pīraṭṭar</i>
3-е л.	<i>pīraṭ</i>	<i>pīraṣṣa</i>

Основа настоящего времени представляет собой деепричастную¹⁴⁵ форму глагола на *-a/-e* + аффикс *-t*, который, по мнению многих исследователей, восходит к аористу глагола *tur* 'быть', 'существовать' /10, стр. 303-304; 176, стр. 748; 108, стр. 85/.

Структурно близкие варианты формы настоящего времени: деепричастие на *-a/-e* + формант, восходящий к глаголу *tur* + личные окончания распространены во многих тюркских языках и диалектах. Трансформация (*tur*) > *tur* > *tu-* > *tā-* > *t-* можно проследить, сравнивая парадигмы настоящего времени, представленные, например, в тюркских языках Средней Азии, Алтая, Азербайджана и Сибири:

човдурский диалект туркменского языка:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>baradīrān</i> 'я иду'	<i>baradīrās</i>
2-е л.	<i>baradīrsiṅ</i>	<i>baradīrsiṅiz</i>
3-е л.	<i>baradīr</i>	<i>baradīrlar</i>

хакасский язык:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>paradīrbīn</i> 'я хожу', 'я иду'	<i>paradīrbīs</i>
2-е л.	<i>paradīrzīṅ</i>	<i>paradīrzar</i>
3-е л.	<i>paradīr</i>	<i>paradīrlar</i>

кубинский диалект азербайджанского языка:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>aladam</i> 'я беру'	<i>aladuṅ</i>
2-е л.	<i>alasan</i>	<i>alasz</i>
3-е л.	<i>aladu</i>	

табасаранский говор азербайджанского языка:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>baxadam</i> 'я смотрю'	
2-е л.	<i>baxasa, baxasan</i>	
3-е л.	<i>baxadu, baxad</i>	

¹⁴⁵ Деепричастие на *-a/-e* иногда возводят к старой причастной форме

Наиболее структурно близкими к чувашской являются следующие парадигмы:

	ед. число	мн. число
литайская:	1-е л. <i>baratīm</i> 'я иду'	<i>baratībīs</i>
	2-е л. <i>baratīṅ</i>	<i>baratīṅar</i>
	3-е л. <i>baratī</i>	<i>baratīlar</i>
улымская:	1-е л. <i>paradīm</i> 'я иду'	<i>paradībīs</i>
	2-е л. <i>paradīṅ</i>	<i>paradīṅnar</i>
	3-е л. <i>paradī</i>	<i>paradī(lar)</i>
арабинская:	1-е л. <i>alatiīm</i> 'я беру'	<i>alatiīk</i>
	2-е л. <i>alatiīṅ</i>	<i>alatiīṅs/ṅis</i>
	3-е л. <i>alatiī, alati</i>	<i>alatiī(lar)</i>
георгиевская ¹⁴⁶ :	1-е л. <i>alatiīm</i> 'я беру'	<i>alatiīk</i>
	2-е л. <i>alatiīṅ</i>	<i>/alatiīṅz/</i>
	3-е л. <i>alatiī</i>	<i>alatiī(lar)</i> ¹⁴⁷

Таким образом, можно восстановить более раннюю стадию чувашской парадигмы:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>pīr (<bar)-a-t (<tur < turur) -p (<b~m)</i>	
2-е л.	<i>pīr (<bar)-a-t (<tur < turur) -n (<ṅ)</i>	
3-е л.	<i>pīr (<bar)-a-t (<tur < turur) -θ (<i)</i>	
		мн. число
1-е л.	<i>pīr (<bar)-a-t (<tur < turur) -pār (<bīr ~ bīz)</i>	
2-е л.	<i>pīr (<bar)-a-t (<tur < turur) -ṅār (<-īṅr ~ -īṅz)</i>	

Что касается 3-го лица множественного числа, то сравнение лит. *pīrat', pīraiz, pīraṣṣa* и диал. *pīraḃḃa* позволяет предположить: **pīratz + θ < *pīra-θ + -t*. По мнению М. Рясина /221, стр. 223/, § 148 есть показатель кооперативной множественности.

Личные окончания *-āp (<*bi)*, *-pār (<*bīr ~ bīz)*, *-ān (<*ṅ)*, *-ār < *īṅr ~ -īṅz)*, *-a (<*i)* представляют собой контаминацию личных аффиксов двух типов: *(-m, -n, -a, -mār, -ār)* и *(-p, -pār)*.

В чувашских говорах в 1-м и 2-м лице единственного числа настоящего времени употребительны формы *pīrap, pīran*. Обычно считают, что они

¹⁴⁶ Георгиевский говор тобольно-иртышского диалекта.

¹⁴⁷ См. также данные хотанского и лобнорского диалектов уйгурского языка /130, стр. 146 и 149/: хотан. *alatiṃāz* 'возьмем', *qaliti* 'останется', обн. *baradīmēn* 'пойду', *bolodo* 'станет' и т.д.

¹⁴⁸ Возможно, этот же *-z* представлен в марийском суффиксе множественного числа *ṣamḃḃ* < *ṣam* + (ḃ)ḃ /221, стр. 203/.

являются результатом стяжения основных форм¹⁴⁹, т.е. *pītaǰp* > *pītap*, *pītaǰn* > *pītan*¹⁵⁰. Форма 1-го лица множественного числа может образоваться из "сокращенной" формы единственного числа: *pītapǰr*.

В качестве отрицательной формы настоящего времени в чувашском языке выступает другая временная основа, которая в большинстве тюркских языков представляет собой отрицательную форму аориста (или будущего неопределенного, предположительного на *-ar/-er*, *-ur/-ür*, *-ir/-ir*).

Парадигма отрицательной формы:

	ед.число		мн.число
1-е л.	<i>pīmastāp</i>	'я не иду'	<i>pīmastāpǰr</i>
2-е л.	<i>pīmastān</i>		<i>pīmastār</i>
3-е л.	<i>pīmasi'</i>		<i>pīmasāš.</i>

Форма *pīmastāp* и т.д. может быть разложена на *pīr-* (< *bar-*) – основа глагола + *-ma* (частица глагольного отрицания) + *-s* (показатель глагольно-именной формы(?)) + *-t* (< *turur*) + личные окончания.

В большинстве тюркских языков аффикс *-t* не встречается в отрицательной форме основы настоящего-будущего времени, например:

алт.	<i>barbazim</i>	'я не пойду'	<i>barbazibiz</i>
	<i>barbazin</i>		<i>barbazitar</i>
	<i>barbas</i>		<i>barbas(tar)</i>
тат.	<i>barmam</i>	'я не пойду'	<i>barmabiz</i>
	<i>barmassän</i>		<i>barmasöz</i>
	<i>barmas</i>		<i>barmaslar</i>
кум.	<i>barmaman</i>	'я не пойду'	<i>barmabiz</i>
	<i>barmasan</i>		<i>barmasiz</i>
	<i>barmas</i>		<i>barmaslar.</i>

Однако в ряде языковых памятников отмечены случаи употребления аффикса *-tur/-dur* и его вариантов с формой на *-mas*, например, в документах на половецком языке XVI в.: *čixamas dır*, *bolmas dır*, *bilmen dir* /40 стр. 369/, в староузбекском языке: *jibärmäs durbiz* /153, стр. 147/ в восточнотуркестанских текстах X-XIII вв.: *čikmasturmän* /154, стр. 136/.

Особенно примечательны парадигмы, приводимые К.М. Мусаевым /87 стр. 285/ для тракайского диалекта караимского языка:

	ед.число		мн.число
1-е л.	<i>alma(s)mīn</i> , <i>alman</i>	'я не возьму'	<i>alma(s)biž</i> , <i>almbiž</i>
2-е л.	<i>alma(s)sīn</i> , <i>almas</i>		<i>alma(s)siž</i> , <i>almasiž</i>
3-е л.	<i>almastir</i> , <i>almast</i>		<i>almastirar</i> , <i>almastlar</i>

¹⁴⁹ Например: /74, стр. 189; 78, стр. 46/ и т.д. О случаях типа каз. тат. *alamän* > *alam* см.: /83, 1, стр. 63/.

¹⁵⁰ Ср.: *ter* 'я говорю' < *teǰar* и *ten* 'ты говоришь' < *teǰän* (< *te-* 'говорить', 'сказать'), *šar* 'я ем' < **šatāp* < *šijeǰar*, *kar* 'я иду' < *kajaǰar*.

отрицательная форма будущего I в барабинском диалекте:

	ед.число		мн.число
1-е л.	<i>almasiim</i>	'я не возьму'	<i>almasiik//almastiis</i>
2-е л.	<i>almastiñ</i>		<i>/almastiñis/</i>
3-е л.	<i>almasti'</i>		<i>almastir</i> , <i>almas.</i>

В чувашских говорах к первой из них можно найти интересные параллели:

	ед.число	мн.число
1-е л.	<i>pītap</i>	<i>pītapšǰr</i>
2-е л.	<i>pīmassän</i>	
3-е л.	<i>pīmast</i>	

Личный аффикс *-sän* (ср.: тат. *-sän*, караим. *-sün*) проник в парадигму, вероятно, из какого-то кыпчакского языка или, возможно, *st* > *ss*.

Начальные чувашские формы *pīmastāp* и т.д. претерпели в говорах следующие изменения:

1-е лицо единственного числа – утрата *st*, *t* и *tāp* (например, *pīmas* – в моргаушском говоре, *pītap* – в сундырском и чебоксарском говорах, *pīmasp* – в краснотетайском говоре);

3-е лицо единственного числа – утрата *t*, палатализация *s* как результат влияния исчезнувшего аффиксального личного показателя *-ə*, т.е.: **stā>*s't'>*s'* (*pīmas* – сундырский говор, низовой диалект и часть переходных говоров, *pīmas'* – почти вся остальная территория Чувашской АССР).

Иногда форма 1-го лица единственного числа типа *pītap*, по-видимому, служит, как исходная для образования формы множественного числа: *pītap + pīr = pītapšǰr* (некоторые чувашские говоры Башкирии, Саратовской области и т.д.).

Чувашская форма настоящего времени не является общетюркской. Она, как и другие аналитические формы настоящего времени (например, формы настоящего времени в языках юго-западной группы), вероятно, относительно позднего происхождения.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

По мнению ряда исследователей, чувашская форма будущего времени не имеет временного показателя, а образуется путем присоединения к основе глагола личных аффиксов /74, стр. 190; 48, стр. 164/.

Парадигма будущего времени глаголов *pīr* 'идти', *kala-* 'сказать' такова:

	ед.число		мн.число
1-е л.	<i>pīǰp</i> , <i>kalǰp</i>	'я пойду', 'я скажу'	<i>pīǰpǰr</i> , <i>kalǰpǰr</i>
2-е л.	<i>pīǰän</i> , <i>kalǰän</i>		<i>pīǰār</i> , <i>kalār</i>
3-е л.	<i>pīǰə</i> , <i>kalə</i>		<i>pīǰās</i> , <i>kalās</i>

Н.И. Ашмарин /10, стр. 304/, а вслед за ним и М.Рясянен /221, стр. 217/ усматривали в этой форме общетюркский аорист на *-ir/-ir*. Та-
ким образом, чувашское *pīrāp* могло бы восходить к **barīr + bi* (выпаде
> **barīp*).

В пользу этой гипотезы говорят такие факты.

В чувашском языке, видимо, существовал аорист на *-r*, так как име-
ное отрицание *-mar* < **mār* < **emār* < **emār* является отрицательной фор-
мой аориста глагола *e(r)*. Рудиментом старого аориста является и пока-
затель настоящего времени *-t* < *tur* < *turur*.

В татарских и башкирских говорах при образовании аориста от гла-
гольных основ на *-r* аффиксальный *r* элидируется. Так, в говоре татар
Куйбышевской области /76, стр. 213/ находим: *barām, bīrām*, в низерско-
говоре башкирского языка: *barām, kārām* /24, стр. 159/, в говоре башки-
рской долины реки Ай: *barām, tōrām, kūrām, bīrām*, в говоре пензенских мишаре
bīrām, barām /76, стр. 139/.

Т. Ковальский /196, § 66/ отмечает, что конечный *r* часто выпадает
в причастных формах: *geli, sesleni, vīnī duruq, geliq, vīmen*.

Наиболее интересные данные предлагает караимский язык. По мне-
нию К.М. Мусаева /87, стр. 283-284/, к аористу восходят разговорные
караимские формы: *alīm, alībīz; alīs, alīsīz*.

В карачаево-балкарском языке *r* выпадает при образовании будущего
времени от глаголов, основа которых оканчивается на *r* и *l*: *barī < barīr*
kelibīz < kelirbīz, alībīz < alīrbīz и т.д. /137, стр. 129/151.

Трансформацию старой формы аориста в чувашском языке можно
объяснить следующим образом. Первоначально аффиксальный *r* элидиро-
вался после *r*-основ. Формант *-ā(-ə) < ār (ər)* перестал осознаваться
как морфологически значимый и был отождествлен с соединительным глас-
ным личных окончаний.

Допустима и зависимость исчезновения *-r* в форме на *-r* от фонети-
ческой эволюции аффикса прошедшего категорического *-di > -ra*, в ре-
зультате которой формы типа *ilrā* и *ilrā < ilār* стали неразличимы.

Семантика времени -- возможное, предполагаемое действие в буду-
щем¹⁵² -- тоже близка к семантике будущего на *-r* и т.д.

Вторая гипотеза, которую поддерживают И. Бенцинг /176, стр. 740
и 747/ и О. Прицак /212, стр. 153/ возводит *-ā(-ə)* чувашского будущего
времени к форманту *-ru/-gū*, показателю причастия, имеющего значе-
ние будущего времени с оттенком долженствования /186, стр. 117; 154,
стр. 139/.

В качестве параллели к чувашской форме можно привести сарыгу-
гурскую форму будущего определенного времени на *-ru/-gū, -ro/-gō*
/132, стр. 31/, которая, возможно, является рудиментом древнеуйгур-
ской системы¹⁵³.

¹⁵¹ Ср. также кум. диал. *geli(r)men, gelir(r)men*.

¹⁵² См. Н.И. Ашмарин /14, стр. 178, 179 и сл.; 74, стр. 190/.

¹⁵³ См. будущее категорическое время на *-ru* в древнеуйгурском
языке /93, стр. 13/.

Временная форма на *-ru/-gū*, имеющая значение будущего времени
оттенком долженствования, встречается в языке хорезмийских памят-
ников XIV в. /139, стр. 79/154:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>alrum</i> 'я возьму'	<i>alrumīz</i>
2-е л.	<i>alruq</i>	<i>alruqīz</i>
3-е л.	<i>alrust</i>	<i>alrularī</i>

Генетически близким, возможно, является будущее определенное на
rok в чулымском языке:

1-е л.	<i>paḡro:m</i> < <i>paḡroḡum</i> 'я пойду'
2-е л.	<i>paḡro:q</i> < <i>paḡroḡuq</i>
3-е л.	<i>paḡrok</i>

Таким образом, чувашское будущее время могло бы быть интерпре-
тировано как *pīrāp* < **barru + -m* (позднее из парадигмы настоящего вре-
мени проник *-p < bi*), *pīrān* < **barru + -n* > **barā + -n*, *pīrā* < **barru* >
**barā* > **bar + -ā* (по аналогии с формой прошедшего времени?).

Однако гипотеза И. Бенцинга -- О. Прицака вызывает у нас сомнение.
Древнее причастие на *-ru/-gū* легло в основу будущих времен со значе-
нием определенности, долженствования, совершения действия, т.е. так
называемых будущих категорических. Чувашское будущее на *-ā/-ə* -- бу-
дущее неопределенное. В системе причастий форма на *-ru/-gū* по своим
функциям и семантике близка к причастию на *-as, -asī*. По наличию или
отсутствию одной из этих форм противопоставляются многие тюркские
языки. Чувашский язык относится к группе *as*-языков.

Аорист на *-r* представляет, по нашему мнению, одну из базисных
форм тюркского спряжения, являясь общетюркской временной формой.

ПРОШЕДШЕЕ МНОГОКРАТНОЕ

Структура прошедшего многократного времени прозрачна¹⁵⁵: основа
настоящего времени + прошедшее категорическое время от недостаточно-
го глагола *e-* (*i-*):

	ед. число
1-е л.	<i>pīratām</i> 'я ходил' < <i>pīrat</i> + <i>-tām</i> (< <i>*etim</i>)
2-е л.	<i>pīratān</i> < <i>pīrat</i> + <i>-tān</i> (< <i>*etin</i>)
3-е л.	<i>pīratā</i> < <i>pīrat</i> + <i>-ā</i> < <i>*tū</i> < <i>*eti</i>
	мн. число
1-е л.	<i>pīratāmār</i> < <i>pīrat</i> + <i>-tāmār</i>

¹⁵⁴ Спорадически будущее категорического типа (*kilrumizdur, bolru-
midur*) встречается в современном уйгурском языке /81, стр. 31/.

¹⁵⁵ См. /10, стр. 307 и 316; 176, стр. 746; 221, стр. 226/.

2-е л. *pīrat̃r* < *pīrat* + *-t̃r*
 3-е л. *pīrat̃ās* < *pīrat* + *-čā* + *-s*.

По этой же модели строятся временные формы со сходной семантикой и в других тюркских языках, например:

туркм. *barja: rāim* 'я ходил (в то время)' (*barja: r* — основа настоящего времени + *-dīm* (< *edim* и т.д.)
barja: rāñ
barja: rāi
 кум. *bara edim* 'я ходил (тогда)' (*bara* — основа настоящего времени + *edim* и т.д.)
bara ediñ
bara edi
 тат. *bara idam* 'я ходил (тогда)' (*bara* — основа настоящего времени + *idam* < *edim* и т.д.)
bara idañ
bara ida

Отрицательная форма прошедшего многократного образуется из отрицательной основы настоящего времени и прошедшего категорического глагола *e-* (*i-*):

	ед. число	
1-е л. <i>pīmastām</i>	< <i>pīmas</i>	+ <i>-tām</i>
2-е л. <i>pīmastān</i>	< <i>pīmas</i>	+ <i>-tān</i>
3-е л. <i>pīmastēā</i>	< <i>pīmast</i>	+ <i>-čā</i> и т.д.

В чувашских говорах представлены следующие структурные варианты прошедшего многократного:

I. (иншлейск.)

āšlepčā 'я, бывало, работал' < *āšlep* (1-е лицо настоящего времени) + *-čā* < **ti* < **eti*
āšlenčā < *āšlen* (2-е лицо настоящего времени) + *-čā* < **ti* < **eti*
āšletčā < *āšlet* + *-čā*;

II. (говор чувашей Башкирской АССР /78, стр. 157/)

šīrattāmčā 'я, бывало, писал' < *šīrattām* + *-čā* < **ti*
šīrattānčā < *šīrattān* + *-čā* < **ti* и т.д.

Отрицательная форма 3-го лица имеет в говорах следующие варианты:

šīmastčā (*šīmast* + *-čā*);
šīmas'čā (*šīmas't'* > *šīmas'* + *-čā*);
šīmasčā (*šīmas* + *-čā*).

Прошедшее многократное относится к временным аналитическим формам, возникшим относительно недавно в истории конкретных тюркских языков. Однако их структурную модель (настоящее время, а ранее аорист + прошедшее категорическое от глагола *e-*) можно считать общетюркской.

ПРОШЕДШЕЕ "КАТЕГОРИЧЕСКОЕ" ВРЕМЯ

Эта временная форма образуется от основы глагола при помощи аффикса *-r/-t* (после основ на *-l*, *-r*, *-n*) и аффиксов лица, совпадающих с современными аффиксами принадлежности 156:

	ед. число	мн. число
1-е л. <i>vularām</i> 'я читал'		<i>vularām̃r</i>
2-е л. <i>vularān</i>		<i>vularār</i>
3-е л. <i>vularā</i>		<i>vularās</i>
	ед. число	мн. число
1-е л. <i>il̃tām</i> 'я брал'		<i>il̃tām̃r</i>
2-е л. <i>il̃tān</i>		<i>il̃tār</i>
3-е л. <i>il̃čā</i>		<i>il̃čās</i>

В 3-м лице единственного и множественного числа *-ā* < *-i*, видимо, является показателем принадлежности 3-го лица /108, стр. 117/.

В 3-м лице множественного числа выступает показатель множественного числа *-s* (см. выше, стр. 58).

Временная форма на *-r ~ -d* является общетюркской. Она имеется во всех тюркских языках — древних и современных.

Значение этой временной формы, на наш взгляд, очень удачно охарактеризовал Д.М. Насилов: "Это время обычно лишь указывает на факт совершения действия в прошлом, не давая ему более точной временной характеристики. Форма прошедшего времени на *-d* в наших памятниках сама по себе не выражала также и какой-либо видовой характеристики действия: глаголы в этой форме были нейтральны в видовом отношении. Для этого времени не явилось существенным признаком и выражение определенности, категоричности совершения действия, т.е. оно не имело определенного модального характера" /93, стр. 5/.

Происхождение временной формы на *-r ~ -d* неоднократно дискутировалось в специальной литературе. При этом обсуждались три основные проблемы:

1) какое глагольное образование лежит в основе временной формы или иными словами: каков генезис показателя этого прошедшего времени;
 2) каков генезис личных показателей, выступающих с этой временной формой: тождественны ли они с так называемыми аффиксами принадлежности;

3) почему в 1-м лице множественного числа вместо ожидаемого личного показателя *-m̃z/-m̃z* в некоторых языках выступает аффикс *-k*, каково его происхождение.

Большинство исследователей полагает, что в основе временной формы на *-d ~ -r* лежит какое-то отглагольное образование:

1) глагольное имя на *-duk/-dük // -dük/-dük* /178, стр. 305-306; 103,

156 Во 2-м лице единственного числа имеем *-n* (< *ān*, *-an*) вместо потребляемого с именными основами *-u/-ü* (< *ū* / *ū*).

стр. 6/; глагольная (временная) форма на *-dīk/-dik* /182, стр. 1110-1116, 64, стр. 292-293; 65/;

2) причастие на *-dī/-it* /20, стр. 216; 82, стр. LXXI/;

3) отглагольное имя на *-d/-t (-at, -it)* /225, стр. 43; 83, 1, стр. 54, прим. 1; 168, стр. 129; 179, стр. 237-238; 37, стр. 141; 91, стр. 130/;

4) деепричастие на *-it* /70, стр. 71-72/.

А.Н. Кононов /59, стр. 115 и сл./ высказал предположение, что *-dī* древняя форма аффикса принадлежности, тождественная общетюрк. *-si* /-si ~ як. *-ta/-tä*, а В.В. Радлов /214, стр. 92/ возводил *-dīm* к *-dīnim*.

О. Бётлингк, П.М. Мелиоранский, В. Банг¹⁵⁷, Г. Рамstedт, Н.К. Дмитриев и др. видели в личных аффиксах формы на *-dī* аффиксы принадлежности, тем самым признавая в генетическом плане именно характер этой временной формы.

Н.А. Баскаков рассматривал эти личные аффиксы как редуцированные предикативные личные окончания. Такая точка зрения нашла поддержку у П.И. Кузнецова, который писал: "...мы имеем дело здесь с фонетической трансформацией личных аффиксов: *man* (позже *-im*) > *-m*, *-sin* > *-n* и т.д." /65, стр. 47/.

Что касается личного показателя 1-го лица множественного числа функционально соответствующего аффиксу *-miz* / *-miz*, то часть исследователей усматривала в этом *-k* особый показатель множественности-собираемости (В. Шотт, В. Котвич, Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов¹⁵⁸).

Г. Рамstedт и А.П. Поцелуевский, считавшие, что парадигма временной формы на *-dī* является результатом ее конгаминации с парадигмой на *-dīk*, видели в *aldīk* причастие с нулевым показателем предикативности.

П.М. Мелиоранский полагал, что *k* было перенесено в прошедшее как историческое из какой-то другой формы по аналогии.

По мнению В. Котвича, этой другой формой было желательное наклонение.

Чувашские парадигмы типа:

Чувашские парадигмы типа:		Чувашские парадигмы типа:	
ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1-е л. <i>iltəm</i>	<i>iltəmər</i>	<i>vularəm</i>	<i>vularəmər</i>
2-е л. <i>iltən</i>	<i>iltər</i>	<i>vularən</i>	<i>vularər</i>
3-е л. <i>ilčə</i>	<i>ilčəs</i>	<i>vularə</i>	<i>vularəs</i>

¹⁵⁷ В. Банг писал: «Das Präteritum wie kökt. kälti = osm. geldi usw. ist nicht anders als unser -t-Nomen mit Possessivsuffixen»/168, стр. 129/.

¹⁵⁸ А.Н. Кононов /58, стр. 13-15/ пересмотрел свою точку зрения и выводит теперь фонетически аффикс *-k* из личного аффикса *-b^oz ~ -m^oz*, что кажется нам крайне сомнительным.

¹⁵⁹ Это предположение допускал и Н.А. Баскаков, который, однако предложил и иную интерпретацию: *aldīk* < *aldīr* + *-līk*, где *-līk* — показатель собираемости, тождественный с *-līk* в форме 1-го лица множественного числа желательного наклонения.

позволяют выделить в качестве временной основы **ilt*, **vular* < **vulaδ* < **vulad* (в интервокальном положении *d > δ > r*) и личные аффиксы:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>-(ə)m</i>	<i>-(ə)m(ə)r</i>
2-е л.	<i>-(ə)n < -ŋ</i>	<i>-(ə)r < *əŋr < -əŋər</i>
3-е л.	<i>-ə < -i</i>	<i>-ə < -i + -s.</i>

Таким образом, едва ли правы те исследователи, которые восстанавливают временную основу на *-dī/-di* // *-it/-ti* 160.

Аффиксы *-m*, **ŋ*, *-i*, **-mVr*, **-ŋVr* едва ли можно считать трансформацией личных местоимений *epə*, *eşə*, *epər*, *eşər*, где собственно местоименные основы имеют вид **pə* < **pi*, **sə* < **si* и участвуют в оформлении целого ряда временных глагольных форм.

Аффиксы *-m*, **ŋ*, **i* являются аффиксами 1-го, 2-го и 3-го лица; в 1-м и 2-м лице множественного числа к ним присоединялся особый показатель множественности (собираемости) *-r* (~ общетюрк. *-z*).

В тюркских формах желательного наклонения показателю единственности *-n* противопоставлялся показатель собираемости *-k*. В ряде тюркских диалектов он, по-видимому, проник в парадигму временной формы на *-d* и условной формы на *-sa/-se*, так как осознавался как функционально тождественный аффиксу *-miz/-miz* (1-е лицо + множественное число) 161.

ДИАЛЕКТНАЯ ФОРМА ДАВНОПРОШЕДШЕГО ТИПА *karʔəm čə*

В сундырских говорах верхового диалекта чувашского языка, по свидетельству Н.И. Ашмарина /10, стр. 390/, встречается особая форма давнопрошедшего времени, образуемая из основы прошедшего определенного и аффикса *-čə*, восходящего к общетюркскому *eti*:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>karʔəm čə</i> 'я ушел (тогда)'	<i>karʔəmər čə</i>
2-е л.	<i>karʔən čə</i>	<i>karʔər čə</i>
3-е л.	<i>karʔə čə</i>	<i>karʔəs čə</i> 162

Аналогичные по структуре формы имеются в различных тюркских языках и диалектах, например:

тур. *jazdīndī*, *jazdīndi*, *jazdīdi* и т.д.;
 араб. *alīim itə*;

160 Генетически отглагольное имя на *-d*, возможно, имело значение результата действия (> перфект). Отглагольное имя на *-dīk*, видимо, является производным на *-k* от этой основы. Как большинство тюркских отглагольных имен, оно могло функционировать в некоторых языках и в качестве предиката (примеры Махмуда Кашгарского).

161 Но иначе у Г. Рамstedта /108, стр. 111/.

162 Ср.: Б.А. Серебрянников /126/.

таг. диал. *bardām idā* /75, стр. 56; 76, стр. 212/;
др. уйг. *sakīndīm ārdi*;
узб. диал. (карабулак.) *berdim edi, berdiñ edi* /158, стр. 408/;

ср. также киргизскую форму на *-di ele* и таг. *aldījdīm, aldījdīn, aldijdī* /99, стр. 202/. К.М. Мусаев /87, стр. 257/ отметил случаи употребления *edi* с глаголом в прошедшем категорическом времени ¹⁶³.

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ НА *-sa/-se* ¹⁶⁴

В чувашских говорах Сундырского района деепричастие на *-sa/-se* употребляется в функции прошедшего категорического времени ¹⁶⁵: *epä*

äšleşe 'я работал' – лит. *epä äšleräm* /150, стр. 160/; *epär šök šin ači polşa* 'мы были сыновьями бедного человека' (ишлейск.) ¹⁶⁶.

И.И. Ашмарин /10, стр. 388/ отметил в малокарачкинском говоре временную форму:

ед. число	мн. число
1-е л. <i>kajşatâr</i> 'я ходил'	<i>kajşatpâr</i>
2-е л. <i>kajşatân</i>	<i>kajşattâr</i>
3-е л. <i>kajşa</i>	<i>kajşa</i>

Эта форма состоит из деепричастия на *-sa*, функционально тождественного общетюркскому деепричастию на *-p*, аффикса *-t < tur(ur)* и личных аффиксов, т.е.: *kajşatân < kajşa + -t (tur) + -ân (< *n)* ¹⁶⁷.

Структурные параллели можно найти во многих тюркских языках, например:

барабинский диалект языка сибирских татар /135, стр. 61/:

¹⁶³ Интерпретация этой формы как кальки с русского кажется нам малоубедительной.

¹⁶⁴ О происхождении деепричастия на *-sa/-se* см. ниже, стр. 103-10

¹⁶⁵ М. Рагимов пишет, что общетюркская форма на *-sa/-se* употребляется в "Китаби-Деде Коркуд" в значении прошедшего категорического времени изъявительного наклонения, выступая как самостоятельное сказуемое /105, стр. 108/. Трактовка М. Рагимовым приводимого им иллюстративного материала может быть оспорена, но он прав, указывая на большую полисемантическую форму на *-sa*.

¹⁶⁶ Однако В.Г. Егоров /74, стр. 197/ называет прошедшее на *-sa/-* прошедшим неопределенным, отождествляя его функции с функциями прошедшего времени на *-nā/-nā*.

¹⁶⁷ По словам Л.П. Сергеева /77, стр. 162/, эта форма встречается в моргаушском говоре лишь во 2-м лице единственного числа: *kajşa-t-ân* 'ты ведь уходил', *ilşet-ân* 'ты ведь брал'.

ед. число	мн. число
1-е л. <i>alīpmīn</i> 'я взял'	<i>alīppīs</i>
2-е л. <i>alīptīñ</i>	<i>alīptīñīs</i>
3-е л. <i>alīptī/alīp</i>	<i>alīptīlar/alīplar</i>

новоуйгурский язык:

ед. число	мн. число
1-е л. <i>jeziptīmān</i> 'оказывается, я писал'	
2-е л. <i>jeziptīsān</i>	
3-е л. <i>jeziptī</i> и т.д.;	

ногайский язык:

ед. число	мн. число
1-е л. <i>baṭṭpān</i> 'я сходил'	<i>baṭṭmīz</i>
2-е л. <i>baṭṭpsīñ</i>	<i>baṭṭpsīz</i>
3-е л. <i>baṭṭpā</i>	

киргизский язык:

okurturmin 'оказывается, я читал';

говор горьковских мишарей /151, стр. 293/168:

ед. число	мн. число
1-е л. <i>barṭpṭān</i> 'я ходил'	<i>barṭbbāz</i>
2-е л. <i>barṭpsān</i> 'ты ходил (оказывается)'	<i>barṭpsāz</i>
3-е л. <i>barṭan</i>	<i>barṭannar</i>

(здесь имели место контаминация двух парадигм);

армяно-кыпчакский язык (половецкий язык документов XVI в.) /40, стр. 373/:

beripmen 'я отдал', *alīpsen, satīptr* и т.д.;

карачаево-балкарский язык:

1-е л. <i>ketibme</i> 'я ушел'
2-е л. <i>ketibse</i>
3-е л. <i>ketibdi</i> и т.д.

(более употребительна форма 3-го лица; 1-е и 2-е лица употребляются реже /137, стр. 142-143/); время на *-p/-pūt* отмечено также в узбекском, туркменском, казахском, киргизском и диалектах азербайджанского языка.

¹⁶⁸ То же в говоре каринских и глазовских татар /76, стр. 46/ и в некоторых мишарских говорах Пензенской области /там же, стр. 140/.

Эта временная форма известна в специальной литературе как "давно прошедшее категорическое" (В.Г. Егоров, И.А. Андреев), "предварительное действия" (Н.И. Ашмарин). Она состоит из деепричастия на *-sa/-se* прошедшего категорического от глагола *e-* (*i-*):

	ед. число	
1-е л.	<i>pīrsattām</i>	'я ходил' (<i>pīrsa + -tām < -tīm < etīm</i>)
2-е л.	<i>pīrsattān</i>	(<i>pīrsa + -tān < -tīn < etīn</i>)
3-е л.	<i>pīrsaččə</i>	(<i>pīrsa + -čə < -či < eti</i>) и т.д.

Структурные параллели (деепричастие на *-p* + прошедшее категорическое от глагола *e-*) известны во многих тюркских языках: барабинский диалект (предпрошедшее):

1-е л.	<i>alīp idim/alīptīm</i>	'я взял (недавно)'
2-е л.	<i>alīp idiṅ/alīptīṅ</i>	
3-е л.	<i>alīp idi/alīptū</i>	и т.д.;

казахский язык (давнопрошедшее):

barīp edə 'он пошел (было)';

узбекский язык (III прошедшее повествовательное):

1-е л.	<i>išlāb edim</i>	'я работал'
2-е л.	<i>išlāb ediṅ</i>	
3-е л.	<i>išlāb edi</i>	и т.д.;

уйгурский язык (давнопрошедшее):

kelivedim < kelip edim 'я приходил' и т.д.

Отрицательная форма давнопрошедшего на *-saččə* малоупотребительна.

В чувашских говорах (например, в ишлейском) встречается временная форма, состоящая из деепричастия на *-sa/-se* основного глагола и аффикса *-čə*, восходящего к форме **eti*, **edi*, т.е. к 3-му лицу прошедшего категорического от глагола *e-* (*i-*):

	ед. число	
1-е л.	<i>ep koršaččə</i>	'я видел'
2-е л.	<i>es koršaččə</i>	
3-е л.	<i>vəl koršaččə</i>	

В.Г.Егоров /74, стр. 198/ рассматривает эту форму как давнопрошедшее неопределенное, т.е. как функционально совпадающую с формой *-nāččə*.

В диалектах часто встречается давнопрошедшее на *-saččə* в сочетании с аффиксом *-čə*: *kilšetəm-ččə* 'я пришел было', *kilšetən-ččə* 'ты пришел было'.

Обычно его называют прошедшим неопределенным (В.Г. Егоров), прошедшим состоянием (Н.И. Ашмарин). По сути дела, прошедшее на *-nā/-nə* это причастие в предикативной функции. Выступая как предикат, причастие на *-nā/-nə* не оформляется аффиксами лица:

	ед. число		мн. число	
1-е л.	<i>ep ilnə</i>	'я взял'	<i>epir ilnə</i>	
2-е л.	<i>eş ilnə</i>		<i>eşir ilnə</i>	
3-е л.	<i>vəl ilnə</i>		<i>vəşem ilnə</i>	169.

Подлежащее бывает выражено именем или личным местоимением.

Аналогичное употребление причастий в функции сказуемого без аффиксов лица встречаем и в других тюркских языках. Так, прошедшее причастное уйгурского языка: *mān kōrgān* 'я видел', *u ajtkan* 'он сказал' представляет собой причастие на *-γan/-gān// -kan/-kān* в функции предиката.

Такую же структуру имеет прошедшее результативное в сарыюгурском языке: *men alγan* 'я взял', *sen alγan*, *gol alγan* и перфект тоболортрышского и отчасти барабинского диалекта /135, стр. 63/:

	ед. число		мн. число	
1-е л.	<i>min alγan</i>	'я взял'	<i>pəs alγan</i>	
2-е л.	<i>sin alγan</i>		<i>səs alγan</i>	
3-е л.	<i>ul alγan</i>		<i>alar alγan</i>	170.

Что касается происхождения чувашского причастия на *-nā/-nə*, то на этот счет существует несколько точек зрения. Н.И. Ашмарин /10, стр. 307/ вслед за Н.И. Золотницким /47/ полагал, что чув. *pulnə < *bolγan > *botan > *bolnə*.

И. Бенцинг /176, стр. 741/ считает, что чувашское причастие на *-nā/-nə* не имеет общетюркского соответствия. Г. Рамстедт видит в чувашской форме на *-nā/-nə* причастие на *-n*, которое, по его словам, "относится к древнейшим образованиям и представляет собой отглагольное прилагательное с более или менее сильно выраженным перфектным значением" /108, стр. 91-92/. Чувашское *pulnə*, по Г. Рамстедту, происходит из **bolun*, а тюркское *bolγan* — то же образование на *-n* от вторичной глагольной основы на *-γα*. И.А. Андреев считает гипотезу Г. Рамстедта вероятной /3, стр. 84/.

Функционально чувашское причастие типа *pītmə* совпадает с общетюркским *baγan*. Однако на месте общетюркского *baγan* в чувашском мы ожи-

169 Н.И. Ашмарин /10, стр. 388/ отмечает, что в 3-м лице множественного числа в малокарачкинском говоре прибавляется аффикс множественного числа *-s*: *vəlşam ilnəs* 'они взяли'.

170 См. также данные татарских и башкирских говоров /75, стр. 54-56; 76, стр. 115, 212; 162/.

дали бы **rītan* (ср., например, чув. *səlen* 'змея' ~ общетюрк. *jilan*, *jilʔan*, венг. *sárkány* 'дракон' (из булг.) *šarkan* ~ тюрк. *saɾʔan* и *saɾaʔan*).

Для чувашского *rītmə* скорее можно предположить праформу **baŋtī* > **rīŋtān* > *rītmə* 171, близкую к той, о которой писал Г. Рамstedт 172. На генетическую близость аффиксов *-ŋan/-ŋin* указывали многие исследователи 173. Однако, допуская возможность *rītmə* < **baŋtīn* или **baŋtīn*, следует выяснить соотношение этих образований с чувашскими отглагольными именами на *-kən/-kən* // *-kən/-kən* (*tarhən* 'беглец', *kaskən* 'бродяга', *xīrkən* 'скряга') и на *-m* (*šuləm* 'пламя' < **šalīn*, *taŋəm* 'дым' < **tūīn*, *juxəm* 'течение' < **akiŋ*).

Нам кажется, что аффикс *-kən/-kən* проник в чувашский язык из какого-то диалекта кыпчакского типа уже после того, как общетюркский *-ŋin* дал *-nə*. Об этом свидетельствуют такие "кыпчакизмы" в чувашском языке, как *šurkən* 'шлюха' от *šur-* 'бежать' (собственно чувашской была бы основа **šur-* ~ общетюрк. *šar-*), *jerhən* 'любовник' от *jer-* 'связываться', 'спутываться', 'следовать за кем-нибудь', 'вступать в связь' (ср. баш. *əjān* 'следовать', 'привязываться').

Отрицательная форма причастия на *-nə/-nə* образовалась, по-видимому, следующим путем:

rīt + -na + -nə > *rītanə* > *rītan* 174.

Образования типа *rītanə* сохранились главным образом в бранных выражениях: *aşa šarmanə* 'не пораженный громом', *mur xītmənə* 'не погубленный мором' (ср. также *əntanə* 'дурной', 'плохой' /15, IV, стр. 48).

Чувашское причастие на *-an* также имеет отрицательную форму на *-man*. Поэтому *ilmənə* > *ilmən* произошло, возможно, в результате выравнивания, а не только из-за неустойчивости конечного ə.

ДАВНОПРОШЕДШЕЕ НА *-nəččə/-nəččə*

Эта временная форма образуется из причастия на *-nə/-nə* и аффиксом *-čə*, представляющего собой 3-е лицо прошедшего категорического от глагола *e-(i)-*:

ед. число	мн. число
1-е л. <i>epə šītməččə</i>	'я писал (уже) <i>epir šītməččə</i>
2-е л. <i>eşə šītməččə</i>	<i>eşir šītməččə</i>
3-е л. <i>vəl šītməččə</i>	<i>vəşem šītməččə</i>

Типологическую параллель к ней представляют образования на *-ŋan* ~ *-ŋan edī*, встречающиеся во многих тюркских языках, как, например,

171 Ср. в чувашских говорах *tamə* 'глубокий' < *tarhən*, т.е. наблюдается та же перестройка структуры слова.

172 Причастие на *-ŋin* в предикативной функции отмечено Н.А. Басиковым у кумандинцев.

173 Сводку их мнений см. у Э.В. Севортяна /115, стр. 326/.

174 Ср.: /3, стр. 82-83; 13, стр. 416-417/.

предпрошедшее-I в барабинском диалекте: *alʔan itə*, давнопрошедшее *baŋʔan edī* в кумыкском языке и т.д.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Обычно в грамматиках современного чувашского языка в качестве форм повелительного наклонения указываются следующие:

1-е л. <i>ilem</i>	'дай возьми', 'возьму-ка я'
<i>iler</i>	'давайте возьмем', 'возьмем-ка'
2-е л. <i>il</i>	'возьми'
<i>ilər</i>	'возьмите'
3-е л. <i>ilter</i>	'пусть возьмет'
<i>ilččər</i>	'пусть возьмут'

Как справедливо отмечают многие исследователи, формы типа *ilem*, *iler* представляют рудимент желательного наклонения.

К собственно повелительному относятся лишь формы 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа 175. Форма 2-го лица единственного числа "совпадает" с основой глагола, как и в остальных тюркских языках: чув. *il-* 'брать' = *il!* 'возьми', 'бери' ~ общетюрк. *al-* = *al!*

Форма 2-го лица множественного числа типа *ilər*, вероятно, имела прототип **alīŋir* < *alīŋir* ~ *alīŋiz* < *alīŋiz*, где *-ir*, *-iz* — аффикс 2-го лица 176 и *-(i)r* ~ *-(i)z* — показатель множественности, ср.: кум. *baŋŋiz* 'идите', баш. *aləŋiz* 'возьмите', 'берите', тат. *barəŋiz* 'идите', кбал. *okuriz* 'учитесь', кат. *alīŋiz* 'берите', 'возьмите', ног. *baŋŋiz* 'идите' и т.д. Условно формы типа чувашского *ilər* ~ *alīŋiz* можно отнести к кыпчакскому ареалу (ср. характерные для языков южной группы тюрк. *alŋ*, азерб. *alŋ* 'возьмите', 'берите' и т.д.). Наиболее своеобразной является форма 3-го лица единственного числа типа *iltər* 'пусть берет', 'пусть возьмет'. Функционально она соответствует общетюркскому *alsun* ~ *alsın* 177. Г. Рамstedт /108, стр. 83/ полагает, что формы на *-sın* (*alsın*) в чувашском утрачены и им на смену пришло образование типа *ilter*.

175 Иногда формы 3-го лица выделяют как особое наклонение.

176 А.Н. Кононов /57, стр. 205/ называет его аффиксом единственного числа вежливой формы; Н.К. Дмитриев /37, стр. 164/ считает тождественным с аффиксом принадлежности 2-го лица; Г. Рамstedт /108, стр. 82/ сближает *-ŋ* с монгольским *-ŋ*.

177 Аффикс *-sun/-sün* // *-sün/-sün* многие исследователи сближают с аффиксом принадлежности 3-го лица (О. Бёглингк, В.В. Радаев, Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов). Г. Рамstedт /108, стр. 83/ считает эту форму рефлексом общеалтайского желательного наклонения на *-su* (см. также: /211, стр. 287-288/).

Типологические параллели к общетюркским формам *alsun/alsın* встречаем в финно-угорских языках — мордовском, марийском, где в формах 3-го лица повелительного наклонения исследователи также упоминают аффиксы принадлежности 3-го лица.

Что касается происхождения аффикса *-tār/-tar*, то В. Шотт, Н.И. Ашмарин, Г. Рамstedт возводят его к глаголу *tur-*; по Г. Рамstedту /108, стр. 83/, чув. *pulṭār* < **boltur* 'заставить быть', 'сделать, чтобы стал'. М. Ряснен /221, стр. 208/ поддерживает гипотезу Э. Каракка, по которой *pulṭār* < *pul-t-ār*, где *-t* – показатель каузатива, а *-ār* – аффикс 2-го лица множественного числа, т.е. *pulṭār* 'lasst er wird' ('позвольте, чтобы он стал', 'пусть он станет'). В. Котвич /64, стр. 261/, опираясь на материалы различных алтайских языков, выдвинул предположение, что *-sī/-ā* представляет собой диалектальное различие. О. Прицак считает прототипом чувашского аффикса *-tār* аффикс *-tur*, который разлагает на *-tu* (~ общетюрк. *su*, ср.: Г. Рамstedт) – показатель Participium voluntatis и *-r* – показатель коллективной формы (ср. тюрк. *sun* < *su-n*, где *-n* – показатель индивидуальной формы) /211, стр. 285 и сл./.

Форма 3-го лица множественного числа *ilṭār* 'пусть возьмут', по И. Бенцингю /176, стр. 745/, разлагается на *il-* + *-āš* (Кооператив) + суффикс императива *-tār*.¹⁷⁸ М. Ряснен усматривает в аффиксе *-ār* три элемента: аффикс каузатива *-t*, кооперативный аффикс *-š* и аффикс 2-го лица множественного числа *-ār*, т.е., по-видимому: *-t* + *-š* + *-(ār)* > *-ār*.¹⁷⁹ Н.И. Ашмарин писал, что происхождение аффикса *-ār* представляется ему темным /10, стр. 309/.

Может быть, в основе чувашских *ilṭār* ~ *ilṭār* лежит форма будущего времени, т.е. *il-ār* и *il-ār-tār* (ср. генезис 3-го лица повелительного наклонения в пермских языках: коми *munas* 'он пойдет' и *med munas* 'пусть пойдет', а также историю форм на *-γur* и *-γaj* в тюркских языках).

Для смягчения просьбы к повелительной форме прибавляются частицы *-čā* (-čā), *-xa*, *-xala*, для усиления – *-sam/-sem*.

Частица *-čā* (-čā/-čā, -čū/-čū и т.п.) известна многим тюркским языкам, например: узб. *jāčā* 'пиши же', баш. *al-sā* 'возьми-ка', кум. *al-čā* 'возьми-ка', ног. *karas* 'смотри-ка', тат. *bičā* 'дай-ка', бараб. *kil-čā* (частица *-ičā*, *-ic*) 'пойди-ка' и т.д.

Частица *xala*¹⁸⁰ встречается в чувашских низовых говорах: *kil-xala* 'сходи-ка'. Этимологически она родственна татарской частице *älä*: *kilä* 'уходи-ка'.

¹⁷⁸ Чувашский языковед Ф.Т. Тимофеев сопоставил аффикс *-tar* с монгольским указательным местоимением *tere* 'тот' и разлагал аффикс *-ār* на *-š* + *-tār*, считая *-š* показателем множественности /133/.

¹⁷⁹ Очень интересна форма 3-го лица множественного числа повелительного наклонения в каршинском говоре узбекского языка /152, стр. 31/: *barišsin*, где *-iš* – кооперативный аффикс. Тот же аффикс выступает в некоторых глагольных формах намаганского говора (*ylā körpütä* 'они видели', *ylā barpütä* 'если они пойдут' /110/. Ср. также киргизские формы: *jažišsin* 'пусть они пишут', *kelišsin* 'пусть они приходят', где *-š* – тот же аффикс кооператива.

¹⁸⁰ К ней может присоединяться аффикс 2-го лица множественного числа: *čapsam-xalar* 'сбегай-ка' /15, XVI, стр. 37/.

Частица *-sam/-sem* встречается с формами единственного и множественного числа: *kalasam* 'скажи', *ašānarsam* 'вспомните'. Эта частица, видимо, восходит к аффиксу 2-го лица единственного числа условного наклонения *-sam/-sen*. Об этом свидетельствуют следующие факты. В узбекском языке пожелание, просьба, побуждение к действию может быть выражено сочетанием формы 2-го лица настоящего-будущего времени условного наклонения с частицей *-či* /57, стр. 207/. В татарском языке употребительны такие формы, как: *kajtsaqla*, *kajtsaqla-či*, *kajtsaqla-či* и т.д., имеющие побудительно-повелительное значение и являющиеся генетически условными формами. Во многих тюркских языках употребительны формы типа: тат. *alsana*¹⁸¹ 'взял бы ты', баш. *alhana* 'взял бы ты', ны формы типа: тат. *alhana* 'пошел бы ты'. В шорском языке Н.П. Дыренковой отмечены формы типа: *ajt perzeq* 'расскажи', *uksaq* 'слушай' и т.д., образованные от основы глагола с помощью аффиксов *-saq/-seq*, *-zaq/-zeq* и представляющие собой собственно 2-е лицо единственного числа условного наклонения¹⁸². То же явление имеет место и в других тюркских языках, например хакасском, туркменском, в диалектах и говорах азербайджанского языка.

Чувашское *-sam/-sem*, вероятно, восходит не непосредственно к "условному" аффиксу *-saq/-seq* (в чувашском ожидалось бы *-san*), а к частице *sana/sene*, точнее, к ее варианту *sanā/sänä*, который наблюдается в диалектах башкирского языка: *sanā/sänä*, *sälä*: *kil sanā!* 'иди-ка!'. Эта частица *sana/sene*, как уже говорилось, появилась из первоначального *saq/seq-e* или *saqla/seq-le*.

В башкирской диалектальной частице *sänä*, *sälä* возможна контаминация двух сложных частиц *sänä* < *sän-ä* и *säälä* < *čä* + *älä*.

В верховых говорах чувашского языка Н.И. Ашмарин /10, стр. 390/ отметил формы типа *paraq* 'дай-ка', *čamaj* 'погоди-ка'. Сюда же, вероятно, относятся тюрк. *alaj*, *görāj*, баш. диал. *bašlajčä*¹⁸³ 'начинайте же' /23, стр. 104/.

Отрицательные формы 2-го и 3-го лица образуются с помощью пре-позитивной отрицательной частицы *an*:

<i>an il</i>	'не бери'
<i>an ilär</i>	'не берите'
<i>an ilṭär</i>	'пусть не берет'
<i>an ilṭär</i>	'пусть не берут'

¹⁸¹ Как полагал Н.К. Дмитриев /37, стр. 165/, аффикс *-hana* (< *-sana*) восходит к аффиксу 2-го лица условного наклонения *-san* и частице *a*. Ср. чув. *an kajsam-a* 'не уходи', *kalasam-a* 'скажи (прошу тебя)'. Интересны также башкирские диалектальные формы типа *kaj-täqäčähana* /24, стр. 37/.

¹⁸² В шорском языке в значении нерешительной вежливой просьбы употребляется форма на *-sabīs/-sebis, -zabīs/-zebis* /41, стр. 174/; ср. также алт. *harzayar* < **bar-sa-q-lar* 'поехали бы'.

¹⁸³ *Bašlajčä*, вероятно, < *bašlajčä* + *čä* 'начнемте мы с вами'; ср. *alajčä* 'возьмемте' /24, стр. 121/, ног. диал. (акногайское) *barjaq-qičä* 'давайте-ка пойдём' /53, стр. 17/ < *barjak-iqičä*.

Нередко эту частицу сопоставляют с коми и удм. *ān* 'не': коми *эм иж* 'не пиши', удм. *эн ветлы* 'не ходи' /10, стр. 317; 74, стр. 334-335; стр. 26-27/. Г. Рамстедт /108, стр. 82/ полагал, что *an* < **en* (императив негативного глагола *e*). Близкую точку зрения высказал А.Н. Кононов /60, стр. 107/, усматривая в *ān* > *an* причастие ~ деепричастие на *-n* от негативного глагола *e**, известное в алтайских языках (например, тунгусо-маньчжурских).

ПРЕДЛАГАТЕЛЬНО-ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ¹⁸⁴

В чувашском языке употребительны формы 1-го лица единственного множественного числа желательного наклонения: *ilem* 'возьму-ка я'; *ile* 'давайте возьмем'.

Показатель желательного наклонения – аффикс *-a/-e*¹⁸⁵. Он совпадает с показателем собственно желательного наклонения в языках юго-западной группы: турецком, азербайджанском, гагаузском¹⁸⁶. Ср., например, азербайджанскую парадигму желательного наклонения:

	ед. число		мн. число
1-е л.	<i>alam</i> 'взять бы мне'	<i>alag</i> (но: <i>alīm, alag</i> – формы повелительно-желательного	
2-е л.	<i>alasan</i>	<i>alasinīz</i> лительного	
3-е л.	<i>ala</i>	<i>alalar</i> наклонения)	

В 1-м лице множественного числа выступает показатель множественности *-r*, соответствующий общетюркскому *-z*, а функционально и общетюркскому *-k* (аффикс собирательности); ср. азерб. (до XVII в.) *bilāvūz, bilājūz* (старотурецкие *-vuz, -vūz*). М. Ряснянен /221, стр. 210/ выводит чувашский *-ar* из *-ajr* (ср. старотурецкие *-uz/-ūz* в парадигмах настоящего и будущего времен, а также баш. диал. *alajǎǎǎ* 'возьмете' < *alajǎǎ*).

В аффиксе *-m* (1-е л. ед. ч.) исследователи часто видят аффикс принадлежности /74, стр. 203/. Однако вполне вероятно и такое предположение чувашский *-am* < *-ajm*; ср.: тат. *barǎjm*, баш. *barajǎm*, кум., ног., ктат. *barajǎm*, туркм., ккал. *barajǎn*, тув. *barajǎn*, шор., аят. *barajǎn* и т.д.

¹⁸⁴ Использован термин А.М. Щербака.

¹⁸⁵ Г. Рамстедт /108, стр. 88/ возводил чувашское *pula-m* к **bolǎm* и *pular* к **bolǎbǎr*. То же объяснение находим у М. Ряснянена /221, стр. 210/. Изменение *bǎr* в *r* маловероятно, так как этот аффикс (*-pǎr*) в чувашском обычно сохраняется.

¹⁸⁶ Вполне вероятно, что в языках юго-западной группы имела место контаминация нескольких форм генетически близких настоящего-будущего на *-a/-e*, опатива на *-a* < **ǎa* и императивно-желательной формы на *-aj-ej* (ср.: /34/). В современных тюркских языках северо-восточной, северо-западной, юго-восточной групп представлены предлагательно-желательные формы на *-aj/-ej* и собственно опативные на **ǎaj*.

Аффикс *-in/-im* представлял собой аффикс лица¹⁸⁷ или показатель единичности *-n* (ср. *alajǎn – alajǎk*, где *-k* – показатель собирательности, множественности).

В словаре Н.И. Ашмарина отмечена интересная глагольная форма, которую иногда сопоставляют с формой 1-го лица множественного числа предлагательно-желательного наклонения: *urǎtǎk, urǎltǎk*¹⁸⁸, *ǎǎǎǎnik* /15, III, стр. 255; 15, XIII, стр. 10/. *ǎǎǎǎnik*, возможно, является производным от *ǎǎǎǎn* – 'кланяться', 'приседать', 'делать реверанс', ср. др. тюрк. *jǎkǎn* – 'поклоняться', 'кланяться' или *ǎǎk* – 'опускаться', 'становиться на колени'. Чувашское *ǎǎǎǎnik* 'поклонимся', вероятно, соответствует татарской форме на *-jk*, типа *barǎjk* 'пойдем-ка'.

ФОРМА НА *-maǎajǎ /-meǎejǎ, -maǎaj /-meǎej*

Н.И. Ашмарин /14, стр. 273/ отметил для некоторых чувашских говоров форму на *-maǎajǎ*: *pulmaǎajǎ* 'пусть', 'пускай', *pǎlmeǎejǎ* 'пусть уйдут'. Он полагал, что *pulmaǎajǎ* можно свести к аналитической конструкции: отглагольное имя на *-ma* + глагол *kaj-* в 3-м лице единственного числа уступительно-желательного наклонения, т.е. *pulma + kajǎn* (? – Л.Л.). Эта гипотеза в какой-то мере была поддержана М. Рясняненем /221, стр. 216/. Однако данные других тюркских языков Поволжья – татарского и башкирского – позволяют несколько иначе анализировать формы на *-maǎajǎ*.

В современном татарском литературном языке форму на *-maǎaj* рассматривают как реликт старого желательного наклонения на *-ǎaj*¹⁸⁹. При этом она может передавать два противоположных модальных оттенка: опасение, что может совершиться какое-то действие, предостережение

¹⁸⁷ К. Брокельман /179, стр. 227/ полагает, что *-n* представляет собой остаток *mǎn*, подтверждая свою гипотезу данными старотурецкого языка и другими примерами. В совр. тур. *jazǎjm* *-m* мог попасть из другой парадигмы, *lǎ* в *jazalǎm* (< *jazajlǎm*), возможно, показатель собирательности, близкий к древнему комитативу на *-lǎ*; *-m* – показатель 1-го лица (встречаются, например, в туркменском и формы *alalǎn*, где *-ǎn* – показатель 2-го лица).

¹⁸⁸ *Urǎltǎk* – восклицание на свадьбе, когда кто-нибудь выпьет свой кубок (Х. Пасонен), *ǎǎǎǎnik* – восклицание неизвестного значения, которое произносит старший дружка на свадьбе. Не связаны ли слова *urǎtǎk* и *pǎltǎk* с глаголом *ǎpǎn* – 'опрокинуться' (ср.: *ǎpǎnǎ* – 'опрокинуться' и *ǎpǎl* – 'вверх дном', т.е. *urǎtǎk* 'опрокинем-ка' < **ǎpǎl*, **ǎpǎlt* – 'заставить опрокинуться', 'опрокинуть')?

¹⁸⁹ Ср. форму настоящего времени желательного-сослагательного наклонения в каримском языке. В 3-м лице, как пишет К.М. Мусаев, семантика формы на *-ǎaj* приближается к семантике повелительного наклонения /37, стр. 286-288/.

от его совершения → запрещение; 2) безразличное отношение к действию, которое может совершиться, допущение к совершению действия /129, стр. 104/.

Исследователи татарского и башкирского языков, особенно диалектологи, как правило, отмечают у формы на *-таҗај* одно из перечисленных значений, реже — оба из них. Так, в бурзянском говоре башкирского языка зарегистрированы такие примеры: *āj, böğön babaj zsmāgāja* 'как сегодня муж не выпил' и *kilmāgāja* 'по мне/пусть придет' /23, стр. 104/. В кубалаянском говоре пример иллюстрирует лишь первое значение: предостережение от совершения действия /23, стр. 17/. В мишарских говорах татарского языка в форме на *-таҗај* как будто превалирует второе значение /76, стр. 146; 151, стр. 97/, а в татарском литературном языке — первое. Видимо, все эти сведения нуждаются в уточнении.

Чувашская форма на *-таҗај* служит для выражения безразличного отношения к действию, иногда употребляется в зложеланиях¹⁹¹. Таким образом, по семантике и структуре она, видимо, тождественна с татаро-башкирской формой.

В нурлато-кайбицком говоре татарского языка форме на *-таҗај* по семантике и функции соответствует форма на *-таҗај* /-*māgāja* /76, стр. 58; 7, стр. 28/, которая, возможно, генетически связана с повелительными формами на *-җај, -җај*, употребляемыми в выражениях с семантикой благожелания или зложелания¹⁹².

В случае генетической близости обеих форм можно было бы сделать вывод о параллелизме семантического развития двух пережиточных отглагольных образований (повелительно-желательных форм) и косвенно подтвердить, что *-таҗај < тај*.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Эта форма образуется из основы будущего времени и аффиксов прошедшего времени, восходящих к форме прошедшего категорического отглагола *с- (i-)* 'быть':

	ед. число		мн. число
1-е л.	<i>ilattam < ila-tam</i>	'я взял (брал) бы'	<i>ilattamər</i>
2-е л.	<i>ilattən</i>		<i>ilattər</i>
3-е л.	<i>iläččä</i>		<i>iläččäs</i>

¹⁹⁰ А.А. Юлдашев /161, стр. 165, прим. 1/ иллюстрирует употребление древней формы желательного наклонения следующим примером: *bär xäl bulmaҗaј* 'как бы чего не вышло'.

¹⁹¹ В тракайском диалекте караимского языка аффикс *-тај* употребителен и для выражения зложелания /87, стр. 288/: *jeđi kat jer seni jutxeј* 'чтобы тебя земля (у которой семь слоев) поглотила' и т.д.

¹⁹² Например: узб. *jer jukur!* 'чтоб тебя земля поглотила!', баш. диал. *jäsämägär* 'чтобы /его/ на свете не было', кум. *jü züh kara bolҗur* 'чтоб у тебя лицо почернело', тат. *jäl alҗärä* 'черт бы побрал' и т.д.

В верховых говорах (моргаушском, ишлейском и т.д.) к форме будущего времени прибавляется аффикс *-čä < *itä < *eä*, например, в ишлейском:

	ед. число		мн. число
1-е л.	<i>paҗärčä < paҗär čä</i>	'я бы дал'	<i>paҗärpärcčä</i>
2-е л.	<i>paҗärčә</i>		<i>paҗärčә</i>
3-е л.	<i>paҗäčә</i>		<i>paҗäčәs</i>

По своей структуре эта форма однотипна с так называемым прошедшим на *-rdi/-rdi*, распространенным во многих тюркских языках /159, стр. 128/. Обычно исследователи отмечают у формы на *-rdi* два значения — временное и модальное.

Последнее выступает как преобладающее в том случае, когда форма на *-rdi* является сказуемым главного предложения с придаточным условным и уступительным¹⁹³. Форма на *-rdi* как модальная (конъюнктив) встречается и в качестве сказуемого самостоятельного предложения /83, II, стр. 59/. Это явление нередко считают инновацией /159, стр. 253/.

В чувашских грамматиках форма на *-әсә* рассматривается как форма сослагательного наклонения. Генетически она является аналитической формой прошедшего времени индикатива¹⁹⁴.

УСТУПИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ (КОНЦЕССИВ)

В современном чувашском языке употребительны лишь формы, образованные от основы будущего времени. Данные диалектов (фольклорные записи и материалы, собранные в начале XIX в.) свидетельствуют, что раньше уступительные формы могли быть образованы и от основ настоящего времени и прошедшего на *-ра(-әә)*.

В чувашском литературном языке употребительны следующие формы уступительного наклонения:

	ед. число		мн. число
1-е л.	<i>širäpin</i>	'хотя я пишу'	<i>širäpärin</i>
2-е л.	<i>širäšän</i>		<i>širäšän</i>
3-е л.	<i>širin</i>		<i>širäšin</i>

Сравнение этой парадигмы с парадигмой будущего времени того же глагола:

¹⁹³ Так, А.К. Боровков писал: "Сослагательный глагол не отличается по форме от многократного глагола, но предполагает обязательное условие совершения действия; условный глагол..." /26, стр. 45/.

¹⁹⁴ Во многих языках формы сослагательного наклонения являются переосмысленными формами прошедших времен индикатива (ср. историю сослагательного наклонения в молдавских языках, в русском языке и т.д.).

<i>šī rāp</i>	<i>šī rāpār</i>
<i>šī rān</i>	<i>šī rār</i>
<i>šī rā</i>	<i>šī rās</i>

показывает, что формы 1-го и 3-го лица единственного и множественно числа представляют собой основу будущего времени + показатель *-in*. Происхождение форманта *-in* пока остается неясным¹⁹⁵. Н.И. Ашмарин /10, стр. 308/ сближал этот *-in* с русским народноразговорным "ин" ("ино") в значении "пусть" и эрзяно-мордовским "ино" (из русск.)¹⁹⁶.

В. Котвич /64, стр. 268/ считает, что с этим предположением Н.И. Марина трудно согласиться, и приводит тунгусские параллели к аффиксу *-in*. Г. Рамстедт /108, стр. 111-112/ связывает чувашское *-in* с тюркским *-in* в желательных формах типа *alajın* 'возьму-ка я'.

В чувашских говорах, например сундырских, вместо частицы *in* выступает *tāk* < русск. *так*¹⁹⁷.

Аномальными представляются формы 2-го лица единственного и множественного числа: *šīrāšān* и *šīrāšār*. Н.И. Ашмарин /10, стр. 308/ высказывает предположение, что это либо параллельные формы будущего времени с аффиксами лица *-sān* и *-sār*, или же эти формы проникли из какой-то другой парадигмы. В.Г. Егоров /74, стр. 208/ склонен видеть в элементе аффикса условности (ср. также: /212, стр. 144/). Нельзя ли предположить, что формы с аффиксами *-sān*, *-sār* восходят к аналитической конструкции: *-ə* (будущее время) + **erseq*, **erseqiz* ~ **isen*; **isegir* > **iser*. *kajə + isen* > *kajšsān*; *kajə + iser* > *kajšsār*¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Аффикс *-in* встречается и с именами-предикативами: *šukkin* 'если и нет'; см. также аналитическую форму *kajər erpin* в бердяшском говоре /78, стр. 157-158/. Вероятно, тот же формант *-in* представлен в *erpin*. Н.И. Ашмарин /15, VII, стр. 289/ отмечает форму *kərərət* 'если я войду', где *-ət* функционально (и генетически? — Л.Л.) тождественна форме на *-ərət* в фольклоре встречается и от других глагольных основ.

¹⁹⁶ Ср. марийский союз *gān/gān, kin'* 'если'. Любопытна также в одном из крымских ярлыков конструкция типа: *kurkarlar ime* 'пусть бы они страшились', где *ime* С.Е. Малов сравнивал с *ārinč* и *ārki*, т.е. считал производным от глагола *ār-* 'быть'. Быть может, чувашское *in* и *ime/eme* идентичны?

¹⁹⁷ Н.И. Ашмарин отмечает у курмышских чувашей: *il, ileṭən tāk* 'бери, если хочешь взять', ср. также сундыр. *kajap-tāk-ara, kajat(ə)n-ara* и т.д.

Л. Зайяй /45, стр. 111/ указывает, что в западном диалекте татарского языка (мишарском) значение условного наклонения передает сочетание сказуемого с частицей *tāk/tāk*: *vaktāṅ juk tāk, batmājsāṅ* 'если у тебя времени, не пойдешь'.

В марийском языке имеется частица *dāk* (из русск.), употребляемая в условном и уступительном значении /29, стр. 182/.

¹⁹⁸ Ср. выше, стр. 59 (раздел *Формы глагола *e-⟨er- 'быть'⟩*).

Чув. *pā xāšān* 'смотришь', 'а оказывается...' сопоставимо с тат. *ak saq* 'глядь'¹⁹⁹.

Примечательно, что аффиксы *-sān* и *-sār* употреблялись и с основой прошедшего времени. По записям А. Регули²⁰⁰, И. Буденц восстановил следующую парадигму:

	ед. число	мн. число
1-е л.	<i>polšāmin</i>	<i>polšāmšrin</i>
2-е л.	<i>polšāšān</i>	<i>polšāšār</i>
3-е л.	<i>polšān</i> < <i>polšā-in</i>	<i>polšāšin</i>

Формы 2-го лица единственного и множественного числа здесь также выглядят аномальными.

Н.И. Ашмарин /10, стр. 342/ записаны интересные диалектальные формы от основы настоящего времени:

<i>kajətpin</i>	<i>kajətpārın</i>
<i>kajətsān</i>	<i>kajəssārın</i>
<i>kajətin</i>	<i>kajəšsin</i>

Как видно из этой парадигмы, аффикс *-in* присоединяется и к форме 2-го лица множественного числа (во 2-м лице единственного числа он отсутствует, возможно, из-за наличия *n* в аффиксе *-sān*).

В некоторых говорах употребительна смешанная парадигма. Так, в записях того же Н.И. Ашмарина /10, стр. 343/ находим:

	ед. число		
1-е л.	<i>kajətpən</i>	<i>kajətpār lən</i>	—
2-е л.	<i>kajətsān</i>	—	—
3-е л.	—	<i>kajətlən</i>	<i>kajə tāk</i>
	мн. число		
1-е л.	<i>kajətpārān</i>	<i>kajətpār lən</i>	—
2-е л.	<i>kajətsārān</i>	<i>kajətsār lən</i>	—
3-е л.	—	<i>kajəččələn</i>	<i>kajəččə tāk</i>

Видимо, аффикс *-lən* восходит к *pulın* и формы типа *kajətlən* были когда-то аналитическими. Этот же аффикс *-lən*, вероятно, тождествен с "глагольной" формой *l'in*, отмеченной Н.И. Ашмариним в сундырских говорах: *šomār šok lin' te kōšal ürə lajəx* 'хотя и нет дождя, но хлеба в этом году хорошие' /10, стр. 390/; ср. *šomār šok lin' te kōšal ürə jošo* /150, стр. 160/ (вместо *lin' te* употребляется и *tāk te*).

В современном чувашском языке употребительна и аналитическая форма типа:

¹⁹⁹ Ср. также чув. *pālāšān* 'а ни самом деле', *karšān* 'смотришь'.

²⁰⁰ Ср.: *polšān* 'если было', 'было ли' /15, IX, стр. 27/, *kilšān* 'если пришел' /15, VI, стр. 208/, *vēšānšān* 'поругал ли' (наговор) /14, стр. 170/.

šimā pulāpin 'как бы я ни писал', 'хотя бы и писал'
šimā pulāšān
šimā pulin и т.д.

Формы уступительного наклонения с аффиксом -čā (< *itā) трактуются исследователями как желательное наклонение:

ilāpinččā < *ilāpin* + -čā 'взял бы я'
ilāšānččā 'взял бы ты'
ilinččā 'взял бы он' и т.д.

Эти формы, кроме 3-го лица, почти не употребительны: *Ex, atte kilin-ččā* 'Ах, если бы пришел отец!' /14, стр. 170/.

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ С ПОМОЩЬЮ ГЛАГОЛА *pul-*

От временной основы на -nā/-nā в сочетании с временными формами глагола *pul-* в чувашском языке образуются так называемые перифрастические (сложные) формы времени.

Н.И. Ашмарин /14, стр. 236/ отмечает форму настоящего-прошедшего времени, состоящую из формы на -nā/-nā и настоящего времени глагола *pul-* (*kajnā pulat*). Например: *Epe sāt patna pīmasseren ešā tašta tuxsa kajnā pulatān* 'Я прихожу к тебе, а ты (все) бываешь в отлучке' (Н.И. Ашмарин).

Форма *kajnā pulat* малоупотребительна. Структурная параллель к ней встречается в татарском языке /129, стр. 276/, где она представляет форму на -тан в сочетании с настоящим временем глагола *bul-*: -тан *bula* (ср.: /136, стр. 11/).

В чувашских грамматиках отмечена и форма типа *kajnā pulā* (будущее II, по Н.И. Ашмарину; будущее сложное или преждебудущее у В.Г. Егорова).

Эта временная форма употребляется для передачи будущего действия, которое должно произойти до совершения другого будущего действия /7, стр. 192/: *Ešir kilär-te epe vilnā pulār* 'Вы придете, но я до того времени умру' (Н.И. Ашмарин).

Аналогичную структуру и то же значение имеет татарская перифрастическая форма на -тан *bulār* /129, стр. 276/: *Söz bu xatnā minät ukçurātın bik küptän ülgän bulmān* 'Когда вы будете читать мое письмо, я давно умершим...'

Более распространенной в тюркских языках является перифрастическая форма времени, сложившаяся из сочетания временной формы на -тан (~чув. -nā) основного глагола и той же формы глагола *bol-* /*bul-* /

В чувашском языке это – так называемое давнопрошедшее неопределенное время /74, стр. 199-200/, по терминологии Н.И. Ашмарина, – "приварительное состояния 2-е". Временная форма типа *kajnā pulnā* употребляется, когда речь идет о действии, происшедшем ранее другого прошлого действия, причем совершалось оно не на глазах говорящего /14, стр. 234/: *Väl ilnā pulnā ikken, xalā tatax ilčā* 'Он оказывается (уже) получил раньше, а теперь получил опять?' (Н.И. Ашмарин).

Структурно-семантические параллели к этой временной форме можно найти во многих тюркских языках: татарском, башкирском, кумыкском, казачском и т.д. /159, стр. 199 и сл./.

Н.И. Ашмарин /14, стр. 236/ отмечает "прошедшее многократное состояния 2-е", восходящее к форме на -nā и прошедшему многократному времени от глагола *pul-*, т.е. *kajnā pulat-čā*: *Epir ul patne pīmasseren, šl tašta tuxsa kajnā pulat-čā*. 'Мы приходили к нему, но он все бывал в отлучке (бывал куда-то вышедшим)' (Н.И. Ашмарин).

В чувашском языке известна и перифрастическая форма сослагательного наклонения²⁰¹ типа *kajnā pulāččā*.

Структурно-семантические параллели к ней отмечены во многих тюркских языках /57, стр. 414; 159, стр. 261-262/.

ПРИЧАСТИЯ

Причастие на -tā/-tā

Н.И. Ашмарин /10, стр. 328/ отметил, что в верховых говорах от некоторых глаголов употребительна особая форма на -tā, -rā, образованная, по-видимому, от старого причастия на -tā, -rā с помощью аффикса принадлежности 3-го лица -i и аффикса творительного падежа -pa/-pe.

Это гипотетическое причастие на -tā, -rā Н.И. Ашмарин сближает с глагольным именем на -dik/-dik, характерным для тюркских языков юго-западной группы. Он приводит следующие примеры, иллюстрирующие употребление формы на -tā: *kaš polttipe* 'при наступлении вечера', *avel anttipe* 'на закате солнца', *kāntārla šit tīpa* 'с приближением полудня', *tattāt pulttipe* 'время, когда смеркается' /15, XV, стр. 104/, *kātti ožidanie ego* /15, VII, стр. 322/. В материалах А. Регули /180, № 302 216/ (то же у Н.И. Ашмарина /15, XII, стр. 186/) встречаем: *Epe jalā it tīpe kortām* 'Я увидел (это), подбегая к деревне'²⁰².

Причастие на -tā могло выступать и без падежных аффиксов и было, по-видимому, полифункциональным: *puš pätti šār* 'место, откуда нет возврата', букв. 'место, где пропала голова' /15, I, стр. 18; 15, X, стр. 16; *aqa pēt i* 'конец пашни, сева' (название обряда) /15, IX, стр. 275-276; *xura vātan vitār tuxrām čipe* 'когда я шел через темный лес...'

Любопытно употребление формы на -rā/-tā с именным отрицанием *uk*. Впрочем, такие конструкции могли возникнуть по аналогии: *Epe vātanā karām šuk* 'Я в лес не хаживала'; *Kuķār jivās kasrām šuk* 'Криное дерево не рубивала' /15, XII, стр. 204/.

Подобная же конструкция употребительна у параньгинских татар, но несколько ином значении: *Min küršä gä gänä kəräm anda özak tördäm juk*

²⁰¹ Аналитическая форма уступительного наклонения приведена в соответствующем разделе, см. выше, стр. 83-84.

²⁰² См. также *teripe* < *te-* 'говорить' /15, XIII, стр. 307/.

‘И зайду только к соседу, там долго не задержусь’ /27, стр. 111/203.

Особо могут быть выделены такие формы, как *kalarāš: xaj (xaj, xāj) kalarāš* ‘как говорится’ /15, XV, стр. 6, 139, 289/, *eṣə kalarāš pek pulṭār* ‘пусть будет, как ты сказал’ /15, VI, стр. 30/; *palārāš* ‘показание’: *kaḥal kalarāšpe saṣan pulā palārāšpe* ‘по сказанию утки, по показанию сазана’ /15, XIV, стр. 83/; *turtkalarāšā* ‘манера возить’ /15, X, стр. 169/ < *turt-kala-rāšā* и *utkalarāšā* ‘походка его’ /15, III, стр. 323/. Быть может, в этом случае мы имеем субстантивированную глагольную форму на *-rā* (а не причастие на **-rā* < *-dik*) с аффиксом принадлежности 3-го лица *-šā* 204. Образцом могла послужить модель: причастие на *-nā*, *-as* + аффиксы принадлежности.

Причастие на *-as/-es*

В исследованиях по чувашскому языку это причастие называется причастием будущего времени /74, стр. 223; 95, стр. 269; 3, стр. 157/. Однако форма на *-as/-es* выражает целый комплекс значений, каждое из которых реализуется в зависимости от выполняемой ею функции в предложении. Форма на *-as/-es*, как мы увидим ниже, и исторически была полифункциональной.

В современном чувашском языке в качестве определения, дополнения и обстоятельства она передает действие, которое совершится в будущем: *Eрхулана kajas šinna kurṭām* ‘И видел человека, которому предстоит (тотрый поедет. – Л.Л.) в город’ 206; *Kun pek namāš, kun pek xurṭāx kuras* *Kəlpük sisman* ‘Кельпук не ожидал (что увидит, – Л.Л.) такого стыда и пр.’; *Varalanasran kənekene xupra čərkerəm* ‘Чтобы не испачкать книгу, я вернул ее в бумагу’ и т.д.

В роли сказуемого форма на *-as/-es* также обозначает действие, которое совершится в будущем. Однако нам кажется, что в этой функции форма на *-as/-es* не только указывает на время действия, но выражает и модальную характеристику – необходимое, желательное, возможное и т.д. действие в будущем: *Setner, Setner, kala-xa, äšta kajas, mən tävas?* ‘Сетнер, Сетнер, скажи хоть, куда (нужно. – Л.Л.) пойти, что делать’ (К. Иванов); *Ku jivṛ samanta leple potas?* ‘Как жить в такие трудные времена?’ (тексты А. Регули /180/). *Vana sana aṣu ta pallajas šuk* ‘Поты тебя и твой отец не узнает (не сможет узнать)’ Альгер) и т.д. Это же значение форма на *-as/-es* сохраняет в сочетании с глаголом *-ä* (отнесенного действия в план прошлого и оттенков сослагательности), с глаголами *kü-*

203 Ср. ту же форму в говоре татар Куйбышевской области /74, стр. 214/.

204 Ср.: /10, стр. 344/.

205 Подробнее см.: /3, стр. 157 и сл.; 13, стр. 440, 448-450, 470, 478-486/.

206 Примеры заимствованы из исследований по современному чувашскому языку.

pul-, te- и предикативными словами *pur* и *šuk* 207: *Manän pisatel pulasčä* ‘Мне хочется быть писателем’; *Manän äṣes kilet* ‘Мне хочется пить’; *Samäksen verenes pulat* ‘Молодым нужно учиться’; *Šilxäne alāran vāṣer-sen xürinṣen tüsa čaras šuk* ‘Не удержишь за гриву, за хвост не удержишь’.

Происхождение формы на *-as/-es* до сих пор оставалось неясным. И.И. Ашмарин предполагал /10, стр. 310-311/, что она возникла из деепричастия на *-a/-e* и *-s > -si ~ -si* – показателя принадлежности 3-го лица, и считал ее тождественной с татарской формой на *-asā*. Позднее он добавил /9, стр. 85/, что и чувашский аффикс вначале имел конечный гласный, т.е. звучал как *-asā/esa*. И.А. Андреев сближает чувашскую форму на *-as* с общетюркским причастием на *-s* (в *-mas*) > > /3, стр. 158-159/, отвергая гипотезу И.И. Ашмарина об *-as < -asā < -asi*. Мнение И.А. Андреева, по всей видимости, поддерживает и И.П. Павлов /95, стр. 269/. Нам кажется более предпочтительной гипотеза И.И. Ашмарина.

Прежде всего обратимся к тюркской форме на *-asi*. Она известна тюркским языкам юго-западной (огузской) группы: турецкому, азербайджанскому и туркменскому 208. В современном турецком языке аффикс *-asi* непродуктивен /56, стр. 221/, и форма на *-asi* встречается в фразеологизмах типа *kör olasi* ‘чтоб ему ослепнуть’. Употребительна в турецком языке (как и в других языках юго-западной группы) конструкция *-asi + gel-*: *göresim geldi* ‘мне хочется видеть’. М.С. Михайлов /84/ приходит к заключению, что в турецком языке XIV-XV вв. форма на *-asi* представляла грамматический синоним пришедшей ей на смену формы на *-ajak*, т.е. являлась причастием будущего времени: *Ki bundaṛi olasi faida* ‘И какая от этого будет польза’ 209; *Ajruṛa kalası mükkü niderler* ‘Что они будут делать с достоинием, которое достанется другому’ и т.д. В народно-разговорном турецком языке форма на *-asi* употребительна и в настоящее время.

Эти же функции у причастия на *-asi* отмечены и в памятниках азербайджанского языка /104, стр. 89 и сл./.

Форма на *-asi* может выражать необходимость и возможность совершения действия: *varasidur* ‘(он) обязательно пойдет’, *käläsi jolları* ‘дороги, по которым (они) могут прийти’ и т.д. В современном азербайджанском языке (в большинстве его говоров и диалектов) существует “необходимостное наклонение” на *-asi*. В туркменском языке форма на *-asi* встречается в конструкциях типа: *aladı bat jok* ‘нет вещи, достойной покупки’; *indi ol geleṛi jok* ‘он теперь, вероятно, не придет’; *šu gün šü:here gideṛi i:š jok* ‘сегодня незачем ехать в город’ и т.д.

207 Подробную характеристику функционирования формы на *-as/-es* в чувашском языке см. в работах В.Г. Егорова /74/, И.П. Павлова /95/ и И.А. Андреева /3/; отсюда же взяты и примеры.

208 Многие исследователи, начиная с О. Бётлингга, сопоставляли с формой на *-asi* формы так называемого утвердительного наклонения (по О. Бётлинггу – *perfektiv*) якутского языка. Подробнее см.: /62, стр. 198 и сл./.

209 Примеры заимствованы из вышеупомянутой статьи М.С. Михайлова.

Возможно, что в чувашском языке *mur ileššə* когда-то звучало как *[mur/ilesəðe > ilesə; š > š̌* после твердого *s*, а затем *s > š̌*, что да *ileššə*, или, скорее, */mur/ilesə-š̌ə* (аффикс принадлежности 3-го лица)²¹².

Если это предположение правдоподобно, то и оно подтверждает первичность варианта *-asi*.

Что касается этимологии аффикса *-asi*, то их сводка представлена у М. Рясненна /221, стр. 116/.

Все исследователи сходятся на том, что аффикс *-asi* сложный. Большинство усматривает в нем два элемента: *-a* и *-si*; *-a* отождествляют с формантом отглагольного имени на *-a* (М. Казембек, В. Банг, Н.И. Ашмарин), на *-i* (К. Брокельман), на *-yu* (Ж. Дени, Н.А. Баскаков); *-si* — с аффиксом принадлежности 3-го лица (М. Казембек, В. Банг, Н.И. Ашмарин), с номинальным формантом *-si* (К. Брокельман), со сравнительной частью *si* (Ж. Дени), с монгольским *-si* (О. Бёглингк, Г. Рамстедт, И. Бенцинг) и т.д.

Г. Рамстедт и И. Бенцинг полагают, что *-asi < a-s-i*, где *-s* — монгольское *si*, а *-i* — притяжательный суффикс, т.е. чувашский аффикс для них является исходным.

Интересные соображения о генезисе аффикса *-asi* высказаны М. Рагимовым /104, стр. 97-98/.

В основе огузо-булгарской формы на *-asi*, несомненно, лежит отглагольное образование на *-a* с дезидеративным значением и, возможно также и омонимическая ему форма на *-a* с дуративным значением. Из дезидератива на *-a* развился футурум на *-a*. Едва ли формант *-a* восходит к форманту отглагольного имени на *-yu* (ср. данные Махмуда Кашгарского).

Что касается форманта *-s/-si*, то лишь в случае:

a s - (i) m
a s - (i) ŋ
a s - i

можно было бы говорить об аффиксе *-as*, т.е. следовало бы признать существование основы на *-asi*, где аффикс принадлежности как таковой не осознается (ср. *sāniŋ barsiŋ kačan* и *sāniŋ barŋuŋ kačan* 'когда ты идешь' у Махмуда Кашгарского, *bu turŋu jer emäs*, но *bu turasi jer taŋu* и основы на *-as*, употребляемой с аффиксами принадлежности).

Скорее следует предположить, что *-as-i* — это позднейшее переосмысление (переразложение) аффикса в парадигме с аффиксами принадлежности (*asi-si* должно было бы дать *-asi*). Формант *-si* М. Рагимов /104, стр. 98/ сводит к трем показателям: *-sig* (аффикс уподобления),

-su (аффикс со значением желания) и *-si* (аффикс отглагольного имени с семантикой возможности).

Аффикс *-sig ~ -si* со сравнительно-уподобительным значением, как показал Э.В. Севортян /115, стр. 222 и сл./, в тюркских языках нередко смешивался с аффиксом *-sa* с дезидеративным значением. В результате появлялись производные типа тур. *aŋlamsiŋ* 'плаксивый' 'склонный к плачу', *kīnamsiŋ* 'браниющийся' < 'склонный к брани'²¹². Примечательны

туркменские имена *öcügdi* 'тусклый', 'бледный' < *öc-üg-di* от *öc-* 'гаснуть', 'тухнуть', *ölügdi* 'тусклый', *jitiŋdi* 'тусклый', 'мерцающий' от *jiti-* 'исчезать', 'потухать', где аффикс *-di* имеет значение 'склонный к'²¹³. Аффикс *-sig* с уподобительным значением (восходит к **-si-g*) представлен, например, в древнетюркском и тувинском языках; в огузских языках *-sig > -si*: тур. *erkeksi* 'мужеподобная' (*erkek* 'мужчина'), *aptalsi* 'придурковатый' (*aptal* 'идиот')²¹⁴; в кыпчакских языках, например татарском, *-siŋ > -su*: *ujsu* 'низменный' (*uj* 'низина'), *möŋsu* 'унылый' (*möŋ* 'печаль') и т.д.

В монгольских языках на основе сравнения оптативных суффиксов монголисты восстанавливают общемонгольский суффикс оптатива *-su/-sü*, который в современных языках чаще всего выступает в комбинации с суффиксом *-aj* /207, стр. 255-256; 113, стр. 108 и сл./.

Тюрко-монгольский *-s* — суффикс с дезидеративным значением — в сочетании с дезидеративной основой на *-a* и дал образования на *-asi* (дезидератив > будущее возможное > будущее категорическое > модальные формы со значением необходимости).

Форма на *-aslāk/-eslāk*

В сундырских говорах при помощи аффикса *-lāk/-lak* (с семантикой 'предназначенный на') от причастия на *-as/-es* образуется отглагольное имя с модальным значением /10, стр. 300; 150, стр. 162/: *ásleslāk əs* 'работа, которую надлежит сделать' /150, стр. 162/.

Близкая по структуре форма отмечена в горном наречии марийского языка и некоторых говорах лугового наречия /29, стр. 167/: причастие будущего времени на *-šašlāk < -šaš* (аффикс причастия будущего времени) + *-lāk* (тот же аффикс, что и в чувашском языке).

Модель: отглагольное имя (причастие) + аффикс *-lāk* распространена во многих тюркских языках: например, татарская и башкирская формы на *-šrlāk/-ərlāk* (и варианты), карачаево-балкарское будущее категорическое на *-rīk, -nīk, -līk < -arīk*, древнетюркская и т.д. формы на *-ŋuluk, -ŋilīk*, чувашское причастие на *-malāk* и т.д.

²¹² Интерпретация этих примеров у Э.В. Севортяна несколько иная.

²¹³ Здесь можно, однако, видеть и уподобительное значение аффикса *-si*.

²¹⁴ См. также: А.Н. Кононов /56, стр. 145/.

²¹¹ Ср., например, *xuplanassi* и *xuplanəššə* — легкая брань ('чтобы закрыться, задохнуться'), где *-i* и *-šə* аффиксы принадлежности 3-го лица.

Форма на *-asla*

От причастия на *-as/-es* при помощи аффикса *-la/-le* с эквативным значением образуются адъективы со значением склонности к действию, выраженному причастием: *Väl ċir vilesle ċir mar-za* 'Это еще не смертельная болезнь' /14, стр. 276/215.

Структурные параллели можно привести из татарского и башкирского и некоторых других кыпчакских языков, например, баш. (казмашский говор) *barǵdaj kəšə* 'человек, который может пойти' (причастие на *-ǵaj* аффикса сравнения *-ǵaj*)²¹⁶; тат. диал. *ašar dīj alma* 'яблоко, которое можно есть'; кум. *jürek tītardaj javar* 'ответ, от которого сердце успокоится' /ср. 36, стр. 194 и сл./.

Причастие на *-an/-en*

Исследователи (В.Г. Егоров, И.А. Андреев) отмечают архаичный характер формы на *-an/-en*²¹⁷. По свидетельству И.А. Андреева, форма на *-an* в современном разговорном языке почти неупотребительна, она встречается лишь в фольклорных текстах устойчивого характера.

В лексике чувашского языка много существительных, представляющих субстантивированную форму на *-an*: *avṭan* 'петух', *kilen-kajan* 'посетитель', *šīṭan* 'овраг', *šalen* 'змея' и т.д.

Форма на *-an* часто выступает как определение в устойчивых словосочетаниях: *juxan šiv* 'проточная вода', *süren sul* 'проторенная дорога', *vəšen kajǵk* 'птица' и т.д.

Генетически форма на *-an*, видимо, тождественна с причастием на *-an* в языках юго-западной группы: туркменском, азербайджанском, турецком, гагаузском. Однако возможно и другое предположение: чувашский аффикс *-an* в ряде образований мог явиться результатом фонетической эволюции аффикса *-ṭan*, встречающегося в большинстве тюркских языков; часть форм на *-an* могла быть непосредственным продолжением причастий на *-an*, например, чув. *šalen* 'змея', тур. *ilan*, туркм., тат., баш. *jīlan*, каз. *šīlan*, кир. *jīlan*, хак. *čīlan* (от глагола *jil- ~ žil- ~ čil- si:l-* 'ползать').

Взаимоотношение в плане генезиса аффиксов *-ṭan* и *-an* в тюркских языках до сих пор остается неясным²¹⁸. О сложности проблемы свиде-

²¹⁵ Ср. чув. *kətesle* 'в долг' из *kətes-le*, *kət-* 'ждать'.

²¹⁶ По семантике к этой форме близко "деепричастие" на *-kandaj*, образованное из причастия на *-ṭan/-kan* и аффикса сравнения *-daj*; сопоставима с деепричастием на *-ardaj* и форма на *-ṭudek*.

²¹⁷ Едва ли прав Н.И. Ашмарин, когда полагает, что форма на *-an* является результатом фонетического преобразования формы на *-aḡan* /10, стр. 310/.

²¹⁸ См.: Э.В. Севортян /115, стр. 310 и сл., а также стр. 322/; Г. Рамстедт /108, стр. 134/: *-ṭan* — это вторичная глагольная основа *-ṭa + -n*; В. Банг /168, стр. 123/: *-ṭan < -ṭ + -an*; *-ṭan >* осм. *-an*, иначе в /172, стр. 202-204/: *kaḡ'an > kaḡ'an*, так как гласный второго га, как полагал В. Банг, произносился когда-то с гортанным приступом

свидетельствуют такие факты: наличие образований на *-an* в языках, где типичным является *-ṭan*: кир. *jīlan*, тат. *jīlan* 'змея', тат. *räçen* 'сено'; наличие образований на *-ṭan* в языках группы *-an*: тур. *unutkan* 'забывчивый', *uşengen* 'ленивый', *sövgen* 'ругатель' и т.д.; наличие формы на *-kan/-ṭan* в болгарских диалектах, о чем свидетельствуют некоторые заимствования в венгерском языке: *sárkány < *šarkan/šarakan* ~ общетюрк. *saḡan/saḡan* 'дракон', *boszorkány < basīrkan* 'ведьма', 'колдунья' (*boszorkány* могло быть заимствовано венгерским и из кыпчакских языков); тесная генетическая и семантическая связь аффиксов *-ṭan*, *-an*, *-ṭin*, *-aḡan* и др.: в различных тюркских языках имеются производные с этими аффиксами, тождественные по значению: туркм. *kapkan* 'капкан', *θičkan* 'мышь', но кир. *kapkan*, *čičkan*, туркм. *ičegen* 'капкан', но тур. *içken*; наличие в чувашском языке единичных производных с аффиксом *-kan* (заимствования?): *xīrkan* 'сухой', 'сухопарый', *ṭṭan* 'худой'.

Причастие на *-aḡan/-eḡen*

Эта форма выражает незаконченное, продолжающееся действие, действие, присущее предмету вообще, как его постоянное свойство /3, стр. 127-128/: *pīraḡan šīn* 'идущий человек', *tārǵaḡan aḡa* 'старательный мальчик'.

Причастие на *-aḡan/-eḡen* встречается во многих тюркских языках. В кумыкском языке /36, стр. 138, 156 и сл./ отмечена форма на *-aḡan*, представляющая собой причастие настоящего времени. Образования на *-aḡan/-egen* отмечены в азербайджанском, туркменском, узбекском, казахском, ногайском, башкирском, татарском и в некоторых других тюркских языках /115, стр. 321-322; 57, стр. 156/, а частично перешли в ряд имен с субъектным и атрибутивным значением. Например: азерб. *kaḡaḡan* 'бегун', 'скакун', *k'āzājān* 'гуляка', *jataḡan* 'любящий много спать', *solaḡan* 'линочий', тур. *olaḡan* 'возможный', 'вероятный', *tepiḡen* 'часто лежающийся', узб. *čāpaḡan* 'умеющий быстро бегать', *bilāḡan* 'знающий', *kaḡaḡan* 'кусачий', туркм. *geḡegen* 'гуляка', *ūjregen it* 'лающая собака' и т.д. В тюркских языках Сибири: якутском, тувинском, хакасском имеется форма на *-ṭan/-igen // -uḡan/-ügen*, вероятно, генетически близкая к форме на *-aḡan*. В тувинском и хакасском языке ее относят к причастиям /52, стр. 313; 50, стр. 118/, хотя в хакасском она образуется от очень ограниченного числа глаголов, например: тув. *ünügen* 'быстро растущий', *kōpügen* 'хорошо видящий', хак. *kilegen*, *paraḡan*. И.Н. Харитонов /146, стр. 137/ причисляет образования на *-ṭan* к прилагательным: *utluḡan* 'забывчивый', *siṭṭan* 'вонючий', *ištiḡan* 'чуткий на слух'.

Исследователи чувашского языка по-разному объясняли происхождение причастия на *-aḡan*. Так, Н.И. Ашмарин /10, стр. 310/ вслед за М. Карембеком был склонен видеть в нем причастие на *-a* + аффикс *-kan* (*-ṭan*). При этом он допускал, что к форме на *-aḡan* восходит причастие на *-an*, т.е. считал причастие на *-aḡan* довольно архаичным образованием. В.Г. Егоров /74, стр. 218-219/ и И.А. Андреев /3, стр. 125 и 127/ в общем признали

точку зрения Н.И. Ашмарина с той существенной оговоркой, что форма *-aḥan* представляет собой довольно позднее заимствование из какого-то кыпчакского языка.

Допущение В.Г. Егорова о сравнительно позднем проникновении причастия на *-aḥan* в чувашский язык кажется нам вполне оправданным, так как в аффиксе *-aḥan* наличествует гуттуральный, обычно утрачиваемый в собственно чувашских формах.

Что касается генезиса и возраста общетюркской формы на *-aḥan*, могут быть учтены следующие данные.

Образования на *-aḥan/-egen* отмечены у Махмуда Кашгарского (*ol evke bara ḥan ol* 'он постоянно ходит домой', *ol kiṣi ol biḥke kelegen* 'этот человек часто к нам приходит'), у Ибн Муханны /82, стр. LIX/ и А. Хайана /81, стр. 138/.

Как единичные лексикализовавшиеся образования формы на *-aḥan* встречаются во многих тюркских языках, где они, видимо, были вытеснены аналитическими конструкциями из деепричастия на *-a* и вспомогательных глаголов *tur-* и *yor-* (jör-) 219.

Обычно в аффиксе *-aḥan* выделяют два структурных элемента: *-a* + *ḥan*. При этом *-a* рассматривают как показатель герундивно-причастия формы (Г. Рамstedт /108, стр. 111/, В. Банг /169, стр. 35-36/, Н.К. Дмитриев /38/, Э.В. Севортян /115/) или как особый формант с интенсивным или потенциальным значением (П.М. Медияранский /82/); *-ḥan* связывают с "причастным" аффиксом *-ḥan* (Э.В. Севортян) или уменьшительным формантом *-kan* (В. Банг), тождественным с монгольским уменьшительным формантом *-kan* и тунгусским *-ka:n* (Г. Рамstedт) 220.

Причастие на *-aḥḥan*

Это причастие, как утверждает Н.И. Ашмарин /13, стр. 447-448/, образовано из деепричастия на *-a/-e* и причастия на *-an* от глагола *ḥḥ-* 'стоять'. Оно имеет ограниченный круг употребления, указывая на особый признак предмета /74, стр. 327; 3, стр. 247-249/. И.А. Андреев высказал предположение /3, стр. 249/, что причастие на *-aḥḥan* было вытеснено из чувашского языка другими причастными формами. Он допускает и иную возможность: причастие на *-aḥḥan* и в прошлом не имело широкого распространения в чувашском языке.

В татарском и башкирском языках бытует причастная форма *-a ḥḥ*, которая, по-видимому, восходит к тому же источнику, что и чувашская.

219 Поэтому попытка некоторых ученых возводить формы типа *ala* к *alaturḥan* кажется нам несостоятельной.

220 Некоторые исследователи, например Н.А. Баскаков, генетически сближают причастия на *-aḥan* и *-aturḥan*, считая первые фонетически редуцированной формой.

221 Видимо, из того же источника, что и причастие на *-aḥḥan*, попало в чувашский язык деепричастие на *-aḥḥaḥ* (см. ниже, стр. 111).

Во всяком случае, структурно, семантически и фонетически эти формы совпадают. Фонетические варианты той же структурной модели представлены в очень многих тюркских языках:

караим.	- <i>adoḥan</i>
узб.	- <i>diḥan</i>
ног.	- <i>atḥan</i>
гв.ст.	- <i>atkan</i> , <i>-iḥan</i> - <i>taḥan</i> , <i>-iḥin</i> и т.д.
кыз.	- <i>atīn</i>
алт.	- <i>atan</i> и т.д.

Аналитическая конструкция: деепричастие на *-a* + *turḥan*, видимо, стала продуктивной в связи с закреплением за причастием на *-ḥan* семантики причастия прошедшего времени. Старое видовое противопоставление форм на *-ḥan* ('бравший', 'взявший') и *-aḥan* ('бравший (много раз, долго)' > 'берущий') сменилось новым: "прошедшее время" — "настоящее время".

В чувашском языке причастие на *-aḥḥan* имело несколько "конкурентов", семантика и функции которых пересеклись: причастие на *-an* — общетюрк. *-ḥan* // *-an*, которому во временном плане противопоставлялось причастие на *-nḥ*, и более новое причастие на *-aḥan*, вероятно, вытеснившее причастие на *-an*.

Примеры лексикализации причастия на *-aḥḥan*: *sāva ḥḥan* 'дойная (о корове)'; *ūṣe ḥḥan* 'растение'; *kuṣa ḥḥan* 'колесо' и т.д.

Причастие на *-malla/-melle* (причастие должествования)

Как установил И.А. Андреев /3, стр. 205/, основным для семантики причастия на *-malla/-melle* является выражение действия, которое должно совершиться в будущем. Причастие на *-malla/-melle* передает такие модальные оттенки, как необходимость, возможность совершения действия: *ḥajmalla ṣin* 'человек, который должен ехать' /74, стр. 227/; *Laḥa vaṣṣaṣen — tī unalla, ṣamāx vaṣṣaṣen ḥimalla mar* 'Лошадь вырвется — можно поймать, слово вырвется — нельзя поймать' /3, стр. 205/.

Причастие на *-malla/-melle* имеет структурные и семантические параллели в тюркских языках юго-западной группы: турецком, азербайджанском и туркменском, где отмечена форма на *-mali/-meli*.

Происхождение чувашского причастия на *-malla/-melle*, как и соответствующей тюркской формы, до сих пор остается неясным.

М. Рязанцев /221, стр. 230/, вероятно, велел за Г. Рамstedтом /108, стр. 101/ производить тюркский аффикс *-mali/-meli* от глагольного имени на *-ma* с адекватным аффиксом *-li* < *-liḥ*. Ж. Дени /182, стр. 927, прим. 2/ разлагает *-meli* на *-me* + *-li* и, по-видимому, сближает *-li* с формантом *-li* в аффиксе *-kūli*. Известно, что общетюркскому адекватному аффиксу

су *-lī* < *-līr* в чувашском соответствует аффиксу *-lā/-la*. Таким образом закономерным соответствием тюркскому аффиксу *-malī* явилось бы чувашское *-malā*.

Н.И. Ашмарин /10, стр. 311/, а вслед за ним и И.А. Андреев /3, стр. 203/ считали, что причастие на *-malla/-melle* образовано из отглагольного имени (по И.А. Андрееву, из инфинитива) на *-ma/-me* и аффикса *-l a/-le*.

И. Бенцинг /177, I, стр. 263 и 177, IV, стр. 466/ усматривал в аффиксе *-lla* аффикс аллатива: *-malla* < *-mā* + *-a* (датель) + *-lla* (аллатив) или *-ma* + *-alla* (аллатив).

Структурную параллель к этому образованию можно обнаружить в марийском языке, где наличествуют инфинитивы долженствования на *-man* < *-ma* (имя действия) + *-n* < *-n'* (датель) и *-māla* < *-ma* + наречный (дательный) *-la* /29, стр. 160-162/222.

Как указывалось выше, форма на *-malī/-meli* встречается только в языках юго-западной группы. Так, в азербайджанском языке она отмечена с XV в. /104, стр. 83/, в старотурецком – с XIV в. Насколько нам известно, она не обнаружена в древнетюркских памятниках (см., например: /186/).

Что касается структурных моделей: глагольное имя + аффикс *-lī* то в тюркских языках можно указать несколько образований, выражающих различные модальные оттенки: причастие будущего времени со значением намерения на *-rīlī*, деепричастие цели на *-rālī*.

Вслед за Г.И. Рамstedтом /108, стр. 48/ мы полагаем, что аффиксы *-rīlī* и *-rālī* содержат формант *-lī* с "локализирующим" (точнее, аллативным) значением²²³. Тот же аффикс *-lī* с аллативным значением (а не флексивным) мы усматриваем в аффиксе *-malī*.

Чувашскую форму на *-malla/-melle* можно рассматривать как контamination южнотюркской формы на *-malī* > **malā*, *-mallā* и угро-финской модели типа марийских *-man*, *-māla*. Возможно, имела место contamination двух тюркских аффиксов с локальным значением *-la* и *-lī* (ср. тюркские аффиксы *-ra* и *-rī*, *-ru*).

Форма на *-malā/-mālā* в сочетании со словом *üçel*, выражающая возможность совершения какого-либо действия, зарегистрирована в мезелинском говоре татарского языка /76, стр. 66/. Кроме того, форма *-malā/-mālā*, *-mallā/-māllā* широко употребительна в нурлато-кайбицком говоре и говоре подберезинских крышен /7, стр. 11 и 27; 75, стр. 48-52/. Иногда ее распространение в этих двух говорах объясняют как результат взаимодействия с чувашским языком /75, стр. 52/. Об этом

²²² Иногда марийскую форму на *-māla* считают заимствованием из чувашского языка.

²²³ В тунгусо-маньчжурских языках. В. Котвич /64, стр. 187/ отмечает пролатив на *-li*. Следы падежного аффикса с локальным значением сохранились в некоторых наречиях алтайских языков. Примеры см.: /10, стр. 48/.

как будто свидетельствует семантика формы и ее фонетический облик, выражающий чувашские **-mallī/-melli* с геминированным *l*. Однако в тюркских языках Поволжья – татарском и башкирском – сохранились лексикализовавшиеся причастия на *-malā/-māla*. Так, в качестве примеров можно привести: алт. *alāmalā* 'съемный', баш. бурз. *bar ikmāk halmalā* 'одноместная (печка)', *ös k aşā utārtmalā tārāldak* 'трехместный мотоцикл'²²⁴.

Эти формы либо являются пережиточными, либо представляют собой единичные "заимствования" из какого-то тюркского языка южного типа. Во всяком случае, в самом чувашском языке ряд грамматических форм явно имеет южное происхождение.

Причастие на *-malāx/-melāx*

(причастие достаточности)

Оно образовано от отглагольного имени на *-ma/-me* при помощи аффикса *-lāx/-lāx* /10, стр. 311; 74, стр. 229; 3, стр. 222/.

Как известно, "большой и продуктивный разряд существительных на *-lāx* составляют производные со значением функции и назначения предмета..." /115, стр. 37 и сл./ Например: чув. *karēlāx* 'материя на рубашку', *pūrūlāx* 'материал на избу'.

Значение "предназначенный для" очень хорошо иллюстрируется такими примерами из чувашского фольклора:

Tālāx pūtek tukmaklāx,

Tālāx aça saltaklāx

'Сирота-ягненок обречен на добычу волку, а сирота-парень для рекрутского набора';

Aslā sulşem xarri jāmralāx,

Jāmrişem lajāx tumralāx

'На краю большой дороги ветельник, в нем ветлы хороши на балалайки'²²⁵ /13, стр. 113/.

К именам *tukmaklāx* и т.п. близки и существительные на *-lāx* со значением "рассчитанный на такой-то срок": *kaslāx* 'достаточный на вечер', *ullāx* 'промежуток времени, равный году'; 'рассчитанный на год'²²⁵.

Аффикс *-lāx/-lāx* в составе формы на *-malāx/-melāx* и выступает со значением "рассчитанный на", "достаточный на...": *şimelāx sākār* 'хлеб, предназначенный, достаточный для еды'; *kanmalāx vāxāi* 'время, предназначенное или достаточное для отдыха' /3, стр. 222/.

²²⁴ Правда, не всегда легко отделить подобные образования от, по видимому, омонимичных им типа: тат. *bōtmālā* 'складчатый' от *bōtmā* 'складка' или *asālmālā* 'подвесной' от *asāлма* 'подвеска'; ср. также баш. диал. *asāлма* 'створка', *asālmālā* 'створчатый', тат. *aşālmālā*.

²²⁵ На тождество *-lāx* в *-malāx* и *-lāx*, "выражающего количество в именах существительных", указывал уже Н.И. Ашмарин /13, стр. 458/.

Причастие на *-malǝx* является новообразованием. Оно отсутствует в других тюркских языках. Однако в них встречаются явления, которые могли стать предпосылкой для возникновения подобной формы.

Прежде всего, в ряде тюркских языков имеются образования на *-lik* от глагольных имен: баш. *-ǝlǝk* со значением "способный, годный для выполнения действия, заложенного в основе"; *ajaklanǝlǝk* 'место, где можно встать на ноги', *irǝǝlǝk* 'достижимый' /31, стр. 98/; баш. (казмаш. гов.) *bǝr kǝngǝ jǝtǝrǝk ǝrǝlǝk* 'продукты, рассчитанные на один день'. Та же форма имеется в татарском языке. В барабинском диалекте Д.Г.Тумашева /135, стр. 81-82/ отмечает "отглагольные прилагательные" на *-ǝlǝk*, *-ǝlǝk* // *-kǝlǝk*, *-kǝlǝk* со значением "достаточный на": *kinoǝ inkǝlǝk akǝam par minǝm* 'У меня денег достаточно для того, что пойти в кино'. Эта форма генетически идентична с причастием на *-tulǝk*.

В турецком языке имена на *-lik* с отвлеченным значением образуются от форм на *-mak* и реже на *-ma*: *jazmaklik* 'писание', 'способность, манера писать', *kurturmalik* 'выкуп' /56, стр. 111-112/.

Таким образом, модель: глагольное имя (причастие) + аффикс *-lik* / *-lik* характерна для тюркских языков.

Любопытно, что Г.Х. Ахатов отмечает в диалекте западносибирских татар аффикс *-malǝk/-mǝlǝk*, который обозначает название приспособлений различного характера и назначений, /8, стр. 141/. К сожалению, этот аффикс иллюстрируется у Г.Х. Ахатова единственным примером: *japma jarmalǝk* 'заплата'.

Вторая предпосылка — это лексикализация древнего причастия на *-m* (адъектива, по Г.Рамстедту /108, стр. 194/), которая вызвала необходимость в добавлении нового формообразующего элемента *-lik* ~ чув. *-lǝx*.

Третья предпосылка — это наличие семантически близких форм в соседних финно-угорских языках. Так, в удмуртском языке имеется причастие на *-ton*, которое выражает "действенный признак или признак, достаточный для осуществления по отношению к данному предмету какого-либо действия" /122, стр. 300-301/. Например: *aramon ǝabej* 'такая пшеница, что можно жать', *byzʹuton nyl* 'такая (по возрасту) девушка, что может выйти замуж' (ср. чув. *kaǝǝa pǝmalǝx xǝrǝǝm pur* 'замуж выдать есть дочери' /3, стр. 225/).

В коми-языке употребительно деспричастие на *-mǝn*, очень близкое по значению к удмуртскому причастию (суффиксы *-ton* и *-mǝn* не тождественны): *jumǝn va* 'вода в количестве, достаточном для питья' /122, стр. 301/.

226 Ср. И.А. Андреев /3, стр. 224/. И.А. Андреев полагает, что чувашская форма на *-malǝx* при своем возникновении была синонимична турецкой форме на *-maklik*. Затем ее значение и сфера употребления сузились, так как: 1) *-lǝx/-lǝx* не употребляется в чувашском языке с другими глагольными формами; 2) глагольная форма на *-ma* трансформировалась, т.е. перестала употребляться в атрибутивной и субстантивной функциях. Однако следует указать, что в верховых (сундырских) говорах Н.И. Ашмарин отмечены формы: *kajaslǝk* 'имеющий уйти' и *ǝslǝlǝk ǝs* 'работу, которую надлежит выполнить'.

Причастие на *-i* (причастие возможности)

Это причастие образуется путем прибавления к основе глагола аффикса *-i*: *kuri* 'могущий видеть', а его отрицательная форма — аффикса *-m*: *kurmi* 'не могущий видеть'. Обычно употребляется в парном виде, т.е. вместе выступают утвердительная и отрицательная формы от одной и той же глагольной основы: *kili-kilmi xǝnaǝem* 'гости, которые могут приехать и не приехать', *ǝiǝi-ǝitmi purnǝs* 'скудная жизнь', *pǝli-pǝlmi* 'неумелый' и т.д. Утвердительная форма самостоятельно встречается крайне редко, главным образом в устойчивых словосочетаниях. Более распространена отрицательная форма.

Что касается происхождения причастия на *-i*, то известны следующие предположения. В.Г. Егоров /74, стр. 230/ возводит его к форме будущего времени на *-ǝ* + аффикс принадлежности. Если принять, что будущее на *-ǝ* причастного происхождения, т.е. *kilǝ* < **kelǝ*, то гипотеза В.Г. Егорова совпадает с мнением О. Прицака /212, стр. 152/: **ǝrǝgǝ* < **kǝrǝig*, откуда **kǝrǝig-i* > **kǝrǝi* > *kuri* и Н.И. Ашмарина /10, стр. 311/, также сближающего чувашское причастие возможности с причастием на *-ǝi*.

Г.Рамстедт /108, стр. 170/ полагал, что аффикс *-i* в чувашском причастии возможности — рудимент глагола *u-* 'мочь', т.е. *puli* < *bolu-uju*.

Причастие на *-anǝi/-enǝi* 227

Эта форма выступает в аналитических конструкциях с глаголами *pul-* 'быть' и *tu-* 'делать' со значением притворного действия: *ǝrǝ vilenǝi pulǝm* 'я притворился умирающим, сделал вид, что умер'. Н.И. Ашмарин /10, стр. 326/ высказал предположение, что форма на *-anǝi* восходит к причастию настоящего времени на *-an/-en* + аффикс *-ǝi* 228, возможно, тождественный с татарским *-ǝa* 229. Гипотеза Н.И. Ашмарина была поддержана И. Бенцингом /177, IV, стр. 451 и 176, стр. 741/, по мнению которого, *-ǝi* — это аффикс экватива *-ǝa* + аффикс принадлежности 3-го лица, т.е. в чувашском (*-ǝa* >) *-ǝa* + *-i* > *-ǝi*, ср.: *laǝa* 'лошадь' — *laǝi* 'его лошадь'.

227 В чувашских говорах отмечено также причастие притворного действия на *-anǝi/-enǝi*, *-anǝi/-enǝi*. Эти аффиксы — фонетические варианты аффикса *-anǝi/-enǝi*.

228 Ср. более раннее *-ǝi* в *kajajanǝi* 'притворяющийся идущим или едущим' /15, IV, стр. 4/ и *vilenǝi* (Шумерлинский район).

229 Предположение И.А. Андреева /3, стр. 239/, по которому *-ǝi* = *-ǝǝ* (аффикс действующего лица), кажется нам менее достоверным. Почти то же у Ф.П. Тимофеева /133/: *-an* + аффикс действующего лица *-ǝǝ* + аффикс 3-го лица *-i*. Сомнительна и гипотеза В. Котвича /64, стр. 212/, по которой аффикс *-ǝi* сближается с *-ǝi* в формах типа кир. *jazǝansi* 'делай вид, что пишешь'.

Структурная параллель к чувашской форме на *anši*, точнее, к аналитическим конструкциям типа *anši pul-* (или *tu-*) обнаруживается в карачаево-балкарском языке, где имеются аналитические конструкции типа *-γanča et-* /137, стр. 116/. Например: *sanaγanča etejik* 'делаем вид, что считаем' /137, стр. 116/.

Как указывает Н.И. Ашмарин /10, стр. 326/, в чувашском языке в этом же значении употребительны аналитические конструкции типа: *-an rek pul-* и *-an rek pul-* (низовой диалект), с которыми сопоставима карачаево-балкарская *-γan kibik et-* (*kazγan kibik et-* 'делать вид, будто копаешь').

Во многих тюркских языках – башкирском, татарском, узбекском, уйгурском, казахском, каракалпакском – аналитические конструкции *-γan bol-* служат для выражения так называемого инсценированного действия /159, стр. 111-113/: 'притворяться, что...', 'делать вид, что...'.
Примечательны также киргизская форма на *-imīš/-imiš bol* (*alimīš bol* 'сделай вид, что берешь'), синонимичная форме на *-γan bol-* (*alγan bol* 'сделай вид, что берешь'), башкирская диалектальная *kūtmāš tā bilmāš bula* 'прикидывается незнающим' /23, стр. 178/230.

Причастие на *-iš*, *-əš* (*-miš*, *-məš*)

Утвердительная форма этого причастия, как указывает Н.И. Ашмарин, встречается лишь в некоторых говорах, например:

Eša ijiš pul (*tu*), *vəl pilməš pulčär* (*tučär*) 'Ты притворись спрашивающим, а он пусть притворится, что ничего не знает' /74, стр. 232/.

Н.И. Ашмарин предполагал, что форма на *-iš*, *-əš* – это причастие на *-i* + аффикс принадлежности 3-го лица /14, стр. 245/. Аффикс 3-го лица *-š* усматривал здесь и Ф.П. Тимофеев, И.А. Андреев отождествляя форму на *-iš* *-əš*, *-əš*) с именем действия на *-š*, встречающимся в некоторых тюркских языках.

Форма на *-iš* и ее отрицательный вариант *-məš/-māš* употребляются с глаголами *pul-* 'быть', *tu-* 'делать' и *per-* 'притворяться' (с последним глаголом причастие на *-iš* употребляется в дательном падеже): *šim* (*šimiš*) *polša larat* 'притворяется, что ест'; *pəlmīše peret* 'притворяется незнающим' /14, стр. 244/.

Что касается структуры формы на *-iš*, *-əš*, *-əš*, то эта форма, видимо, является составной и представляет собой отглагольное имя с симулятивным значением. Аффикс *-š*, *-əš*, *-əš*, вероятно, аффикс симулятивности, тождественный общетюркскому *-si*, так как известно, что в чувашском языке *s* перед *i* перешел в *š*. Общетюркский аффикс симулятивности представлен в киргизской форме на *-γansi/-gensi*: *γazγansi* 'пожились пиущим' /22, III, стр. 19/ (см. также: ног. *konγansi-* 'делать вид, что останавливаешься на ночлег', *kūlgensi-* 'делать вид, что смеешься').

230 Ср.: тат. *sizmāməškä saləš-* 'притворяться нечувствующим'; *bəlmāməškä saləš-* 'притворяться незнающим' и т.д.

konakši- 'изобразить из себя гостя', 'ломаться', *aḡkawsī-* 'прикидываться наивным'; каз. *saḡrawsī-* 'притвориться глухим', *müsepirsī-* 'прикидываться беспомощным').

Тот же аффикс *-si* входит в состав сложных аффиксов с симулятивным значением *-msin/-msin* и *-sür/-sir*, например: *iš bilimsindi* 'он сделал вид, что разбирается в деле'; *er külsirdi* 'мужчина сделал вид, что смеется'.

Таким образом, чувашская форма с симулятивным значением на *-iš*, *-əš* представляет собой основу какого-то отглагольного имени на *-i* (*/-ə*) + аффикс *-š*, *-š* < *-si*.

Некоторые исследователи, например Н.И. Ашмарин, видят в форме на *-i* причастие возможности, которое иногда возводится к форме на *-γu/-gü* с аффиксом принадлежности, т.е. **-ā/-ə + -i*. В таком случае чувашское *-iš*, *-əš* восходило бы к форме типа **-γu sī/-gü si*.

Отрицательная форма *-məš/-miš* включает аффикс глагольного отрицания *-m*.

Симулятивное значение, вероятно, развилось из уподобительного значения аффикса *-si*, который, в свою очередь, генетически связан с *-sig* (*-sig* > *-si*).

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

К деепричастиям обычно относят отглагольные формы, выражающие дополнительное действие и функционирующие, таким образом, как своеобразный определитель основного действия. Исторически в разряд деепричастий попадают отглагольные имена (в том числе и причастия), изолированные падежные формы отглагольных имен и сочетания отглагольных имен с послелогом.

Сравнение деепричастных форм в тюркских языках показывает, что большинство их является новообразованиями, т.е. возникли в самостоятельной истории конкретных тюркских языков или групп языков.

В системе чувашских деепричастий к общетюркским формам, на наш взгляд, относятся деепричастия на *-a* и на *-sa*. Остальные деепричастия, по всей вероятности, представляют новообразования.

Деепричастие на *-a/-e*

Это деепричастие встречается во всех тюркских языках. В чувашском языке оно образуется от основы глагола при помощи аффикса *-a/-e* после основ на гласный и на согласный: *-kil-e* > *kile* 'приходя', *vula-a* > *vula* 'читая'.

В других тюркских языках после основ на гласный выступают аффиксы *-j* (> *-i*), *-ja/-jā*: тат. *əšli* 'работая', азерб. *išlājā-išlājā* 'работая, работая' и т.д.

Что касается происхождения этой деепричастной формы, то наиболее достоверной кажется точка зрения Г. Рамстедта, согласно которой деепричастие на *-a/-e*, *-ja/-je* > *-jī/-jī* > *-j* представляет собой отгла-

гольное имя (> причастие настоящего времени? — Л.Л.) /108, стр. 108/

Некоторые исследователи /182, стр. 938; 18, стр. 464-465/ сближают аффикс деепричастия *-a/-e*, *-j* с формантом будущего времени *-ɬaj/-ge* и *-ɬa/-ge* и формантом желательного наклонения *-aj/-ej*, *-j* /232.

А.Н. Кононов (и Н.А. Баскаков) связывают это деепричастие с причастием на *-ar/-er*, *-r* /57, стр. 240; 18, стр. 464-465/.

Деепричастие на *-maşǧr/-meşǧr*

Это деепричастие функционально является отрицательной формой деепричастия на *-sa/-se*: *tuɬmaşǧr* 'не выходя', *vulamaşǧr* 'не читая'.

По мнению многих чувашеведов (А.И. Добролюбов, Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров), оно восходит к отглагольному имени на *-ma/-me*, употребляемому с аффиксом лишительного падежа *-sǧr/-sar*. Эту точку зрения оспаривает И.П. Павлов /94, стр. 249 и сл./, который считает, что деепричастие на *-maşǧr* — это отрицательная форма древнего тюркского причастия на *-sar/-ser*. Согласно гипотезе И.П. Павлова, аффикс *-sar/-ser* в безударном положении превратился в *-sǧr/-sar* (ударение падало на аффикс глагольного отрицания, т.е. что-нибудь вроде: *kelmésar > kilmesǧr*). Однако возникает вопрос, почему в чувашском языке не имело места параллельное развитие двух форм деепричастия — отрицательной и положительной: *-sar > -sa*, но *-masar > -maşǧr* (сохранение *-r!* — Л.Л.).

Известно, что функционально чувашское деепричастие на *-sa/-se* соответствует общетюркскому деепричастию на *-p*. Последнее лишь в некоторых тюркских языках выступает в отрицательной форме. Во многих тюркских языках в качестве отрицательной формы деепричастий на *-a/-i* и *-p* употребляется деепричастие на *-maj/-mej*. В древних тюркских языках известны формы на *-madī*, *-madīn* и т.д. Поэтому наличие в чувашском языке особого отрицательного деепричастия, функционально соответствующего деепричастию на *-sa/-se*, не представляется необычным. нечто похожее наблюдается и в финно-угорских языках. Например, в удмуртском языке существует деепричастие на *-tek* (аффикс *-tek* — показатель лишительного падежа), которое служит отрицательной формой деепричастия на *-sa* /122, стр. 309/. Отрицательные деепричастия имеются в марийском и коми языках.

Структурную параллель к деепричастию на *-maşǧr/-meşǧr*, если рассматривать его как имя в лишительном падеже, можно найти, например,

231 Того же мнения придерживались В.Г. Егоров и И.П. Павлов /74, стр. 252-254/; ср. также: А.М. Щербак /155/.

232 Ср. точку зрения В. Котвича /64, стр. 303/, по которой деепричастия на *-a* возникли из причастий; мнение Ж. Дени о близости суффиксов *-a* и *-qai* справедливо, но отождествление его с суффиксом *-a* основ желательного наклонения принять трудно из-за семантических различий.

233 Точку зрения И.П. Павлова разделяет О. Прицак /211, стр. 279, прим. 3/.

в турецком языке, где встречается деепричастие на *-maksızın* /56, стр. 484; 182, стр. 943/. Аффикс деепричастия на *-maksızın* восходит к аффиксу глагольного имени *-mak*, аффиксу именного отрицания *-sız* и аффиксу древнего инструментального падежа *-ın*.

Деепричастие на *-sa/-se*

Деепричастие на *-sa/-se* функционально соответствует общетюркскому деепричастию на *-p*, которое в чувашском языке не отмечено²³⁴.

Аффикс *-sa/-se* довольно долго отождествляли с аффиксом удмуртского деепричастия на *-sa/-se* (см., например: /10, стр. 313-314/).

В последнее время получает признание другая точка зрения, согласно которой аффикс *-sa/-se* генетически близок с общетюркским аффиксом условного наклонения *-sa/-se* /94; 176, стр. 743/. В качестве аргументов в пользу своей гипотезы И.П. Павлов /94/ приводит три факта:

1) функционирование деепричастия на *-sa/-se* в качестве сказуемого независимого предложения свидетельствует о его былом причастном характере;

2) деепричастие на *-sa/-se* (особенно в отрицательной форме) может передавать условное значение;

3) отрицательная форма деепричастия на *-sa/-se* очень близка по звучанию к древнетюркскому причастию на *-sar*: *masari* и *maşǧr*.

К сожалению, два из этих аргументов могут быть оспорены.

Деепричастие на *-p* в тюркских языках также может функционировать в качестве сказуемого независимого предложения, при этом в 3-м лице оно может выступать без личного показателя (см., например, барабинский диалект /135, стр. 61/). Сам по себе этот факт ничего не говорит о былом причастном характере деепричастия на *-p*.

О возможности отождествления отрицательного деепричастия на *-maşǧr* с причастием на *-sar* см. выше, стр. 102.

Однако сама постановка вопроса о генетической связи чувашского деепричастия на *-sa/-se* и тюркского отглагольного имени (причастия) на *-sa/-se* представляется весьма плодотворной²³⁵.

Как показали исследования некоторых тюркологов, особенно М.Ш. Рагимова, форма на *-sa/-se* полисемантическая. Она выражает желание, причину, цель, повеление, время, в последнем случае функционально совпадая с деепричастием на *-anda*. Форма на *-sa/-se* может выступать как самостоятельное сказуемое в значении будущего времени, даже прошедшего категорического²³⁶.

234 Подробно об употреблении чувашского деепричастия на *-sa/-se* см.: /74, стр. 243-248/.

235 О происхождении тюркской условной формы на *-sa/-se* см.: /221, стр. 214/, где указана основная литература, а также: /200, стр. 132-133/.

236 См.: /105, стр. 108-109/, однако приведенное там толкование примеров вызывает у нас сомнение.

Вот некоторые примеры на временное значение формы на *-sa/-se* в различных тюркских языках²³⁷:

алт. *jetip barza kirtistar on öki ötkö ajıldi ködöpir par d'et* 'когда он подъехал киргизы ехали, переправляя двенадцать дворов' /17, стр. 60/;

караим. *kujas d'ixsa men ojatim, men "Tan jaxši" saja ajim* 'когда взойдет солнце, я тебя разбуду и скажу тебе "Доброе утро"' /87, стр. 28/;

шор. *o:lak körze, kozan-da çoçul* 'когда мальчик посмотрел, /видит/ зайца нет' /41, стр. 218/;

гаг. *açan baksa - jukardan bir gugus geler* 'когда посмотрел — /глянул/ сверху спускается голубь' /99, стр. 219/;

полов. *xaçan opekunlar kelsalar na Ohas sh. xoçraj* 'когда опекуны идут, то должен Охас представить деньги' /40, стр. 376/;

туркм. *dünj Bäsümlar 200 manat karş pul berij dijip gelveler, men Ka-kaçana gerek bolar dijip bemän koçberdim* 'Когда вчера из дома Бяшима зашли, чтобы попросить взаймы 200 рублей, я не дала им, думая, что эти деньги понадобятся Какаджану' /148, стр. 10/;

кир. *biz kelsek - kizmat büiürür* 'Когда мы пришли, занятия уже закончились' /22, III, стр. 44/.

Нам представляется, что не исключена возможность контаминации шетюркской формы на *-sa* с временным (условно-временным?) значением и финно-угорской (пермской) отглагольной формы на *-sa* (> удмуртское деепричастие на *-sa*)²³⁸.

Деепричастия на *-san/sen* и *-sassân/-sessân*

Эти деепричастия имеют условно-временное значение и, по мнению многих исследователей, взаимозаменяемы /10, стр. 297/. Некоторые авторы считают форму на *-sassân* книжной, а форму на *-san* разговорной /42, стр. 485/. И.П. Павлов также усматривает между формами на *-san* и *-sassân* стилистическое различие /94, стр. 255/.

О происхождении формы на *-sassân*, *-san* пока что высказаны две гипотезы. Согласно первой из них (Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров, И. Бенци)

²³⁷ Ср. П.М. Мелиоранский: «В придаточных предложениях условная форма почти так же часто выражает условие, как и просто обстоятельство во времени» /83, II, стр. 33/.

Интересно замечание И.А. Батманова о временном значении формы на *-sa*: "Здесь, надо полагать, также вскрывается пережиточный характер промежуточного значения той категории, из которой впоследствии сложилась современная условная форма" /22, III, стр. 44/.

²³⁸ Ср. отрицательные формы удмуртского и чувашского деепричастий, представляющие формы лишительного падежа отглагольных имен.

Примечательно также, что в отдельных говорах южного диалекта удмуртского языка деепричастие на *-sa* может употребляться с послелогами /122, стр. 307/, а это косвенно подтверждает этимологию чувашского деепричастного аффикса *-sassân*, < *-sa*+ *sân* (послелог).

форма на *-sassân* является первичной, а форма на *-san* — производной от нее. Форма на *-sassân/-sessân* представляет собой отглагольное имя на *-sa* (причастие, по современной терминологии) с послелогом *soç* 'потом', 'после', *suç* > *sân*.

Структурно-семантические параллели встречаются в татарских диалектах Сибири²³⁹, где причастие на *-çan* с послелогом *soç* выступает как деепричастие с временным значением²⁴⁰:

тобол. *Kolhoz pašlançansân ätkäbas öçnäs pulär kolhozça kargän* 'Когда образовался колхоз, мой отец третьим вступил в него';

бараб. *Utär, qarçän suç* 'Сядь, раз пришел'; *lawäkläyan soç tanämatäm, min* 'Я не узнал, когда они приблизились';

томск. *Amijägä barçasân şapta pisarä äsäädä* 'Когда он ушел в армию, то работал писарем в штабе'²⁴¹.

Другая гипотеза предложена И.П. Павловым /94, стр. 256/, по мнению которого деепричастия на *-san* и *-sassân* восходят ко 2-му лицу единственного числа древней (общетюркской) условной формы, т.е. *-san* < *-sa-ŋ*²⁴², а *sassân* < *-sa-siŋ*. Большая употребительность формы 2-го лица явилась, по И.П. Павлову, причиной того, что она вытеснила формы 1-го и 3-го лица и стала выступать как неличная.

Сам по себе факт параллельного существования форм типа *-saŋ* и *-sasîŋ* вполне допустим: см. соответствующие примеры в языке караханийских и хорезмийских памятников, а также в языке Codex Cumanicus. Однако, как правило, какой-то тип оформления является преобладающим: либо аффиксы типа *-m*, *-ŋ*, либо аффиксы типа *-mân*, *-sân* и т.д.

В чувашском языке аффикс *-sân/-san* < *-siŋ/-siŋ* почти не употребителен. Он выступает, по мнению некоторых исследователей, еще во 2-м лице уступительного наклонения, в парадигму которого этот аффикс проник из какой-то иной парадигмы.

В качестве обобщающей, скорее, следовало бы ожидать форму 3-го лица единственного числа, ср., например, сарыгюгурский язык, где имеем: *men kel'se, sen kel'se, gol kel'se*, саларский: *men (piser) oxise* 'если я читаю', 'если мы читаем'.

Как отмечает Э.Р. Тенишев /131, стр. 39/, личные аффиксы условно-

²³⁹ См. также данные говоров южного диалекта удмуртского языка (булгарское влияние? — Л.Л.).

²⁴⁰ Во многих тюркских языках причастие на *-çan* и *-an* с послелогом *-soç* имеет временное значение ("после того как...") или причинное значение ("так как..."): туркм. *men giden soç* 'после того как я уеду'; узб. *men ba'çan soç* 'после того как я уйду' и т.д.

²⁴¹ Примеры взяты из работ Д.Г. Тумашевой.

²⁴² Чувашское *-san* в *pırçan-a* восходит к *-san-a* (2-е лицо единственного числа условного наклонения), хотя возможно, что в чувашский язык эта частица проникла из какого-то другого тюркского языка.

го склонения существовали в сарарском до XVII – XVIII вв., о чем свидетельствуют фольклорные тексты²⁴³.

При допущении И.П. Павлова, что чувашские деепричастия на *-san*, *-sassän* восходят ко 2-му лицу древней условной формы на *-sa*, оставаясь в неясном соотношении этого *-sa* и деепричастного *-sa*, которое, как считает И.П. Павлов, имеет тот же источник происхождения.

Генетическую связь между формами *-sa*, *-sar* и *-san* усматривает О. Прицак /211, стр. 283/, который полагает, что *-n* в чувашском *-san* – показатель «Individualis».

Деепричастие на *-ušän/-üšän*²⁴⁴

Это деепричастие "выражает действие, во время совершения которого попутно совершается другое действие" /74, стр. 267/: *Es kajüşän ma raža kær* 'Уходя, зайди ко мне'.

По мнению В.Г. Егорова /42, стр. 490/, форма на *-ušän* представляет собой инструментальный падеж отглагольных имен на *-ušä*²⁴⁵. Н.И. Ашмарин /14, стр. 267/ также сближает деепричастие на *-ušän* с отглагольным именем на *-u*, *-ü*, но аффикс *-šän* оставляет без объяснения. Гипотеза В.Г. Егорова нам кажется весьма правдоподобной²⁴⁶.

Отглагольные имена на *-uшä* ~ чув. *ušä* в некоторых тюркских языках до сих пор выступают как *Nomen agentis* и употребляются с аффиксами лица.

²⁴³ Любопытно отметить, что аффикс *-señ* в сознании говорящих, по словам Э.Р. Тенишева, уже не содержит в себе никакого понятия лица /1 стр. 39/.

²⁴⁴ Известен и вариант этого аффикса *-ušäm*, например: /15, XIII, стр. 20/.

²⁴⁵ И. Бенцинг /176, стр. 744-745/ также усматривает в *-n* аффикс инструментального падежа; *-uš* он сближает с тат. *-yač*, однако признает, что *a* непервого слога в чувашском не превращается в *u*. В татарских говорах отмечено деепричастие на *-yačän < -yač + -(ə)n*. На основе чувашской формы на *-ušän* восстанавливается более древнее **-yušän*. Теоретически такая форма допустима, однако нам пока не удалось отыскать примеров, подтверждающих ее существование; ср.: М. Ряснен /221, стр. 12-13/: *-šän < ? ča-ruñ*.

У татар Западной Сибири (тобольский говор) /134, стр. 60/ отмечены формы типа *kajitšän*, синонимичные форме на *-šäš* в татарском литературном языке, где *-än* также, несомненно, показатель древнего инструментального падежа.

²⁴⁶ В чувашских говорах Башкирии Н.П. Петров отметил формы типа *kajun*, *kilün*, синонимичные *kajüşän*, где *kaju* – имя действия, а *-n* – показатель инструментального падежа /79, стр. 164-165/: *Kajun-kilün kær tužär ерә хәнәпа jalanax xavas* 'Когда пойдете и когда возвратитесь, заходите, мы гостю всегда рады' /79, стр. 165/.

Так, в карачаево-балкарском языке И.Х. Урусбиев /137, стр. 123-124/ относит форму на *-iwču* к спрягаемым формам: *Saça išanmajta, köbüsüne abdal köjuwčusa* 'Не надеюсь на тебя, ты часто обманываешь'.

То же явление отмечено В. Хангильдиным для татарского языка /145 стр. 251/247.

В большинстве тюркских языков отглагольные имена на *-uwči* выступают как обычные существительные. Например: чув. *kəwšə* 'пастух', *wəševšə* 'пилот', кбал. *saıwču* 'продавец', узб. *jəziwči* 'писатель'.

Структурно-семантическая параллель к чувашской форме на *-ušän* обнаруживается в марийском языке, где имеются деепричастия одновременного действия на *-šäla (-äšla)* и *-šän*. Показатель первого из них восходит к суффиксу активного причастия на *-še* и падежному суффиксу *-la*, сравнительное значение которого развилось из общенаправительного: *toläšäla > toläšla* 'во время прихода' /29, стр. 174-175/.

Суффикс *-šän* /29, стр. 176/ восходит к тому же причастному суффиксу *-še* и суффиксу древнемарийского инструктива: *rušäšän* 'войди'.

Примечательно, что чувашское деепричастие *kajüşän* 'во время пути туда', 'во время ухода' имеет параллельную форму *kajušlc* /15, VI, стр. 4/. Аффикс *-la/-le* выступает и в слове *taväräšla* 'при возвращении' /10, стр. 327/248. Чувашское *tavämäšla* Н.И. Ашмарин закономерно сопоставляет с татарской формой на *-äšli*, *-äšli*²⁴⁹ типа: *baräšli*²⁵⁰ 'по пути', 'мимоходом', 'попутно', 'проездом'; *kiläšli* 'по пути', 'мимоходом', *ütär kitäšli* 'проездом', 'заездом'; 'при уходе', 'при отъезде', *kajitšli* 'попутно', 'возвращаясь'. В говоре параньгинских татар Н.Б. Бурганова /27, стр. 115/251 отмечает деепричастие на *-äšli* от глаголов *bar*, *kit*, *kajt*, *töš*, *män*: *Klubtan kajitšli bəgä kær* 'Когда будешь возвращаться из клуба, заходи к нам'; в инзерском говоре башкирского языка встречается "наречие" на *-äšlaj*: *kiläšlaj kərdəm* 'я зашел тогда, когда шел сюда'.

Деепричастие на *-atšän/-etšän*

Эта деепричастная форма встречается в верховых говорах /10, стр. 343/252. По значению она синонимична деепричастию на *-ušän/-üšän*:

²⁴⁷ См. также: /128, стр. 324-325; 87, стр. 303/.

²⁴⁸ Ср. также чув. (говорящий бывшего Козьмодемьянского уезда) *kajäšla* 'во время пути', *kiläšle* 'во время прихода', *taränäšla* 'во время возвращения' /10, стр. 390/.

²⁴⁹ В говоре чистопольских мишарей /76, стр. 174-175/ встречаются в том же значении формы: *baruwäšli*, *kat'uwäšli*.

²⁵⁰ Об аффиксе *-li/-li* см.: /76, стр. 119/.

²⁵¹ См. также: /96, стр. 359/.

²⁵² Н.И. Ашмарин отмечены также формы *kəretšän* 'при входе' /15, VII, стр. 270/ и *kiletšän* 'по пути сюда' /15, VI, 215/, где представлен вариант аффикса *-etšän* (*š/š* или *š < š* после твердого согласного, вернее, после сочетания: гласный заднего ряда + согласный).

Kajatšän-kiletšän kərse tux 'Когда идешь туда и когда возвращаешься, захаживай' /14, стр. 268/.

По мнению В.Г. Егорова /42, стр. 291/, которое оспаривает И.П. Павлов /74, стр. 268/, это деепричастие образовано из формы 3-го лица настоящего времени на *-at/-et* и послелога *-šän/-šän*.

Нам кажется более достоверным, что это чувашское деепричастие следует сопоставить с татарским (мишарским) деепричастием на *-račtān/-gāčtān* /76, стр. 67, 75, 175, 208-209/, т.е. чувашское *-atšän < *ašän < -raštān* 253. Деепричастие на *-račtān* отмечено и в башкирских говорах /24, стр. 144/.

Аффикс *-račtān, -račtan* (и его варианты) является сложным: *-rač* аффикс деепричастия, распространенного во многих тюркских языках (например, татарском, башкирском, узбекском, уйгурском, караимском (на *-račox*), сарыгюгурском) и *-tān (< -tān)* — аффикс аблатива.

Деепричастие на *-iččen*

И.П. Павлов /74, стр. 260-261/ показывает, что деепричастие на *-iččen* выражает дополнительное действие, до совершения которого происходит главное действие. Деепричастие на *-iččen* имеет временное значение: "тех пор пока", "до того как". Иногда оно передает сравнение. Например *Vəzene xər rəiçčen vətənə uranə rərşə jaračər* 'Чем выдать свою дочь за них, лучше выдам за лесного медведя' /74, стр. 261/.

Наряду с деепричастием на *-iččen* употребительна в том же значении форма на *-aččen/-eččen*. Н.И. Ашмарин /10, стр. 315/ указывал на семантическое различие этих форм. Однако в "Синтаксисе" /14, стр. 32/ он отмечает, что разница в употреблении обеих форм, существовавшая прежде, теперь исчезла.

Что касается происхождения формы на *-iččen*, то Н.И. Ашмарин, а вслед за ним и В.Г. Егоров /42, стр. 487/ возводили ее к причастию возможности на *-i* и послелогу *čen* 'до'. Форму на *-aččen* Н.И. Ашмарин /стр. 315/ рассматривал как деепричастие на *-a/-e* с послелогом *čen*. И. Бенцинг /176, стр. 744/ полагал, что суффикс *-čen* идентичен с послелогом *čen* 'до', образование же в целом он считает неясным, хотя раньше /177, IV, стр. 449/ объяснял форму на *-i* из *-gū > -ə* + possessivnyj суффикс, т.е.: **jet-gū > šitə + -i*.

253 К изменению (метатезе) *št > tš* ср. *kš > šk* в чувашских формах отглагольного имени на *-maškān/-maššän*.

254 О происхождении аффикса *-rač* см.: /108, стр. 140; 221, стр. 190; 64, стр. 300-301/.

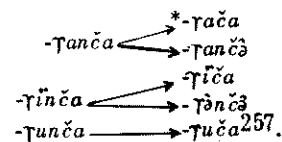
Монгольские параллели аффикса *-rač* приведены у Н. Поппе /207, стр. 277-278/. Деепричастие на *-rač* генетически тождественно с отглагольными именами на *-rač/-geč, -rič/-gič, -ruč/-gūč, -kač/-keč* и т.п. выступающими в современных тюркских языках с семантикой носителя процесса, орудия и т.п.

М. Ряснен /221, стр. 195/ возводит *puł-at'ı'šən* к **bola-tegin*, а *puł-it'ı'šən* к **bolaju-tegin*, но в той же работе он трактует это деепричастие иначе /221, стр. 73/: *šitččen < *jetgū + čen*.

Вероятно, чувашское деепричастие на *-iččen (-aččen)* целесообразно сравнить с соответствующими деепричастиями в других тюркских языках.

Прежде всего обратимся к данным татарских диалектов. Так называемое предельное деепричастие в татарском литературном языке образуется от основы глаголов при помощи аффиксов *-rančā/-gānčā, (-kančā/-kānčā)*. В качестве отрицательной выступает форма на *-mičā/-mičā* 255. В говоре татар Куйбышевской области зарегистрированы такие варианты этой формы, как *-mičā, -mičā, -mičān*. В татарских говорах на территории Мордовской АССР /76, стр. 115/ отмечено деепричастие на *-rānčā/-gānčā, -kānčā/-kānčā*. У мишарей Пензенской области употребляются формы: *-rānčāk/-gānčāk* 256, *-rānčā/-gānčā, -ginčā*, у тебризских татар: *-rīnča, -ranīnča*, у барабинцев: *-rānčā/-gānčā, -rančā/-gānčā*, в говорах томского диалекта: *-rānčā, -rānčāk/-gānčā, -gānčāk, -rānčā, -rūnčā/-ginčā, -gūnčā*.

Сопоставление всех этих форм позволяет восстановить следующие основные варианты аффикса предельного деепричастия: *-rančā/-gānčā, -rīnča/-ginčā, -rūnčā/-gūnčā* и наметить их последующие трансформации:

Все эти формы и их фонетические варианты представлены в современных тюркских языках:

- rančā, -ranša* — караим. крым., каз., ккал., ног., баш., узб., алт., шор.;
- rūnčā* — караим. трак., узб., алт. диал.;
- rīnčā* — алт. диал.;
- rānčā, -rānčā* — кбал., тат., баш. диал.;
- ričā* — ног. диал.;
- ričā* — уйг., кир.;
- rīčē* — тув.

В тюркских языках юго-западной группы выступает аффикс **-inča(k)* /**-inja(k)* и его варианты, т.е.:

255 Вариант этой формы *-mičā/-mičā* служит отрицанием для деепричастий на *-a* и *-p*.

256 Ауслаутный *-k* в аффиксе *-rānčāk*, вероятно, возник из частицы *ok, ök*, ср. деепричастия на *-račox*, например, в армяно-кыпчакском.

257 В основе этих деепричастных форм лежит отглагольное имя на *-r(V)n/-n* (возможно и *-ru*) с падежным суффиксом *-čā* /108, стр. 137-138/.

тур. - *in̄ja*
азер. -*in̄ja*
гаг. -*in̄ja(k)*
туркм. -*in̄ca*

В кубинском диалекте азербайджанского языка встречается деепричастие на *-in̄jan/-in̄jan*. В караево-балкарском языке И.Х. Урусбиев /137, стр. 81/ зарегистрировал вариант *-in̄čän (-in̄čün)*, Л.А. Покровской отмечено гагаузское диалектальное *-jā:n*.

Таким образом, наряду с **-in̄ca(k)/-gänčä(k)* может быть восстановлена форма **-in̄čän* и **-in̄čün*, **-in̄čän* и **-in̄čün*, где *-n* — показатель инструментального падежа²⁵⁸. Чувашские деепричастия на *-iččep* и *-aččep* возможно, восходят к этим гипотетическим формам, при этом *-iččep*²⁵⁹ < **-in̄čep-n* < **jən-čep-n*. Возможно также, что вариант *-iččep* — результат контаминации двух деепричастных основ: положительной на *-iččep* и отрицательной типа татарской диалектальной *-mičän, -mičä*, которая несомненно восходит к отрицательной форме деепричастия на *-i, -ij*. Аффикс *-čep* мог быть впоследствии отождествлен с синонимичным послелогом *čep* 'до'.

Деепричастие на *-masseren/-messen*

Это деепричастие имеет временное значение: "каждый раз когда", "всякий раз как". Оно образовано из отглагольного имени на *-ma/-me* и послелога *seren* (ср.: Ашмарин /10, стр. 315/).

В пользу этой гипотезы Н.И. Ашмарина свидетельствуют сундырские формы типа *kajmaksärän* 'каждый раз, как пойдет'²⁶⁰ (*kajmak + särän*).

По семантике чувашской форме на *-masseren* соответствуют тат. и баш. *çan sajän (hajän)* 'всякий раз когда'.

Менее вероятным представляется предположение В.Г. Егорова, согласно которому аффикс *-masseren* следует разлагать на *-mas* (аффикс отрицательной формы причастия будущего времени) и послелог *seren*.

Деепричастие на *-nəšet/-nəšet*

Это деепричастие является новообразованием: оно состоит из причастия на *-nəš/-nəš* и послелога *šetän* > *šet* 'по мере'. Послелог *šetän* представляет собой форму инструментального падежа от слова *šet, šetän* 'напев', 'мелодия', 'строй', 'лад'.

В удмуртском языке есть послелог *šatən* 'по', который, по мнению Б.А. Серебренникова /122, стр. 371/, является формой творительного па-

²⁵⁸ В *-čän* представлены два лативных аффикса: *-čä + -n*, как в *-da-n*. — Прим. отв. ред.

²⁵⁹ В аффиксе *-čep* мы ожидали бы *č > š*, но *č* в сочетании *nč* мог удержаться, ср. чув. диал. *xänča* 'когда', *konča* 'голение'.

²⁶⁰ Ср. у Н.И. Ашмарина /14, стр. 31/: *vəl kajmaksajran* 'каждый раз как он уйдет'.

дежа слова *šat* 'привычка', 'обряд'; в марийском — *semən* 'по', 'подобно'. Как отмечает М.Р. Федотов /118/, и марийское, и удмуртское слова заимствованы из чувашского²⁶¹.

Деепричастие на *-nəšet/-nəšet* имеет временное значение «по мере того как...»: *Kaš puñnəšet, vätana saşə kajaš xitətax* 'По мере того как наступает вечер, звук все сильнее и сильнее раздается по лесу' /14, стр. 38/.

Деепричастие на *-nəšet* может употребляться в сочетании с различными формами глагола в изъявительном наклонении. В этом случае оно выражает нарастающий характер действия: *Vərennəšet vərənşe piččəđ* 'Пусть они учатся все больше и больше' /14, стр. 38-39/.

Деепричастие на *-nəranpa/-nərenpe*

Это деепричастие также относится к новообразованиям. В его основе лежит форма исходного падежа причастия на *-nə/-nə* с послелогом *-pa/-pe* 'с', который в современном языке осознается как аффикс инструментального падежа. Деепричастие на *-nəranpa/-nərenpe* — это деепричастие времени со значением «с тех пор как...», «со времени как»: *Erə äna kutənranpa nitaj vəxət irtä* 'С тех пор как я его видел, прошло много времени' /74, стр. 266/.

В этом же значении в других тюркских языках выступает причастие в исходном падеже с послелогом *bäri, birä* и т.д. Это дало повод И. Бенциггу /176, стр. 734/ усматривать в чувашском *-pa/-pe* имя *bä:ri*, ср.: как *pe:ri* 'сюда', 'по эту сторону'; др. тюрк. *be:ri* 'сюда'²⁶².

Деепричастие на *-kaš/-kač*

В чувашских говорах Башкирии /79, стр. 166 и 185/ отмечена деепричастная форма на *-atərkəš/-etərkəš* с условным (> уступительным), реже временным значением: *Kurətərkəš üsa tīran* 'Видишь, а/еще/спрашиваешь'; *Kiletərkəš man šinčen šapla kalat* и 'Хотя я и пришел, обо мне он так говорит'.

По данным диалектолога В.В. Максимова /79, стр. 185/, аффикс *-atərkəš* образует деепричастия от любой глагольной основы и выступает в двух сингармонистических вариантах (с гласными переднего и заднего ряда). Аффикс *-atərkəš* — сложный, он восходит к аналитической конструкции: деепричастие на *-a/-e* + слово *tərkəš < tərkač*, которое Н.И. Ашмарин /15, XIV, стр. 320/ именовал приставкой к словам *kura, lara* и т.д.²⁶³

²⁶¹ Слово *šet* пока не имеет на тюркской почве надежной этимологии; ср.: коми *s'am* 'характер', 'нрав', 'поведение', 'склад /характера/'; бур *s'amən ovni* 'жить по-хорошему'; *čel'ad s'amən* 'по-детски'.

²⁶² *Be:ri* < *b-e-ni*, где *-ni* — аффикс директива, а *b* — элемент, возможно, генетически близкий к *b* в *bu*, ср. туркм. *añi* 'туда' < *añarñ*, где **an* местоименная основа.

²⁶³ См. также: /14, стр. 13-15/.

На самом деле *târkaç / târkaş* — деепричастная форма на *-kaç* от глагола *tâz* 'стоять', 'находиться', 'пробыть', который в конструкции *-a + târkaç* передавал постоянный, длительный характер действия; ср., например: *Şije-târkaçax naçarlanşa kara* 'Постоянно ел, но все равно исхудал' /15, XIV, стр. 320-321/; *Işe-târkaç alâşem xâparasâ kajraş* 'Гребя, руки опухли' /15, XIV, стр. 320/; *Kala-târkaçax şapla tura* 'Все время твердели, однако сделал так' /15, XIV, стр. 320/.

Н.И. Ашмарин форму на *-a târkaç* считал пережиточной, хотя указывал, что, видимо, в некоторых северных говорах она встречается гораздо чаще, чем в других, почти как обычная грамматическая форма /14, стр. 14/. Однако чувашскими диалектологами она как будто зарегистрирована только в чувашских говорах Башкирии. Пометы в словаре Н.И. Ашмарина, к сожалению, также не позволяют локализовать эту форму. Лишь в одном случае она отмечена в деревне Средние Юмаши Урмарского района.

Деепричастие на *-kaç/-kaş* имеется в татарском и башкирском языках²⁶⁴, носители которых имеют тесные контакты с чувашами. Но более вероятным источником для всех тюркских языков Поволжья являются кыпчакские диалекты. Об этом свидетельствует наличие деепричастия *-kaç/-yaç* в караимском языке /87, стр. 301/ и армяно-кыпчакских текстах /226, стр. 113/. Примечательно, что в чувашском, татарском, караимском и армяно-кыпчакском деепричастие на *-kaç/-yaç* часто употребляется с эмфатической частицей *ok/uk/ax*: чув. *kura-târkaçax* 'видя'; тат. *jazyaçuk* 'сейчас же после писания'; трак. *çixkaçok* 'как только вышел'; ар. кып. *kelgaçox* 'как только пришел', причем в караимском и армяно-кыпчакском *-yaçox* рассматривается как сложный деепричастный суффикс.

Фонетически аффикс *-kaç/-yaç* выглядит в чувашском языке новым образованием, так как для чувашского ожидалась бы утрата гуттуральной (ср. этимологию деепричастного аффикса *-alâşn*, выше, стр. 108).

Аффикс *-yaç* генетически, вероятно, тождествен аффиксу *-yaç* в именах с орудным значением (ср. причастные и словообразовательные аффиксы *-yak*, *-yur* и т.д.). Этот последний в чувашском языке представляется как *-aş* (см. аффикс *-kâş*, ниже, стр. 156).

ИНФИНИТИВЫ (СУПИНЫ)

В чувашских грамматиках (например: /74, стр. 212 и сл.; 95, стр. 2 и сл.) к инфинитивам относят отглагольные формы на *-та* и *-таşkân*: *pâlme* 'знание — знать', *pâlmeşkân* 'знать', 'чтобы знать'. При этом форму на *-та* обычно возводят к более архаичной форме на *-tak/-mek*, выступающей в качестве инфинитива во многих тюркских языках /10, стр. 74, стр. 213; 108, стр. 101 и т.д./ Генетическая связь отглагольных имен на *-та* и *-tak* несомненна /221, стр. 134; 61/. Форма на *-tak* скорее всего

²⁶⁴ Деепричастие на *-kaç* распространено во многих тюркских языках и диалектах (см.: /221, стр. 189-190/; кроме указанных здесь, также во многих говорах сибирских татар и в языке желтых уйгуров).

представляет собой отглагольное имя на *-та* в направительном падеже (формант *-k*)²⁶⁵. Инфинитив на *-та* отмечен в караимском языке /87, стр. 294 и сл./, в говоре каринских и глазовских татар /76, стр. 41-42/, армяно-половецком /40, стр. 378; 183, стр. 21/. Примечательно, что в армяно-половецком отмечено параллельное существование двух форм: на *-tak* и на *-та*, при этом первая, по мнению Ж. Дени, скорее является именем действия. Поэтому мы не склонны рассматривать форму на *-та* как усеченный инфинитив, т.е. *-tak > -та*²⁶⁶. Тем более это в чувашском языке наличествует и форма на *-tak*, которая в сочетании с послелогом-аффиксом *-şân* образует форму на *-takşân* (говоры) ~ *-taşkân* (литературный язык), по значению близкую к супину. Форма на *-tak* выступает в сундырских говорах и с послелогом *seren*: *kajmaksârân* 'каждый раз, как пойдет'²⁶⁷.

НАРЕЧИЯ

Неизменяемые слова, функционирующие в качестве определителей к трибутивам и предикативам, неоднородны по своей структуре. Часть из них пока не поддается морфологическому анализу. Вторая группа представляет застывшие падежные формы имени²⁶⁸. Сюда относятся прежде всего наречия на *-ân/-эн*, являющиеся по происхождению формой древнего инструментального падежа, и наречия на *-la/-le*, восходящие к общетюркским формам на *-la/-le* с широким обстоятельством значения сравнительно-уподобительным, временным и т.д.)²⁶⁹. Как наречия функционируют также формы современных пространственных и творительного падежей некоторых имен (в том числе местоимений)²⁷⁰.

²⁶⁵ Структурные параллели обнаруживаются в новообразованиях(?) на *-ага* < *-ag + -га*, *-тага* > *-та*: , выступающих в значении инфинитива в ряде тюркских языков. Об этимологии аффикса *-tak* см.: /221, стр. 134; 179, стр. 254; 108, стр. 101; 61, стр. 275-277; 123, стр. 69-70; 200, стр. 133-135/.

²⁶⁶ Существует также предположение, что чувашское *-та* < **-тага*, где *-а* — аффикс дательного-направительного падежа.

²⁶⁷ См. также: *vâzene kutax...* 'глядя на них...', *kajmaxra* 'прихождении', *kuras kilmexre* 'когда хочется видеть', отмеченные в словаре Н.И. Ашмарина /15, VI, стр. 4, 206 и 315/.

²⁶⁸ Некоторые наречия по структуре являются "деепричастными" формами".

²⁶⁹ См. также разделы "Инструментальный падеж" и "Остаточные падежные формы" (выше, стр. 27 и 28).

²⁷⁰ См. об этом: /74, стр. 284-287/, где охарактеризованы и некоторые другие типы наречных образований.

Наречия на -ɨn/-ɨn

Аффикс -ɨn/-ɨn восходит к аффиксу древнего инструментального падежа ²⁷¹ -in/-in. Наречия на -in/-in встречаются и в других тюркских языках, как правило, со значением времени или образа действия. Например, А.Н. Кононов /56, стр. 284/ отмечает для турецкого языка такие формы, как *jazın* 'летом', *kışın* 'зимой', *ilkın* 'сначала', *için için* 'внутри', 'тайно' и т.д. В караимском языке имеются наречия: *kūzın* 'осенью', *jazbasın* 'весной' и т.д., в башкирском: *əzələn* 'взаправду', *kəşən* 'зимой' и т.д., в туркменском: *оупн* 'секретно', 'тайно', *јүди* 'плашмя', 'ничком' и т.д.

Наречия на -la/-le

К этой группе прежде всего можно отнести наречия с временным значением типа: *şarle* 'ночью' < *şar* 'ночь'; *xalle* 'зимой' < *xal* 'зима', *kunla* 'подневно' и т.д. ²⁷²

Аффикс -la/-le в этих наречиях, по-видимому, генетически однороден с тюркскими -la/-le в *taqla*, *öjle* < *ödle*, *ünle* и т.д. ²⁷³. Например: *ku taqda* 'завтра', осм. *öjlä* 'полдень', 'время обеда', тат. *önlä* 'ночью полов. *ünla* ²⁷⁴ то же.

Наречия с аффиксом -la/-le имеют также сравнительно-уподобительное значение: *açalla* 'по-детски', *kajakla* 'по-птичьи', *şaralla* 'на босую ногу', *xakla* 'дорого' и т.д.

По семантике с ними сходны башкирские наречия типа: *balajaj* 'по-детски', *açawdaj* 'по-медвежьи', *köştaj* 'по-птичьи' ²⁷⁵. Этот же аффикс находим в караимском языке: *çipdilej* 'как птица', *otlaj* 'как огонь'. Примечательно, что караимские наречия с аффиксом -laj/-lej имеют и временную семантику: *ünlej* 'ночью', *tanbiları vaxtlej* 'в утреннее время'.

В кумыкском языке -laj/-lej входит в состав сложного аффикса -la/-lejin ²⁷⁶: *almalajın* 'как яблоко'.

²⁷¹ Подробнее о чувашских наречиях этого типа см. выше, стр. 27.

²⁷² Подробнее см.: /74, стр. 283/.

²⁷³ Ср. В. Банг /174, стр. 95-96/, по мнению которого -la/-le — именной суффикс с инструментально-адвербиальным значением.

²⁷⁴ Ср. также П.М. Мелиоранский /82, стр. 83/: *دونله* 'ночью', *دا نكله* 'утром'.

²⁷⁵ Башкирские -daj/-laj/-taj Н.К. Дмитриев /37, стр. 115/ проистекает из *dek* > *dāj* 'до', 'вплоть' и связывал с татарским -ləj/-ləj. Нам эта этимология кажется очень спорной, хотя контаминация (особенно значимая) *dej/dek* и *-lej/-laj* возможна.

²⁷⁶ В. Банг /174, стр. 96/ усматривает в аффиксе -lajın инструментальный падеж деепричастия на -и, образованного от отыменного глагола на -la/-le. Иначе считает А.Н. Кононов /56, § 601/: -le (аффикс отыменного глагола) + -(j)in (аффикс древнего деепричастия).

По мнению Н.К. Дмитриева /38, стр. 91/, фонетическими вариантами аффикса -laj/-lej являются аффиксы -daj, -taj, -naj: *ajuwdaj* 'по-медвежьи', 'как медведь', *adamdaj* 'по-человечески', 'как человек', *taştaj* 'как камень'.

Аффикс -laj/-lej со значением сходства, подобия, сравнения, способа образа действия имеется и в карачаево-балкарском языке: *malkarıljaj* 'как балкарец', 'подобно балкарцу', *açələj* 'деньгами' и т.д.; ср. также татарский аффикс -laj/-ləj, -ləj/-ləj: *tırələj* 'живьем'.

В языках юго-западной группы наречия с аффиксами -laj/-lej встречаются спорадически: туркм. *jüdlej* 'поверхностно', 'медко', но более употребительны формы с аффиксом -lajın/-lejin: тур. *gecelejin* 'ночью', туркм. *waçılajın* 'временно'.

В чувашском языке аффикс -la/-le иногда имеет и собирательно-разделительное значение: *pusla* 'по копейке', *sakkärta* '(сплетенный) в восемь (пряж)'.

Некоторые наречия, соотносительные с формами современных пространственных падежей

К этой группе прежде всего относятся наречия типа: *şüle* 'вверх', *şäle* 'наверху', *şala* 'внутри', *şalta* 'внутри', *şaltan* 'изнутри', *kaşa* 'к вечеру', *kaşalla* то же ²⁷⁷ и т.д., представляющие собой формы пространственных падежей от имен. К этой же группе принадлежат местоименные наречия *kunla*, *kunlan*, *kunalla* и им подобные, аналогичные первым по своей структуре.

Более интересны наречия типа *şurkunne* 'весною', 'весна', *vişmine* 'послезавтра', *irşine* 'утром'.

Наречия *şurkunne* и *kärkunne*, видимо, представляют дательный падеж сложных слов, возникших из именных словосочетаний: *şur kun* 'весенний день' > *şurkunəne* > *şurkunne* 'весной' (ср.: *xar* 'его дочь', *xäte* 'его дочери'). Примечательно, что это слово чаще выступает как субъект действия: *şurkunne puşlanat* 'пуşä ujäxänçe' 'весна начинается в марте' /15, XII стр. 255/.

Такая "лексикализация" падежной формы наблюдается и в других тюркских языках. Например, якутское *kihin* 'зима' — это форма старого инструментального падежа от *kis* 'зима'; др. тюрк. и т.д. *erte* 'утром', 'утро' — форма местного падежа от *er* 'утро', 'рано' и т.д. Возможно, и тюркское *keä* ²⁷⁸ 'ночь', 'вечер' — дательно-направительный падеж от *keä* 'поздно', 'вечер', ср. чув. *kaś*.

Сходную структуру имеют наречия: *kaşşine*, *kaşine* 'вечером', 'ночью', *vişmine* 'послезавтра', *tävatmine* 'на четвертый день', *irşşine* 'наутро', *malaşne* 'вперед' и т.д., восходящие к *kaś*, *vişəm*, *tävaşam*, *ir*, *malaş* + -i

²⁷⁷ Любопытна форма *kaşalanala* 'к вечеру' /15, VI, стр. 142/, где выступает двойной аффикс направительного падежа: -ala + -(n)ala.

²⁷⁸ Сюда же относится баш. диал. *ionä* 'давеча'?

или *-ša*²⁷⁹ + *-ne* (аффикс дательного-винительного падежа). Аффикс принадлежности 3-го лица *-i* // *-šə* в данном случае указывает на связь контекстом в широком смысле слова.

Близки по структуре к предыдущему типу и наречия на *-xine*: *kašine* 'вечером', *iŋxine* 'утром', *šulxine* 'в год', где представлен тот же дательный падеж от формы на *-xi*: *kašxi* ('вечерний') > *kāšxine*²⁸⁰.

Наречия на *-laša*²⁸¹

Как справедливо указывает Н.П. Петров /79, стр. 166/, аффикс *-la* составной и восходит к *-la* (аффикс отыменных глаголов) и *-sa* (аффикс деепричастий). Некоторые наречия на *-laša* не имеют соотносительных глагольных основ и поэтому аффикс *-laša* правомерно считать аффиксом образования наречий от имен²⁸². В чувашском языке наречия на *-laša* относятся к новообразованиям. Структурную параллель к ним составляют татарские, башкирские, узбекские и т.д. наречия на *-lap* (ср.: чув. диал. *parlaša* 'парами' — тат. *parlap*; *ēnlaša* 'всерьез', 'действительно' — тат. *ēnlap* 'всерьез', 'взаправду').

ПОСЛЕЛОГИ

К послелогам мы относим две группы образований.

В первую входят слова, представляющие собой изолированные отыменные и отыменные образования, которые служат для выражения различных синтаксических отношений (пространственных, временных, притяжательных, целевых и т.д.).

Вторую группу составляют имена, функционально тождественные первым. Это имена с пространственным и временным значением, формально часто в грамматиках эту группу слов называют служебными именами.

²⁷⁹ Ср.: *əlakši kun* 'вчера' и *əlakšə*, где имеем тот же аффикс *-šə*.

²⁸⁰ Примечательна структура наречия *kajranxine* 'наконец': < *ka* (аффикс принадлежности 3-го лица) + *-xi* (формообразующий аффикс) + *-ne* (аффикс дательного-винительного падежа).

²⁸¹ Отмечены главным образом в говорах чувашей Башкирии /79, стр. 166-167/.

²⁸² Интересна форма *irkkanleše* 'на просторе', где *irkkan* 'привольный' — застывший инструментальный падеж от *irək* 'воля'; *irleše* 'утреню порою', *ujəxlaša* 'помесячно' /15, III, стр. 188/; *vunnalaša* 'десятками' /15, III, стр. 416/; *təvat-pilək šullaša ep te unta purānīlām* 'и я ж там около четырех или пяти лет' /15, XII, стр. 212/, *iršalatša* 'целыми кузовами' /15, III, стр. 68/.

Характерно, что среди тюркских послелогов редко встречаются такие, которые были бы известны всем или большинству тюркских языков. Видимо, большинство современных послелогов сравнительно новые образования, сформировавшиеся в отдельных ареалах тюркских диалектов. Это понятно, так как употребление, вернее, возникновение многих послелогов связано с перестройкой общетюркской падежной системы. Сокращение числа пространственных падежей, утрата некоторыми падежными формами полифункциональности вызвали необходимость в уточнителях-послелогах. Возможно, некоторые прежние послелоговые формы перешли в аффиксы. В этом смысле показательна судьба общетюркского *ıbın* в чувашском языке, возможно, *siž/siz* в большинстве тюркских языков и т.д.

Примечательна и еще одна особенность в образовании послелогов: нередко разные тюркские языки используют в качестве послелогов различные глагольные и именные образования от тождественных исходных основ.

Из чувашских послелогов к общетюркским (межтюркским) можно приписать следующие послелоговые формы:

kuta 'смотря, по' < *kur-* 'смотреть', 'видеть' + *-a* (аффикс деепричастия) ~ кир. *kōtō*, уйг. *kōā* ккал. ног., кбал. *kōre*, караим. *kōra*, *kere*, кат. *koru*, кум. *göre*, баш., тат. *kūrā*, гаг. *gōrā*, азерб. *g'ōrā*, туркм. *gōrā*;

xirās 'против' < *karš-* + *-i* ~ чув. *xirās-* 'противиться', 'артачиться', 'перечить' ~ азерб., туркм. *karši*, кум., гаг., бараб. *karši*, баш. *karšə*, каз. *karsə*, кбал. *karšəi*;

pek 'как', 'подобно', диал. *kep*, *kap*, *pak* < *kāp* 'образ', 'выкройка' ~ узб. *kābi*²⁸³, туркм. *kibi*, *kimin*, караим., кбал. *kibik*, кат. *kibi*, тат. *kəbək*, кум. *jinik*, баш. *kəwak*, гаг. *gibi*, азерб. *kimin*.

Несколько чувашских послелогов имеют соответствия в одном или нескольких тюркских языках (главным образом кипчакской группы):

uŋə, *orlā* 'через', 'поперек' < **arī* < **arkīli* ~ кир. *arkīli*: 'через', 'посредство', узб. *arkali*, уйг. *arkilik*, каз. *arkälä*, баш. *arkārə*, тат. *arkälä* 'поперечный', 'через', 'поперек' < **arkī* (ср.: кир. *arkī* 'по-двусторонний', 'дальний', *arkī terki* 'крест-накрест'), тат. *arkälä-ürkälä* 'крест-накрест', др. тюрк. (А. Габэн) *arkutu-turkutu* 'вкривь и вкось', *arku* 'quergehen' (по С.Е. Мазову /70, стр. 360/: деепричастие?);

pula 'благодаря' < *pul-* 'стать' ~ тат. диал. *bula* 'ради', 'из-за', баш. диал. *bula* 'из-за', саалар. *vul*, *vule*, *pule* 'из-за', уйг. *bola* 'ради', 'для', /153, стр. 197/: *bola* 'из-за';

teri 'до', тат. диал. (мордва-каратаи) *tān* 'до'; ср.: караим. *trik der'a*, гаг. *deri* 'до', кбал., ног. *deri*, СС: *dejri*, *degrī* 'до', кир. *dejre* 'до', хак. *tegre*, баш. кубалак. *tarə*, *tārə* 'до' /153, стр. 194/: *tegrī* 'до'; возможно, < **degrī* < **degrī* < **degrī*, ср. тур. *dejir-* 'дать достигнуть', 'доставить', 'заставить касаться' (см. /230, стр. 107/);

²⁸³ Библиографию см.: /56, § 670/.

xiça: *kın xiça* 'целый день', тат. *tön kata* 'всю ночь', *köz kata* 'осень', *jaz kata* 'все лето', *kış kata* 'всю зиму', *kön kata* 'весь день', кир. *joldu kata* 'всю дорогу', *tün kata*, *tün kaıp* 'всю ночь', 'ехать всю ночь', каз. /55, стр. 210/: *tün kat-* 'ехать всю ночь', др. тюрк. (ДТС, стр. 432) *tün kat-*, где *kat-* 'добавлять', 'присоединять';

vitra, *viğar*, *vittar* 'сквозь', 'через' < *viğar* < *öç(ik)ir-* 'завить', 'проникать', 'проходить', кир. *ötkör-* 'заставить проходить' (*vit* 'проникать', 'проходить'), ср.: как. *ötare* 'сквозь', баш. *ütä* 'СС: *öte* то же, тат. диал. *ükärä* 'сквозь', *ütä* 'через', 'сквозь';

maj 'по' < **əmaj* 'сноровка', 'способ' < *uğaj*, *əğaj*, ср. кир., *ığğaj* 'благоприятные обстоятельства', 'удобный момент', 'ловкость', 'сноровка' или тат. *uğaj* 'удобный', 'приспособленный', тат. диал. *uğaj* ккал. *oğaj*, хак. *oğdaj* 'манера', 'способ', баш. диал. *əğğaj* 'после';

puşlaşa 'с', 'от', 'начиная с' — деепричастие на *-sa* от глагола *puşla-* 'начинать'. Та же самая модель в основе ктат., кум., кбал. *baslap*, ккал. *baslap* 'начиная с' (деепричастие на *-p* от глагола *başla-*); *şiti*, *şitex*, *şitüççen* 'до' < *şit-* 'достигать', 'доходить'. От этого же глагола *jet-* ~ *jet-* ~ *şit-* ~ *çit-* образованы кир. *jete*, кум. *jetgen* хак. *çitire* и тув. *çedir* 'до'.

Некоторые послелогов можно назвать собственно чувашскими, так они пока не имеют надежных параллелей в других тюркских языках:

tavra 'вокруг' < **tägrä* /221, стр. 104/, ср. А. Габэн /186, стр. 11, *tägä* 'um., . herum';

taran 'до', по И. Бенцингу /176, стр. 734/: < **tägirä-n* (ср.: /108, стр. 97/);

täräx 'вдоль', 'по', 'на основании', ср. *täräx* 'штука', 'кусок (хоста)', 'цельная холстина', 'пролет забора', 'продольный', тат. *töräk*, баш. *török*, чаг. /106, III, стр. 1453/: *tunik* 'жердь', 'эвено', МК: *tür-* 'длина';

pirki 'относительно', 'по причине' < *pirke* 'причина' /10, стр. 21, *-i* — аффикс принадлежности 3-го лица, ср. чув. диал. *pirši*, *parši* 'по причине', *şav pirkeren* 'поэтому', тат. диал. *birkäsändä* 'благодаря', 'за', 'по этой причине', мар. *par* 'отчего' (послелог);

valli 'для', возможно, из *valä* 'доля' + *-i* — аффикс принадлежности 3-го лица /10, стр. 214/; ср. также: *valät*, *vali*, *valim*, *vallät* 'для', *jevar* 'как', 'подобно' из *jevar* 'образ', 'форма', 'вид', 'подобие', диал. 'порода', 'племя', 'родня', ср. тат. диал. *jawär*, *jävär* 'род', 'томство', 'племя';

vara 'с', ср. наречие *vara* 'потом', 'после', 'позже' (мар. *vara* 'том', 'после', 'поздно'); возможно, < **örä* ~ *özä* ~ *üzä*, ср.: др. тюрк. *öza* ~ *üzä*, ног. *özek* 'потом', 'после';

kaşa 'в течение' < *kaş-* 'переходить', 'проходить (например, очи)', ср. др. тюрк. /186, стр. 137/: *käçä* 'jenseits von';

puşne 'кроме' — этот послелог по значению и структуре аналогичен общетюркскому *başka* 'кроме', который большинство исследователей трактуют как дательного-направительного падежа от слова *baş* 'голова',

начало' (см., например: /179, стр. 154/); по этой же модели в тюркских языках образовано *özge* 'другой', 'кроме' от *öz* 'сам'. В чувашском языке в дательного-направительного падеже ожидалось бы *puşa*, но ср. туркм. *başta* 'кроме' и *başa* 'голове', 'началу' и т.д.

Несколько послелогов по фонетическим и морфологическим признакам можно отнести к новообразованиям:

jaçän 'около', 'приблизительно' соответствует полнозначному имени *jaçin* 284, встречающемуся во многих тюркских языках (туркм. *jaçin*, кир. *jaçin*, тат. *jaçän* 'близко', 'около'). Судя по аналитическому *j-*, относится к неологизмам;

pörlä 'вместе', 'совместно' < **birle*, вероятно, адвербиальный падеж на *-le* от *bir* 'один'; по А. Габэн, — из *biril-e* (деепричастие от *biril-*). Слово, видимо, относительно поздно попало в чувашский язык из какого-то тюркского диалекта, так как более раннее (общетюркское?) *birle* дало *-pele*,

junaşar 'рядом', 'с' из наречия *junaşar* 'рядом' < *junaş-* 'стоять рядом' < *janaş-*, тат. *jänäşä* 'рядом', 'бок о бок', тат. диал. *janaşa*, баш. *jänäşä* 'по соседству', 'рядом', ног. *janas-* 'приближаться', 'соприкасаться' (все это производные от *jan* 'бок', 'сторона'). Чувашское *junaşar*, видимо, заимствование из какого-то кыпчакского диалекта, ср. чув. *jan* 'бок' ~ тюрк. *jan*.

Среди чувашских послелогов можно выделить группу послелогов-аффиксов (некоторые из них, как *-şän*, *-pa*, фактически уже превратились в надежные аффиксы; другие — *seren* (*saran*, *sajran*, *sejran*) 'еже', 'по', *çen* (*-ççen*) 'до', *-şem*, *şemän* 'по' — выполняют послеложную функцию и входят в состав некоторых деепричастий 285):

seren 'еже' этимологически близок к туркм. *şaj jän*, *şaj jän*, каз., ккал., кир., ктат., кбал., кум. *sajän*, тат. *sajän*, сюг. *sein*, *se:n*, шор. *sa ja*, хак. *saj* 'еже'. *Seren* < *sajran*, может быть, < *sajran*, т.е. *sajran* > *sa'an* > *se'en*, где *saj*, *sajän* — основа имени от глагола *saj-* (*sa-j-*) 'считать', а *-ran* — аффикс исходного падежа;

-çen, *-ççen* 'до' этимологически, вероятно, родствен туркменскому *çen* ~ *çenli* 'до', *şu çaka çen* 'до сих пор' (ср. также туркм. *çen* 'предположение', 'догадка', 'приблизительность' 286, кир. *çen* 'место', 'время', 'момент', 'мера');

-şemän, *-şem* 'по', 'по мере того как' (ср.: удм. *s'amän* 'по' из удм., коми *s'am* 'привычка', мар. *semän* 'по', 'подобно', 'сообразно') < *şem* 'мелодия', 'лад', 'строй' + аффикс старого инструментального падежа *-n*.

Следующая группа послелогов — это имена с пространственным значением. В формах пространственных падежей (дательного-направительного

284 В казахском и карачаево-балкарском языках есть послелог *şuwaç* и *juwaç* 'около', 'приблизительно' из *jaçuk* 'близко'.

285 См. выше, стр. 108, 116.

286 Ср.: азерб. *-jan/-jen* 'до', кир. *çejin*, каз. *šejin* 'до'.

го, направил ельного, местного и исходного) они служат для выражения синтаксических отношений.

К именам-последелогам этого типа относятся: *aj* 'низ', *ajak* 'бок', *ăš* 'внутренность', *vară* 'середина', *jen* 'сторона', *kut* 'основание', 'близость', *puš* 'начало', 'вершина', *si* 'верх', *šum* 'бок', 'рядом', 'подле', *šivăx* 'близко', *tavraš* 'окрестность', *tără* 'верх', *tal* 'место', 'противоположная сторона', *um, om* 'перед', *xušă* 'промежуток', *xış* 'вид', *xar* 'край', *tăršă* 'длина', *ul* 'внешность', *xulăx* 'промежуток'.

Среди перечисленных имен можно выделить слова, имеющие общетюркские соответствия, слова, имеющие соответствия в некоторых тюркских языках, и слова, достоверные параллели к которым пока нами не обнаружены.

1. Общетюркские имена-последелогам:

ăš 'внутренность' ~ туркм., уйг. *ič*, тат. *ăç*, тув. *ižin*; закономерно в чувашском ожидалось бы *ăç*; возможно, *ăç* > *ăš* со словами с гласным заднего ряда;

puš 'начало', 'вершина' ~ туркм., уйг., тат. *baš*, тув. *ḥaš*;

šum 'бок' ~ туркм. *ja:n*, уйг. *jan*, тув. *čan*;

tal 'место', 'противоположная сторона' ~ туркм. *dū:š*, тат. *iŋš* 'место', тув. *tuš*, кир. *uš*;

ul 'внешняя сторона' ~ туркм. *daš*, уйг. *taš*, тув. *tašū* (< *taš-ū* - як. *tas*;

um, om, iv, əv 'перед', 'передняя сторона' ~ туркм. *öñ*, тур., азерб. *ön*, др. тюрк. /186/: *ön*.

2. Имена-последелогам, имеющие соответствия в некоторых тюркских языках (межгрупповые соответствия):

vară, *var* 'середина' ~ туркм. *ö:d* 'сам', тур., азерб., кир., ног., уйг. *öz*, тат. *üz*, баш. *üç*, як. *qōs* (ср.: тур. *öz* 'внутренность', 'середина', 'костный мозг' ~ чув. *varăllă šamă* 'мозговая кость');

jen 'сторона' ~ тат., баш. *jan* и т.д.; *jen*, вероятно, из какого-то тюркского диалекта, где *jan* > *jān* (ср.: чув. *jenčäk* 'кисет' ~ тат. *jan* баш. *jansäk*, баш. диал. *jān-jak* 'окрестность');

kut, kot - в /74, стр. 317/ переводится как "основание", то же у П.И. Ашмарина /10, стр. 215/, например: *juman kutanče* 'под дубом'. Обычно это *kut* сближают с тур., гаг. *göt* 'зад', кир., уйг., МК: *köt* (в чувашском языке *kut, kot* кроме значения "основание, комель, корень дерева" передает и значение "зад"). Нам кажется, что чувашское *kut, kot* служебной функции - например: *šitta kutanče* 'у речки', *ut kutne* 'к огню' и т.д. - генетически тождественно тат. *kat*, кбал. *kat*, караим. ср. *kat*, хорезм. тюрк., *kat*, например: тат. *išäk katında* 'возле двери'; ср. *meniç katta* 'у меня';

pat 'близость' ~ балк., кум., ног., каз., ккал., кир., узб. *bet* 'лицо', 'щека', тат., баш. *bit*, уйг. *bät*, г.з.с.т. *pit* (чув. *pit* 'лицо' - из какого-то татарского диалекта);

šivăx 'близко' ~ ног. *juwîk* кум. *juwuk*, балк. *šiwuk*, тув. *do:k*, кир. *ju:k*, адг. *di:k*, др. тюрк. *javuk*, *javuk* (ср. казахский и карачаево-балкарский языки, где *šiwîk* выступает как последелог);

tavraš 'окрестность' из *tavra* (см. выше, стр. 118) + *-š(-aš)* - аффикс, прибавляемый к именам с пространственным значением; ср.: *tulaš* 'внешность' из *ul*, *malaš* 'перед' из *mal*;

tără 'верхушка', 'вершина' (связь с полнозначным словом ослаблена незначительно) ~ тур. *duruk* 'холм', 'вершина';

xış 'зад', 'задняя часть' ~ тур., гаг. *kış* 'задняя часть', азерб. *hiç* 'нога';

xar 'край', ср.: хак. *xîr* 'край', 'грань', тув., кир. *kîr*, баш., тат. *kâr* или балк. *kîjîr* 'край', 'граница', 'конец'.

3. Имена-последелогам, не имеющие пока надежных параллелей в других тюркских языках:

aj 'низ', откуда *ajal* 'нижняя часть';

ajak, ajăk 'бок', 'сторона'. В.Г. Егоров /44, стр. 38/ сопоставляет с тюрк. *jak, jak* 'бок', 'сторона', что нам кажется сомнительным по фонетическим причинам; в чувашском *ajak* можно было бы видеть более старое **ajăk, *ejek*, ср.: *ejăkŷ* 'бок', 'сторона' (МК);

si 'верх' (откуда *šinçen, šinçe, šine* и т.д.), для *si* можно было бы предположить более раннее **je, *jej, *jeg*. Г. Рамседт сравнивал его с др. тюрк. **jig, *jeg* 'лучше' **jăgŷ* 'стать лучше', ср.: *jeg* (МК) и мон. *degde-* 'подниматься'.

Нам хочется сблизить чув. *si* 'верх' с сюг. *jüz* 'верх', т.е.: *si* < *jü* + *-z* ~ *-s* - какой-то словообразовательный формант (в других языках находим: *jüz* 'лицо', 'поверхность', *üst* 'верх' < *üz* + *-t*). Ср. также *si* в чувашском *si-puš* 'одежда' ~ азерб. *üst-baş*, кир. *üst-baş*, узб. *üst-baş*, баш. *öt-baş*; чув. *si* 'одежда' ~ кир. *üst*; в чувашском *šifele tux-* 'взять верх', 'победить' ~ азерб. *üstün dîx-*, баш. *öbön sâk-* и в чувашском *šivăça, šivăç* 'лезвие' < *si* + *văç, văs* (верхний конец?)(узб. *bältaning jizi* 'лезвие топора', баш. *jöz* 'лезвие');

xušă 'промежуток' из *xuš-* 'соединять' (*xušă* 'место соединения');

tăršă 'по' (< 'длина') из *tărăš* 'длина' (< *tăräk*) (по структуре ср.: *pîršă* 'качество');

xulăx 'промежуток' из *xul* 'раз'.

В чувашском языке пока не обнаружено "служебных имен", восходящих к основам *al, ar, as*, которые распространены во многих тюркских языках: кир., туркм. и т.д. *ast* 'низ', азерб. *alt* 'низ', *ard* 'зад'.

ЧАСТИЦЫ

В чувашском языкознании пока не существует единой классификации частиц (ср.: /10, стр. 239-243; 10, 331-342; 95, стр. 329-333).

Состав их тоже не определен, к частицам иногда причисляют некоторые модальные слова, наречия и т.д.

Поэтому мы ограничимся рассмотрением лишь нескольких разрядов частиц, о которых суждения лингвистов относительно единообразны. Это - указательные частицы, ограничительные частицы и модально-экспрессивные частицы, выражающие различные оттенки значений: отрицание, утверждение, вопрос, сомнение и т.д.

Указательные частицы

К ним относятся: *ak*, *aḱā* 'вот', *av*, *avā* 'вон', *vāi* 'вот' и *ves* 'вон'.

О структуре *aḱā* (< *a-ku*) и *avā* (< *a-vu*) уже говорилось в разделе "Указательные местоимения" 287.

Vāi 'вот' — заимствование из русского языка.

Ves (диал. *vaś*, *voś*, *voḱā*, *vuś*) 'вон' этимологически связано с такими формами, как *avīs*, *avīs*, *avīḱa*, *avōś* 'вон' < *av(ā)is*, // *ās* / 'ведь', 'действительно'. Возможно, *ves* < **vīs*, **vaś* < *evīs*, ср. чув. диал. *ev* 'вон', *vaś* < **vīs* < **avīs*; ср. также *veḱa*, *veḱe* 'вон' (*ves* + *av*, по Н.И. Ашмарину), *vaḱa* 'вон' 288

Ограничительные частицы

К ним относятся *kāna* 'только', *śes*, *śis*, *śex*, *śix* 'только' (главным образом в верховом диалекте) и *anḱak* 'только'.

Частица *kāna* распространена во многих тюркских языках 289. Например: тат. *ḱāna/gānā*, ног. диал. *ḱana/gene* 'только', кал. *ḱana*, др. тюрк. *kīja*, *kīja*, *kīna* — "уменьшительно-выделительная частица-аффикс", узб. *gīna* и т.д. Судя по распространению частицы *kāna* в чувашском языке (низовой диалект) и аналогичной частицы *gāna* в марийском языке (главным образом восточное наречие), ее источником является татарский язык. Этимология частицы *kīna* < **kīja* неясна (ср.: /221, стр. 103/).

Частицы *śes* (*śis*), *śex* (*śix*) 'только', вероятно, того же происхождения, что и уменьшительный аффикс *śes* < **čeč*: ср. *vaiśās* 'маленький' и *vāi śes* 'только он'; *śes* < **č* + *eč*, *śex* < **č*-*e-x*, где *-č*, *-eč* и *-ex* — аффиксы с уменьшительным значением.

Anḱak 'только' одного происхождения с противительным союзом *an* 'но' < *an* (местоименная основа) + *-ča* (аффикс экватива) + *ax* (усилительная частица); ср. азер. *anḱax*, тур. *anḱak* 'лишь', 'только', 'но', 'однако', карайм. *anḱax*, *anḱak* 'но', 'только', СС: *anḱak* — "огранич. наречие", XIII: *anḱak* 'только', 'однако'.

В чувашский язык *anḱak* попало из какого-то кыпчакского диалекта, так как сохранило анлаутный *a* и *č* (ср. караймскую и половецкую формы).

Модально-экспрессивные частицы

Отрицательные частицы *an*, *maḱ* и *ni* были рассмотрены выше, в соответствующих разделах книги 290.

К вопросительным частицам относятся: *i*, *im*, *imən*, *a/e*, *am/em*, *ši*, *šim*, *šin*, *ke*.

287 См. также: /16, стр. 424-425/.

288 Или: *voś*, *vuś* < *vo*, *vu* 'тот' + *ās*, *iś*?

289 В ряде тюркских языков, например узбекском, караймском, известен уменьшительный аффикс *-kīna*.

290. Повелительное наклонение, стр. 77; "Формы недостаточного глагола 'е'", стр. 59; "Отрицательные местоимения", стр. 36.

Вопросительная частица *i* 'ли', 'разве', в удвоенном виде: *i-i* 'ли... ли' по значению и употреблению соответствует общетюркской частице *mī* / *mi*. Возможно, *i* < *āj* < *īj*, ср. баш. диал. *mənaj* < *mə-nə-j*, якутские вопросительные аффиксы *-nīj/-nij*, *-īj/-ij* /146, стр. 162/.

Im 'разве' < *i-mən*, ср. диал. *i-mən* 291 и *imən-i*, которые сопоставимы с татаро-башкирскими формами *mənāj*, *mənī*, 'разве'; ср. также шор. *binē*, *binem*: *ol pob-ḱan-bine?* 'он ли это был?' /41, стр. 244/.

Частица *a/e* по значению соответствует *i*, но употребление ее более ограничено (после глагольных форм 2-го лица): *es šiva kəme karān-a?* 'ты ходил купаться?'.

Генетически она может быть связана с частицей *a* 292, употребляемой с формами повелительного и предлагательно-желательного наклонений: *kaḱaḱam-a* 'скажи-ка'. Эта частица является общетюркской: ср. также узб. *a/ja* (*bārasaḱ-a* 'пойдешь, а?'), тат. *ā* 'а?', кал. *a* (*kelsaḱ-a* 'приди же') и т.д.

К частице *a/e* восходит и составная частица *am/em* 'разве' < *amən* (*es xulana kaḱrən-am?* 'разве ты съездил в город?').

Частицу *-ši* (вопросительная частица с оттенком сомнения, недоумения 293) М. Рясänen /221, стр. 251/ возводит к **si*.

В говорах употребительны варианты *šim* и *šin* < **si mən*.

К вопросительным частицам принадлежат также: *vara* (*aḱu kilte-i vara?* 'а дома твой отец?', *eḱə paḱara kaḱatnim vara?* 'разве ты ходил на базар?'); *ara* (*kunḱa pulš pur-i ara?* 'а что, здесь есть рыба?') и ее фонетические варианты *ere*, *ra*, *re*. Вопросительная частица *vara* отмечена и в марийском языке.

Обычно чувашские языковеды относят частицы *vara*, *ara* к утвердительным. Однако эти частицы выражают целый комплекс модальных значений, которые реализуются в зависимости от позиции частицы в предложении, интонации предложения, контекста и т.д.

Частицы *vara* и *ara* пока не имеют надежной этимологии. С *ara*, возможно, сопоставима татарская диалектальная (мишарская) частица *ārā* 'разве', хотя татарские диалектологи производят ее от русского "разве".

Всего вероятней, что чувашское *vara* происходит из *vara*, соответствующего тюрк. *ōzā* 'потом', 'после'; *ara* < *?arī* 'после' (тат. *arā* и т.д.), ср. баш. диал. *baraḱmḱ huḱ?* 'мне пойти, да?', где *huḱ* — из послелога со значением 'потом', 'после'.

В чувашских верховых говорах употребляется частица *-ke* (*aḱu kilte i-ke?* 'что, дома твоя мать?').

291 Любопытна вопросительная форма глагола *tetmər* < *?tetm-er*.

292 Н.И. Ашмарин указывал на сходство этой частицы с удмуртской частицей *a* 'разве'.

293 Например: чув. *paḱanḱā-ši?* 'это картофель, что ли?'; *kaḱrāš-šim* 'они, должно быть, уехали что ли?' (переводы из словаря Н.И. Ашмарина).

Эта частица может выступать в сочетании с *те/та; те-ке, та-ка* 'зачем?'

С формами повелительного наклонения она выражает побуждение: *тапа śāḷṣa xāvarṣam-ke* 'спаси меня'. Возможно, что это *ке* сопоставимо с *ике* в тат. диал. *ikā*, карабулак. /158/ *ekā < ikān, ekān* (ср. узб. *barib kel samikan* 'что если мне пойти?'), а также с туркменской частицей *kā*: (*ol gelemikā?* 'придет ли он?')²⁹⁴

Частицы *ara, vara, ija* (последняя из татарского) можно отнести к утвердительным.

К модальным частицам причисляют также: *is, as, s* 'ведь'; *aske* 'ведь', 'действительно', 'конечно', 'разумеется', *la* 'же', *t3r* 'наверно'. Частице *is, as, s* соответствует татарская частица *ič* с тем же утвердительным значением²⁹⁵. Вместо частицы *-ske* иногда /79, стр. 19 употребляется частица *la/le* 'ведь', которая, как считает Н.И. Ашмарин, заимствована из татарского языка: *kalarām-la* 'я сказал же', 'сказал ведь'; в башкирском частица *la/lā* совпала с *da/dā*.

Частица *tār/tar*, 'вероятно', 'возможно', известна большинству тюркских языков. Она восходит к форме *tuṭur* и может сочетаться с именами и глагольными формами, выражая различные модальные оттенки: категорической уверенности, сомнения, неуверенности. В.Г. Егоров /74, стр. 332/ замечает, что раньше частица *tār/tar* предпочтительно употреблялась в низовом диалекте. Видимо, учитывая это, и следует искать ее источник (кыпчакские диалекты?)

Усилительные частицы

Частица *ax/ex* является общетюркской. Наиболее близкие к ней фонетические варианты представлены, например, в каракалпакском и казахском языках: *ak*; сюда же: др. тюрк., ног., шор. *ok*, тат., баш. *uk* и т.д. (во многих языках есть варианты с передним гласным: *ōk, ūk*).

Частица *ta/te* 'и', 'даже' также является общетюркской /221, стр. 2. Она генетически тождественна сочинительному союзу *ta/te*.

Слово *mān* полисеманлично. Оно может выступать и как усилительная частица 'самый': *aḷā kāsāl mān šurkunnereṇpe šumār šumast* 'вог в это году снова с самой весны не идет дождь'; *mān pāčäkren* 'с самого детства', 'с самых малых лет'.

Частица *ši* 'самый' имеет варианты *šin, šān* 'самый', 'очень', 'всма': *ši pīšāk* 'самый большой', *šān lajāx* 'самый хороший'. Этимология частицы *ši* неясна, ср. кум. *šink* 'самый', др. тюрк. *šim*: *šim ol ton* 'очень совершенно мокрая одежда', туркм. *šim kiđil* 'совершенно красный', *šim*

²⁹⁴ Д.Г. Тумашева /135, стр. 109/ отмечает, что вопросительная частица *та/мâ* может сливаться с модальным словом *ikān*: *migān*.

²⁹⁵ Ср. чув. *ku šu-i?* 'это вода?' — *šu-s* (или: *šu-ske*) 'ну да, вода, вода, разумеется'; *aske < as + ke*; *as < āinč* (модальная часть) /? — Л.Л./.

ak 'очень белый', кир. *šim ak* 'чисто-белый', *šimki* 'чистый', 'сплошной (о цвете)²⁹⁶, каз. *šim, šimka*, балк. *šīn* 'самый', но тат. диал. *šānkāj* 'истинный', 'настоящий', тат. *šān*, чув. *šān* 'настоящий', 'чистый' > чув. *šān* 'самый', 'очень', 'весьма'; нельзя ли чув. *ši* вывести из **šāšāj < šīnkij* (ср. ккал. *šīn/šim* 'чистый', 'без примеси', *šim kara* 'самый черный')?

Побудительные частицы *sat, xa, ša* были рассмотрены в разделе "Повелительное наклонение" (выше, стр. 75).

Некоторые исследователи, например В.Г. Егоров, И.П. Павлов, выделяют определительные частицы²⁹⁷ *lap, lār, šar, šār* 'как раз', 'ровно', 'именно'. Видимо, *lap, lār, šar, šār* — варианты одного слова (*kl ~ š* ср.: мар. *šār* 'тихо', 'смирно', *tār* то же и *lārke* 'смирно', тат. диал. *lām bul-* 'притихнуть' ~ *šām bul-*). Возможно, с *lār* сопоставимо тат. диал. *lārān* 'вплотную', а с *lap* — мар. *lapak* 'как раз'.

²⁹⁶ Ср.: *šilk, šīnk* 'чистый', 'без примеси', 'сплошной'.

²⁹⁷ Определительные частицы отмечены и в марийском языке.